

США & Канада

ЭКОНОМИКА • ПОЛИТИКА • КУЛЬТУРА

USA & Canada: Economics • Politics • Culture

С Новым годом!

- ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ:
СЕКРЕТЫ ДОЛГОЛЕТИЯ
- КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА ВЕДУЩИХ НЕФТЯНЫХ КОМПАНИЙ США
- РОЛЬ АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ В УРЕГУЛИРОВАНИИ
СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА
- НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЯПОНО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1937–1939 гг.
- КОРПОРАЦИЯ «БОИНГ» И МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОМЫШЛЕННОГО
ПРОИЗВОДСТВА
- ЮЖНЫЙ КАВКАЗ И ТРАНСФОРМАЦИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО ПОРЯДКА
- АМЕРИКАНСКАЯ ЖИВОПИСЬ 1980-х ГОДОВ

1 • 2023

*Российская академия наук
Институт Соединённых Штатов Америки и Канады
имени академика Г.А. Арбатова*

США & Канада

ЭКОНОМИКА – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Научный и общественно-политический журнал

2023

№ 1 (637)

Январь

Основан в январе 1970 года

Выходит 12 раз в год

ISSN 2686-6730

*Журнал издаётся под руководством
Отделения глобальных проблем и международных
отношений РАН*

Главный редактор

А.Н. ПАНОВ

Редакционная коллегия:

В.Н. Гарбузов (ИСКРАН, Москва, Россия); П.С. Золотарёв (ИСКРАН, Москва, Россия); Е.Г. Комкова (ИСКРАН, Москва, Россия); К.И. Косачёв (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); С.В. Лавров (МИД РФ, Москва, Россия); Л.Ф. Лебедева (ИСКРАН, Москва, Россия); В.П. Лукин (Совет Федерации Федерального Собрания РФ, Москва, Россия); М.Г. Носов (Институт Европы РАН, Москва, Россия); О.Г. Овчинников (ИСКРАН, Москва, Россия); А.Н. Панов (МГИМО, Москва, Россия); А.А. Пороховский (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия); С.М. Рогов (ИСКРАН, Москва, Россия); С.А. Рябков (МИД РФ, Москва, Россия); В.Б. Супян (ИСКРАН, Москва, Россия); Т.А. Шаклеина (МГИМО, Москва, Россия); Том Грэм (Ассоциация Киссинджера, Нью-Йорк, США); Пан Давэй (Шанхайская академия общественных наук, Шанхай, КНР); Нобуо Симотомаи (Университет Хосэй, Токио, Япония) Анжела Стент (Джорджтаунский университет, Вашингтон, США); Кадзухико Того (Университет Киото Сангё, Киото, Япония).

Номер готовили:

В.С. Ахонина; М.Ю. Белецкая; А.Л. Коровина; О.Б. Кузнецова;
Е.К. Рогульская (заведующая редакцией); А.С. Степанов.

Москва

© Российская академия наук, 2023
© Институт США и Канады РАН, 2023
© Редакция журнала «США & Канада»
(составитель), 2023

*Russian Academy of Sciences
Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies*

USA & Canada

ECONOMICS – POLITICS – CULTURE

2023

No. 1 (637)

January

Published since January 1970

Monthly Publication (12 Times a Year)

ISSN 2686-6730

*The Journal is published under supervision of the Department of Global
Problems and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. PANOV

Editorial Board:

V. Garbuzov (ISKRAN, Moscow, Russia); P. Zolotarev (ISKRAN, Moscow, Russia); E. Komkova (ISKRAN, Moscow, Russia); K. Kosachev (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); S. Lavrov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); L. Lebedeva (ISKRAN, Moscow, Russia); V. Lukin (Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow, Russia); M. Nosov (The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia); O. Ovchinnikov (ISKRAN, Moscow, Russia); A. Panov (MGIMO, Moscow, Russia); A. Porokhovskii (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia); Rogov (ISKRAN, Moscow, Russia); S. Ryabkov (The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia); V. Supyan (ISKRAN, Moscow, Russia); T. Shackleina (MGIMO, Moscow, Russia); Thomas Graham (Kissinger Associates, Inc., New York, USA); Pan Dawei (Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China); Nobuo Shimotomai (Hosei University, Tokyo, Japan); Angela Stent (Georgetown University, Washington, D.C., USA); Kazuhiko Togo (Kyoto Sangyo University, Kyoto, Japan).

Moscow

© Russian Academy of Sciences, 2023

© Institute for the U.S. and Canadian
Studies (ISKRAN), 2023

© Editorial Board of "USA & Canada"
(compiler), 2023

Содержание

2023, № 1 (637)

Панов А.Н. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия (ч.2).....	5
Погосян Б.П. Трансформация международного порядка после холодной войны и политика глобальных и региональных держав на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 г.	21
Иванов Р.А., Пусенкова Н.Н. Климатическая повестка ведущих нефтяных компаний США.....	38

Ретроспектива

Юрк А.В. Дипломатия Барака Обамы и сирийский мирный процесс.....	59
Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг.	75

Страницы истории

Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. В поисках себя и дикой природы. Теодор Рузвельт в Северной Дакоте.....	94
--	----

Вопросы управления

Конарева Л.А. Глобализация как угроза для американских промышленных предприятий в эпоху цифровой экономики.....	102
--	-----

Культура

Переверзева М.В. Пора зрелости американской живописи: образы восьмидесятых годов XX века.....	115
--	-----

Светлана Николаевна Бабич	126
--	-----

Информация для авторов	127
-------------------------------------	-----

Публикуемые материалы отражают точку зрения авторов, которая может не совпадать с мнением редколлегии журнала.

Любое использование публикаций журнала в коммерческих целях, включая перепечатку или перевод на иностранные языки, без письменного согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал при цитировании или частичном использовании текста публикаций обязательна.

Contents

2023, No. 1 (637)

Panov, A.N. The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity (pt.2).....	5
Poghosyan, B. Transformation of the Post-Cold War Order and the Global and Regional Powers Policy in the South Caucasus after the 2020 Karabakh War.....	21
Ivanov, N.A., Poussenkova, N.N. Climate Agenda of the Leading US Oil Companies.....	38

Retrospection

Yurk, A.V. Barack Obama's Diplomacy and the Syrian Peace Process.....	59
Ermakov, D.N., Popov, G.G. Kazenkov, O.Yu. The Initial Period of the Sino- Japanese War 1937–1939.....	75

History

Vivatenko, S.V., Sivolap, T.E. In search of oneself and wildlife. Theodore Roosevelt in North Dakota.....	94
---	-----------

Management

Konareva, L.A. Globalization as a Threat to American Industrial Enterprises in the Era of Digital Economy.....	102
--	------------

Culture

Pereverzeva, M.V. The Coming of Age of American Painting: Images of the Eighties.....	115
S.N. Babich	126

УДК: 327

DOI: 10.31857/S2686673023010017

EDN: GYYVHP

Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия (ч.2)*

А.Н. Панов

Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова

Российской академии наук (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д.2/3.

РИНЦ ID: 626113

ORCID: 0000-003-0236-3756

e-mail: panov.taishi@yandex.ru

Резюме: В статье рассматривается эволюция японо-американского военно-политического союза в конце XX – начале XXI века под воздействием возросшего политического, экономического и военного потенциала Японии, а также радикальной перестройки международных отношений в период разрядки советско-американских отношений, окончания холодной войны, распада Советского Союза, возвышения Китая, обострения международной обстановки после начала специальной военной операции России на Украине.

Оценивается военный потенциал Японии, способность сил самообороны отражать ограниченное нападение на японскую территорию и планы японского правительства по совершенствованию оборонного потенциала страны.

При этом отмечаются серьёзные недостатки японского потенциала сдерживания возможных угроз безопасности и сохранение опоры на «ядерный зонтик» США и помощь американских войск по отражению агрессии.

В связи с этим прогнозируется, особенно с учётом радикально изменившейся международной обстановки в глобальном масштабе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе в частности, большая вероятность сохранения японо-американского военно-политического союза.

Ключевые слова: разрядка напряжённости, холодная война, распад СССР, возвышение Китая, обострение российско-американских отношений, сохранение японо-американского военно-политического союза

Для цитирования: Панов А.Н. Японо-американский военно-политический союз: секреты долголетия. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53 (1): 5–20. DOI: 10.31857/S2686673023010017 EDN: GYYVHP

The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity (pt. 2)

A.N. Panov

Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies,

Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3. Khlebny pereulok, 121069 Moscow, Russian Federation

РИНЦ ID: 626113

ORCID: 0000-003-0236-3756

e-mail: panov.taishi@yandex.ru

* Окончание. Начало см.: *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2022. № 12. – Ред.

Abstract: The article analyzes an evolution of the Japanese-American military-political alliance in the end of XX – in the beginning of XXI centuries under influence of the increased of political, economical and military potential of Japan and also radical reorganization of international relations in the period of detente in Soviet-American relations, in the end of cold war, disintegration of the Soviet Union, the rise of China, aggravation of international situation after the start of the limited special operation of Russia in Ukraine.

Military potential of the Japanese was evaluated, as well as the possibility of Japanese self-defense forces to repel limited attack on Japanese territory and plans of the government of Japan for improvement of the defense potential of the state.

With it all, there are noted a serious shortcomings of Japanese potential of deterrence of possible threats for security and preservation of relay on the U.S. «nuclear umbrella», as well as assistance of American armed forces in repel of aggression.

In this connection, there is a prognosis, especially in view of radically changes global international situation and relations in the Asia-Pacific region, that the Japanese-American military-political alliance will be preserved in all probability.

Keywords: detente of tensions, cold war, disintegration of the Soviet Union, rise of China, aggravation of Russian-American relations, military potential of Japan, preservation of Japanese-American military-political alliance

For citation: Panov A.N. The Japanese-American Military-Political Alliance: Secrets of Longevity. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (1): 5–20.

DOI: 10.31857/S2686673023010017

EDN: GYYVHP

ВВЕДЕНИЕ

После заключения в 1960 году Договора безопасности с США Япония приняла и предпринимает меры по совершенствованию собственного оборонного потенциала. Преследуются две основные цели: создать возможности для отражения ограниченного вооружённого нападения на японскую территорию, а также повысить роль Токио в японо-американском военно-политическом союзе. При этом укрепляется сотрудничество с США в военной сфере. Имеется в виду, что в случае агрессии против Японии, которую она не сможет отразить своими средствами, на помощь придут американские вооружённые силы.

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ СОЮЗ В 1970–1980-е годы. ВОЗВРАЩЕНИЕ АРХИПЕЛАГА РЮКЮ

Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., США получили фактически бессрочное право на административное управление архипелагом Рюкю с его главным островом Окинава.

В начале 60-х годов XX века в широких кругах японской общественности проблема возвращения находившихся под контролем США территорий стала приобретать характер общенационального движения.

Впервые тему возвращения островов Рюкю поднял премьер-министр Э. Сато на переговорах с президентом Л. Джонсоном в ноябре 1967 г., и по их итогам американская сторона согласилась совместно с японским правительством пере-

смаатривать статус этих островов для возвращения в перспективе административных прав над ними Японии [Вербицкий С.И. 1972: 206].

В совместном коммюнике по итогам переговоров в Вашингтоне в ноябре 1969 г. премьер-министра Э. Сато и президента Р. Никсона было объявлено о достижении договорённости о возвращении Окинавы Японии в 1972 г. и о применении в отношении острова после его возвращения Японии всех положений Договора безопасности и сопутствующих соглашений без каких-либо изъятий.

Тогда возник вопрос: сохранится ли на американских базах на Окинаве ядерное оружие или будет применяться политика «трёх неядерных принципов» японского правительства.

Японский парламент в ноябре 1971 г. принял резолюцию с требованием к правительству добиваться возвращения Окинавы без ядерного оружия. Именно в таком духе было настроено подавляющее большинство населения страны.

США исходили из того, что они сохраняют за собой право иметь и доставлять на Окинаву ядерное оружие. А после возвращения Окинавы под суверенитет Японии не отрицали, что о таком праве они с японской стороной договорились.

Японское правительство традиционно с учётом преобладающей у населения страны устойчивой «ядерной аллергии» утверждало, что подобной договорённости якобы не было и остров был возвращён с безъядерным статусом.

С американской стороны накануне «передачи» Окинавы Японии последовало устное обещание вывезти с острова ядерное, химическое и бактериологическое оружие.

После прихода к власти в сентябре 2009 г. оппозиционной Демократической партии по поручению правительства была создана специальная комиссия, которая изучила большое количество архивных документов МИД Японии, а также материалов, переданных по запросу Токио американской стороной.

По результатам исследования комиссия опубликовала заключение, согласно которому перед передачей Окинавы Японии между Токио и Вашингтоном была достигнута договорённость, разрешавшая США без предварительного уведомления японского правительства ввозить ядерное оружие на территорию Окинавы «на временной основе», а также размещать его на острове в случае чрезвычайных обстоятельств после проведения консультаций с японской стороной.

Эта договорённость была подтверждена на встрече премьер-министра Э. Сато и президента Р. Никсона в 1969 году [Стрельцов Д.В. 2010: 58].

В Вашингтоне, полагая, что Япония прочно вошла в военно-политический союз с США, зарекомендовала себя надёжным союзником, а также стремясь сбить накал антиамериканских настроений широких слоёв японской общественности, выступавших против войны США в Индокитае и использования в этих целях своих баз на Окинаве, сочли возможным удовлетворить требования Токио о возвращении уступленных США японских островов, включая Окинаву.

В настоящее время контингент американских вооружённых сил в Японии располагает на её территории 85 военными объектами. Наиболее значимые из них военно-морские базы США находятся в Екосука (о. Хонсю) и Сасэбо (о. Кю-

сю), военно-воздушные в Мисава (о. Хонсю) и Кадэна (о. Окинава), где также располагается Корпус морской пехоты и вертолетный отряд.

Однако большая часть вооружённых сил США, насчитывающих в Японии 54 тыс. человек, находится в префектуре Окинава. Местные жители регулярно жалуются на трудности повседневной жизни, связанные с тем, что для американских баз выделяют большие земельные участки, проводится много учений, а американцы зачастую нарушают японские законы и нормы поведения.

Чтобы устранить такое недовольство, США вывели к 2014 г. с территории префектуры на о. Гуам 2 тыс. морских пехотинцев, при этом японская сторона частично оплатила расходы в размере 6 млрд долл. (из 10 млрд). Намечен вывод к 2024 г. дополнительно 4 тыс. морских пехотинцев, что обойдётся японскому правительству в 3 млрд долл. Идёт передислокация вертолётной базы из густонаселённого поселка в отдалённый район префектуры Окинава.

Согласно общенациональному опросу, проведённому весной 2022 г., 61% жителей Окинава выступает за сокращение присутствия американских баз на территории префектуры и только 19% – за сохранение нынешней ситуации. При этом 32% опрошенных согласны, что базы США «необходимы для безопасности как Японии, так и США», 58% жителей префектуры высказались за сохранение японо-американского военно-политического союза [1].

Проявляя недовольство «чрезмерным присутствием» американских войск на «своей префектуре», окинавцы тем не менее не хотели бы лишиться серьёзных доходов, прежде всего личных, от их обслуживания.

ЯПОНСКАЯ «САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ» В 70-е годы XX ВЕКА

Премьер-министр Японии Э. Сато в публичных выступлениях в конце 1969 г., посчитав, что настало время добиваться для Японии международной роли, достойной второй по экономическим показателям страны мира, уверовал в возможность выравнивать отношения в японо-американском военно-политическом союзе.

Не оспаривая «центральную роль США в сохранении глобального мира и безопасности в Азии», он, тем не менее, предложил «распространить сотрудничество Японии и США — первой и второй экономических держав мира — «на широкий спектр глобальных проблем и совместно работать «над построением нового порядка в мире».

Принципиальный подход США к Японии в тот период заключался в том, что следовало поддерживать «идеальный баланс», при котором Япония стала бы достаточно сильной, чтобы осуществлять собственными силами оборону от «малых угроз» и участвовать в усилиях Соединённых Штатов, обеспечивающих региональную оборону, но по-прежнему под жёстким американским контролем.

Однако резкий разворот американской политики в сторону нормализации отношений с Китаем, совершённый в начале 70-х годов тандемом Р. Никсон – Г. Киссинджер, а затем последовавшее поражение США во Вьетнамской войне

породили в Токио серьёзные сомнения в могуществе и надёжности американского союзника.

С тех пор среди японской политической элиты, у многих политологов устойчиво сохраняется мнение о том, что США в случае изменения своего курса в отношении Китая и достижения с Пекином принципиальных договорённостей, не учитывающих японские интересы, могут «предать Японию».

«Обида» японцев на «шок Никсона» вкупе с его внешнеэкономической политикой, имевшей антияпонскую направленность, побудила Токио предпринять самостоятельные внешнеполитические шаги.

В 1972–1973 гг. Япония установила дипломатические отношения с Китаем, ГДР, Вьетнамом, Монголией. Пошла на ряд несогласованных с Вашингтоном действий по активизации политики на Ближнем Востоке, в том числе поддержав требования о выводе израильских войск с оккупированных арабских территорий и признав законные права палестинского народа.

В то время американская политическая, деловая и научная элита была крайне обеспокоена попытками Японии проявлять самостоятельность, тем более стали появляться прогнозы о том, что уже скоро Япония обойдёт США по экономической мощи.

Ответ США на «японский вызов» в какой-то степени напоминает нынешний американский ответ на «китайский вызов».

Вашингтон развернул торгово-экономические баталии с Токио, вводя ограничения, по сути санкции, на доступ на американский рынок японских товаров, добился повышения валютного курса иены, воспрепятствовал японским попыткам создать иеновую зону в Юго-Восточной Азии (ЮВА). И, наконец, выделил значительные средства на решение внутриамериканских экономических проблем, вкладывая их в те передовые отрасли, где преуспели японские компании.

Принимая во внимание обострившиеся отношения со своим союзником, японское правительство предприняло ряд «подстраховочных мер» по уточнению и подтверждению обязательств США по обороне Японии.

В октябре 1976 г. японское правительство одобрило «Основные положения национальной обороны». В соответствии с этим документом было принято решение развивать военный потенциал страны в пределах минимально необходимых для самообороны, ограничивая ежегодные расходы на оборону в пределах 1% ВВП.

В документе указывалось на возможность лишь «ограниченной агрессии небольшого масштаба» против Японии, которую способны ликвидировать собственные вооружённые силы. Отражение ядерной угрозы по-прежнему возлагалось на Соединённые Штаты.

В развитие этого документа в ноябре 1978 г. японское правительство утвердило Руководящие принципы японо-американского сотрудничества в области обороны. В этом документе, согласованном с американской стороной, было определено, что при вооружённом нападении на Японию силы самообороны должны самостоятельно отразить локальную агрессию небольшого масштаба.

Помощь американских вооружённых сил будет востребована «в случае необходимости». США обеспечивают «ядерное сдерживание».

Предусматривалась отработка эффективного взаимодействия вооружённых сил двух стран путём проведения регулярных и интенсивных совместных учений и манёвров.

Впоследствии в Руководящие принципы периодически вносились корректировки и уточнения, не имевшие в целом принципиально нового характера.

Вашингтон в 1970-е годы прилагал усилия, чтобы успокоить своего японского союзника относительно гарантий по Договору безопасности, а также демонстрировал готовность учитывать японские интересы в сфере внешней политики и развития сил самообороны. В этот период японское правительство начало проводить курс на активное торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом, чему Вашингтон не чинил серьёзных препятствий.

Таким образом, несмотря на возросший экономический потенциал Японии, наличие ресурсов для создания вооружённых сил, способных самостоятельно решать задачи обороны страны, на фоне «кризиса доверия» к способности США осуществлять свою стратегию сдерживания в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) в связи с поражением в войне в Индокитае, японская правящая элита сочла не целесообразным менять стратегию сохранения союзнических отношений с Вашингтоном. «Доктрина Ёсида» продолжала осуществляться.

При этом в 1970-е годы в документах японского правительства указывалось, что, несмотря на разрядку напряжённости в американо-советских отношениях, противоречия между двумя блоками носят глубокий характер, а вблизи Японии сохраняется опасность на Корейском полуострове, увеличивается военная мощь соседних стран.

ЯПОНО-АМЕРИКАНСКИЙ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ СОЮЗ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Период «определённой самостоятельности» Токио во внешнеполитических делах закончился к началу 1980-х годов.

В эти годы после военного вмешательства Советского Союза в Афганистан и введения США и западноевропейскими странами санкций в отношении Москвы Япония поддержала «позицию сотрудничества и солидарности западных стран». Такой подход способствовал укреплению японо-американского военно-политического союза.

В официальных документах японского правительства начало фигурировать положение о том, что основу внешней политики Японии составляет «прочная солидарность и сотрудничество с западными демократиями», а Советский Союз представляет «военную угрозу» для Японии.

На совещании «семёрки» в 1988 г. Япония выдвинула «концепцию неделимости безопасности Запада» и добилась того, что в соглашение Советского Союза и США по ликвидации ракет средней и меньшей дальности было включено положение об их полном уничтожении, что исключало возможность частичной

передислокации такого класса советских ракет из европейских районов на азиатскую часть страны.

Окончание эпохи холодной войны и распад Советского Союза создали принципиально новую конфигурацию международных отношений. Японский истеблишмент, не привычный к резким переменам на международной арене, начал испытывать беспокойство по поводу возможной изоляции Японии от формирования нового баланса сил. При этом прогнозировалась потеря интереса США к Азиатско-Тихоокеанскому региону, включая Японию, при одновременном росте влияния Китая.

После окончания холодной войны в Токио исходили из того, что, хотя возможность глобального вооружённого конфликта значительно снизилась, остаются многие территориальные проблемы и региональные конфликты вблизи Японии, а в международной политике существует непредсказуемость и неопределённость. При этом США, обладая самым значительным военным потенциалом, продолжают оставаться основным «гарантом поддержания мира и стабильности» в глобальном масштабе.

Япония подтвердила, что сохранит курс исключительно на обеспечение самообороны, не станет военной державой, будет исходить из того, что Договор безопасности с США неразрывно связан с безопасностью Японии.

После террористических атак на Соединённые Штаты 11 сентября 2001 г. правительство Японии незамедлительно добилось законодательного одобрения парламентом разрешения направлять силы самообороны за рубеж для оказания поддержки созданной США коалиции по борьбе с терроризмом в Афганистане. Вместе с тем их участие непосредственно в боевых действиях не предусматривалось.

Токио поддержал военную операцию США в Ираке в 2003 г. Разведывательные самолёты сил самообороны осуществляли контроль за морским и воздушным пространством, а корабли обеспечивали снабжение коалиционных войск топливом и техническим оборудованием. Более того, впервые в послевоенное время за границу — в Ирак — было послано более 4 тыс. японских военнослужащих, не принимавших, однако, участия в боевых действиях.

Во всех официальных документах японского правительства, включая Министерство иностранных дел, на первое место при изложении внешнеполитического курса страны ставилось «усиление японо-американского союза как краеугольного камня» японской внешнеполитической стратегии.

Тем не менее, японское правительство под руководством премьер-министра Хасимото Рютаро предприняло попытку разработать свою концепцию, своё видение того, какую роль следовало бы играть Японии в новую эпоху после холодной войны и распада Советского Союза.

В результате осмысления новых реалий в глобальной и региональной политике была разработана концепция «евразийской» дипломатии, с которой выступил премьер-министр Хасимото в июле 1997 года.

Система японо-американского Договора безопасности под вопрос не ставилась. Вместе с тем предлагалось по инициативе Японии сформировать в АТР отношения безопасности и сотрудничества на четырёхсторонней основе — Япо-

ния, США, Китай, Россия. В интересах этого ставилась задача улучшить японо-российские и японо-китайские отношения. Хасимото и возглавлявшие после него правительства К. Обути и Е. Мори в целом придерживались этой концепции, особенно в том, что касается улучшения отношений Токио с Москвой.

Однако Коидзуми Дзюньитиро, возглавивший правительство в апреле 2001 г., не проявил интереса к реализации концепции «евразийской» дипломатии, а основным принципом своей внешнеполитической деятельности определил укрепление военно-политического союза Японии с США.

Он мотивировал это тем, что «США — единственная страна в мире, которая заявила, что будет рассматривать любое военное нападение на Японию как нападение на саму себя» [Кимуро Хироси. 2007: 96].

Япония признала доминирующую роль Соединённых Штатов в однополярном мире после окончания холодной войны.

В декабре 2004 г. кабинет Коидзуми одобрил очередную редакцию «Основных положений национальной обороны», в которой впервые в качестве потенциальной угрозы безопасности Японии были упомянуты Китай и КНДР.

Один из «секретов» долголетия японо-американского военно-политического союза заключается в постоянной корректировке, дополнении его содержания без пересмотра статей Договора безопасности.

Так, с конца 1970-х годов японские военно-морские силы взяли на себя по согласованию с Вашингтоном патрулирование морского и воздушного пространства и коммуникаций в радиусе 1000 миль от японской территории, что позволило высвободить американские ВМС и ВВС от этой миссии в западной части Тихого океана.

Руководящие принципы японо-американского оборонного сотрудничества корректировались в 1997 и в 2015 г., когда стороны договорились создать постоянно действующий координационный орган военного союза для согласования действий в случае чрезвычайной ситуации, затрагивающей оба государства.

В апреле 2014 г. японское правительство утвердило «три принципа» экспорта оружия, что было сделано не в последнюю очередь в интересах США, начавших уделять всё больше внимания возможности получать передовые японские разработки военного характера.

Согласно этим принципам, разрешается экспорт оружия японского производства союзным или дружественным странам, когда это «может служить поддержанию мира и международному сотрудничеству». Снимаются ограничения на совместные с такими странами разработки военной продукции.

Сохраняется запрет продукции военного назначения в страны, находящиеся под санкциями СБ ООН или использующие свои вооружённые силы в нарушение международного права. Не допускается использовать вывезенные из Японии вооружения в не предусмотренных соглашениями целях или перепродажу их третьим странам. Решение об экспорте военной продукции должно принимать правительство в каждом отдельном случае и носить открытый характер.

Эти принципы отменяли прежние решения 1967 и 1976 годов, вводивших жёсткие запреты на экспорт продукции военного назначения.

Японии есть, что предложить на экспорт, в том числе дизельно-электрические подлодки, танки и бронетранспортёры нового поколения, широкий набор стрелкового оружия. Всё это производится по «программе самообеспечения» сил самообороны вооружениями собственного производства. Вместе с тем наиболее технологически сложные виды военной продукции Япония по-прежнему получает от США.

Несмотря на то, что в японской политической элите существует определённое недовольство чрезмерной привязанностью к политике Вашингтона, мало кто из её представителей отважился выступать за пересмотр или корректировку японо-американского военно-политического союза.

Исключение составил Хатояма Юкио, который вышел из членов ЛДП, стал одним из основателей оппозиционной Демократической партии, и когда летом 2009 г. эта партия победила на парламентских выборах, возглавил правительство.

Он был сторонником более равноправных и независимых отношений с США, считая важным улучшить отношения с Китаем и Россией, придав японской внешней политике большую самостоятельность и сбалансированность. В известной степени он унаследовал внешнеполитическую философию своего деда Хатоямы Итиро.

При премьерстве Хатоямы японское правительство прекратило оказывать тыловую поддержку американским войскам в Афганистане, поставило вопрос о частичной передислокации американских вооружённых сил на Окинаве.

Несмотря на то что он заявлял, что считает союз Токио с Вашингтоном основой японской внешней политики и в целом не предпринимал каких-либо действий по реализации своей позиции, в Вашингтоне рассматривали его как политика, настроенного антиамерикански и при поддержке проамериканских сил в японской элите предприняли меры к дискредитации его деятельности. В результате менее чем через год своего правления Хатояма вынужден был уйти в отставку.

Абэ Синдзо (премьер-министр в 2006–2007 гг., 2012–2020 гг.), выступил лидером правоконсервативного крыла японской политической элиты, считающей, что Япония, продолжая сохранять верность союзу с США, должна «окончательно избавиться от комплекса поражения в войне, подвести черту под послевоенным развитием страны и сконцентрироваться на её возрождении в качестве одной из ведущих держав мира».

В соответствии с этими взглядами он ратовал за пересмотр конституции страны. Хотя выражал «глубокое сожаление в связи с действиями Японии в прошлой войне», но не высказывал, как это делали его предшественники на посту главы правительства, извинений за совершённые злодеяния.

Много усилий Абэ приложил для обоснования права использовать силы для осуществления коллективной самообороны. Согласно заявлению японского правительства от 1972 года, конституция страны запрещала использовать такое право, то есть защищать своего союзника, подвергнувшегося вооружённому нападению, даже в том случае, если на саму Японию такое нападение не совершено.

Однако в 2015 г. правительство Абэ внесло в парламент два законопроекта, определяющих ситуации, при которых Япония может использовать свои вооружённые силы для реализации права на коллективную самооборону.

Развернулись острые дебаты, в которых высказывались, особенно со стороны оппозиции, опасения о том, что эти законы могут привести к ситуации, когда Япония будет втянута в американскую войну вне зависимости от интересов японской безопасности.

Пришлось правительству скорректировать некоторые положения законопроектов, ограничившись довольно расплывчатыми трактовками ситуаций, при которых может возникнуть необходимость прибегнуть к коллективной самообороне. В том числе, было разъяснено, что силы самообороны смогут действовать совместно с американскими вооружёнными силами и за пределами японской территории, если произойдёт нападение на Японию или на вооружённые силы США, оказывающие помощь в устранении такого нападения.

ПЕРСПЕКТИВЫ ЯПОНО-АМЕРИКАНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА В XXI ВЕКЕ

После американского «бегства» из Афганистана в японских политических кругах высказывалось мнение о том, что, поскольку примеры военного вмешательства Вашингтона в Ираке и Афганистане показывают серьёзные политические ошибки американцев, основанные на военной силе, целесообразно исходить из того, что «слепое следование за США не способно обеспечить Японии гарантии безопасности» [2].

Вновь появились размышления о важности для Токио стать более независимым в формировании и применении своей дипломатической стратегии.

Однако развёртывание Россией специальной военной операции на Украине покончило с мыслями о «большей самостоятельности» Токио во внешней политике.

Японское правительство Кисиды Фумио солидаризировалось со всеми анти-российскими санкционными действиями США и европейских стран, ввело жёсткие, невиданные прежде ограничения во всех сферах отношений Токио и Москвы. Эта позиция получила поддержку подавляющего большинства японской общественности.

События на Украине рассматриваются в Японии как прецедент использования военной силы для решения международных споров. При этом подчёркивается «неделимость безопасности в Европе и Индо-Тихоокеанском регионе». Как заявил в выступлении на саммите стран – членов НАТО в Мадриде 20 июня 2022 г. Кисида, «Украина сегодня может стать Восточной Азией завтра». В данном контексте имеется в виду, что события на Украине способны поощрить Китай попытаться силой «вернуть Тайвань» [3].

В связи с этим следует отметить два аспекта, вытекающие из этой официальной позиции Токио.

Во-первых, японский премьер впервые вместе с приглашёнными на высший форум стран НАТО главами правительств Республики Корея, Австралии и Новой Зеландии участвовал в нём и обещал, что Япония «осовременит» свою индивидуальную программу партнёрства и сотрудничества с НАТО. Таким образом, Токио ставит задачу дополнить японо-американский военно-политический союз полусоюзническими отношениями с НАТО [3].

Во-вторых, была выражена серьёзная обеспокоенность по поводу возможного перерастания конфликтной ситуации вокруг Тайваня в вооружённые действия с участием китайских и американских боевых сил, которая затронет интересы Японии.

Ещё в ноябре 1969 г. в совместном коммюнике по итогам переговоров премьер-министра Японии Сато и президента Никсона в Вашингтоне было отмечено, что «поддержание мира и безопасности в районе Тайваня является чрезвычайно важным фактором для обеспечения безопасности Японии» [4].

После нормализации отношений Японии с КНР и подписания 14 августа 1978 г. Договора о мире и дружбе Токио разорвал официальные отношения с Тайванем, но поддерживает с ним неофициальные контакты.

Бывший премьер-министр Абэ в публичном выступлении в декабре 2021 г. заявил, что, поскольку острова Сэнкаку и Енагуни находятся всего в 100 км от Тайваня, нападение Китая на Тайвань приведёт к «чрезвычайной ситуации для Японии и японо-американского союза» [5]. Иными словами, в Японии не исключают, что «решив проблему» Тайваня, Китай двинется в сторону захвата островов Сэнкаку.

Однако пока нет какого-либо конкретного сценария действий Токио в случае крайнего обострения обстановки вокруг Тайваня, даже если Вашингтон применит «вооружённый ответ» на использование Пекином силы в отношении острова.

Японское правительство запланировало принять новую стратегию национальной безопасности, в которой центральное внимание будет уделено усилению оборонительных возможностей страны, увеличению расходов на оборону при укреплении союзнических отношений с США, мерам по защите морских и воздушных рубежей, прежде всего на юго-западном направлении. Уже объявлено о строительстве на о. Исигаки (150 км к югу от Сэнкаку) сооружений для размещения 500–600 военнослужащих сил самообороны и ракетных батарей. В марте 2022 г. созданная в 2018 г. японская морская бригада быстрого реагирования и американские морские пехотинцы с базы на Окинаве впервые провели совместные учения по отработке высадки десанта и проведения действий по защите «отдалённых японских островов».

В японских правящих кругах ещё до начала событий на Украине начала проявляться серьёзная озабоченность по поводу развития военного сотрудничества России и Китая в АТР, особенно в районе японских островов.

Не прошло незамеченным подписание в ноябре 2021 г. между военными ведомствами России и Китая соглашения о развитии двустороннего сотрудниче-

ства и военной безопасности до 2025 г., в котором, в том числе, предусмотрено морское и воздушное патрулирование двух стран в АТР.

Такое масштабное патрулирование имело место в октябре 2021 г., когда пять российских и пять китайских кораблей, пройдя через Сангарский пролив, отделяющий о. Хоккайдо от о. Хонсю, обогнули территорию Японии с севера на юг и вошли в Японское море. Осуществлялись и совместные пролёты в мае 2022 г. российских и китайских стратегических бомбардировщиков вблизи японского воздушного пространства.

В Белой книге по обороне за 2022 г. отмечается растущая стратегическая конкуренция между США и Китаем и выражается озабоченность в связи с усиливающимся сотрудничеством Москвы и Пекина в противостоянии Вашингтону, которое может затронуть безопасность Японии [6].

По оценкам большинства военных экспертов, Япония сейчас по военной мощи занимает пятое место в мире после США, России, Китая и Индии.

На вооружении сил самообороны, численность которых 240 тыс. человек, более 900 самолётов, 48 эсминцев, из которых 8 оснащены противоракетной системой «Иджис», 22 дизельно-электрические подводные лодки, 500 танков, 4 вертолётноносца (два из них модернизируются для использования полученными истребителями F-35 американского производства, то есть станут первыми японскими авианосцами).

Большинство вооружений сил самообороны собственного японского производства. Вместе с тем некоторые виды вооружений, особенно высокотехнологические, такие как самолёты-«невидимки», транспортные самолёты, перехватчики ракет, закупаются в США. Отсутствуют бомбардировщики, корабли противолодочной обороны, ракеты средней дальности.

В Японии развёрнута двухуровневая система ПРО. Имеется 6 эсминцев, оснащённых системой «Иджис», и 24 батареи противоракет «Пэтриот РАС-3». Считается, что этого недостаточно для отражения возможного, даже ограниченного, ракетного удара со стороны КНДР, не говоря уже о КНР.

Летом 2020 г. японское правительство решило отказаться от размещения в двух префектурах на юго-западе и севере о. Хонсю наземных систем ПРО «Иджис». Это мотивировалось тем, что противоракетные комплексы не смогут перехватывать баллистические ракеты последних модификаций, а также крылатые ракеты. Кроме того, против размещения систем «Иджис» выступили жители префектур, опасаящихся, что разгонные блоки ракет могут упасть на жилые кварталы. Было принято решение сконцентрировать средства на дальнейшее развёртывание систем ПРО «Иджис» морского базирования и строительство дополнительно двух эсминцев, оснащённых этими ракетами.

У Токио нет чёткого понимания, как будет действовать Вашингтон, если КНДР нанесёт удар по американским базам в Японии или по японским объектам, например по военным кораблям.

В связи с этим в японских политических и военных кругах активизировалась дискуссия о том, насколько целесообразно создавать собственные возможности

для нанесения превентивных ударов по базам иностранных государств, с которых готовится нападение на Японию.

Американские военные специалисты полагают данную дискуссию бесполезной. Для разработки системы «упреждающего удара» потребовалось бы создать сложный разведывательный комплекс для точного определения его целей — места и времени. У Японии, как они полагают, таких возможностей нет. Американцы заинтересованы в том, чтобы Япония обладала лишь ограниченной, подконтрольной им системой ПРО и действовала исключительно в тесной координации с США в случае использования даже ограниченных возможностей по нанесению «превентивных ударов».

В самой Японии идея «упреждающего удара» подвергается серьёзной критике, поскольку противоречит фундаментальному принципу японской военной политики о приверженности исключительно обороне.

Неуверенность в японских политических и военных кругах, как наилучшим образом обеспечить безопасность страны от внешних угроз, прежде всего со стороны Китая и КНДР, выражается и в серьёзных расхождениях относительно использования систем ПРО.

В связи с событиями на Украине ряд японских политических деятелей и аналитиков начали высказываться о том, насколько целесообразно рассматривать возможность обладания Японией ядерным оружием или размещении американского ядерного оружия на японской территории в качестве «надёжного сдерживающего средства обороны».

27 февраля 2022 г. бывший премьер-министр Абэ выступил публично за развёртывание дискуссии по теме совместного японо-американского применения ядерного оружия в целях политики ядерного сдерживания. В качестве примера приводилось размещение американского ядерного оружия в ряде европейских стран — членов НАТО.

Премьер-министр Кисида на следующий же день, выступая в парламенте, заявил, что совместное использование ядерного оружия неприемлемо для Японии, твёрдо придерживающейся политики трёх неядерных принципов.

На этом краткая дискуссия по ядерной проблеме практически сошла на нет.

Помимо сильных антиядерных настроений японской общественности следует принимать во внимание незаинтересованность Вашингтона в том, чтобы Токио выходил из-под американского «ядерного зонтика» и тем самым и из-под общего американского контроля за японской внешней и военной политикой.

Главные проблемы сил самообороны, по мнению экспертов, заключаются в отсутствии способности вести длительные и устойчивые боевые действия.

Япония тратит на нужды обороны чуть более 1% своего ВВП, что составило в 2021 г. 54 млрд долл., намного меньше, чем выделяя на эти цели США, КНР, РФ.

Вместе с тем увеличиваются затраты на содержание американских вооружённых сил на японской территории. В марте 2022 г. японский парламент одобрил японо-американское соглашение, предусматривающее, что правительство Японии израсходует 1 трлн иен (8,6 млрд долл., увеличение на 11% по сравнению с предыдущим 5-летним периодом) в течение предстоящих пяти лет на со-

держание американских войск на территории страны. Средства пойдут на поддержание используемой американцами инфраструктуры, на оплату занятых на базах японских работников, на закупку вооружений для совместных учений.

Сейчас в правящей партии, правительственных и общественных кругах дебатировалась целесообразность в связи с осложнившейся международной обстановкой увеличить финансирование оборонных статей бюджета до 2% ВВП в течение ближайших 5 лет.

Однако против этого выступает партия Комэйто, партнёр ЛДП по правительственной коалиции, указывая на то, что это отвлечёт средства от решения социальных и экономических проблем, не обеспечит «абсолютную защиту», поможет развязать гонку вооружений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подобные настроения распространены и в широких кругах общественности, что препятствует радикальному пересмотру выделения средств на оборонные программы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Япония в обозримой перспективе, несмотря на серьёзнейшие изменения в международной обстановке и ситуации в АТР, как можно предположить, не внесёт кардинальных изменений в свою оборонно-военную политику.

Токио продолжит совершенствовать собственный оборонный потенциал сдерживания, способный обеспечить национальную безопасность от ограниченного вооружённого нападения. Для поддержания такого потенциала на уровне, отвечающем возможным и реальным угрозам, как можно ожидать, будут увеличиваться финансовые, промышленные и научно-технические усилия.

Особое внимание будет уделяться укреплению и дальнейшей конкретизации и координации действий с США, прежде всего в союзнической кооперации, чтобы не допустить или отражать угрозы нападения на японскую территорию, которую Токио не сможет защитить самостоятельно.

При этом по-прежнему внешнеполитическое и оборонное мышление японской элиты будет сконцентрировано на поисках путей сдерживания растущих военных амбиций Китая в АТР. При этом продолжится концентрация военного присутствия в юго-западных районах Японии, где наиболее вероятно, по оценке японских аналитиков, вооружённое столкновение с Китаем. В Токио такое столкновение хотели бы избежать, в связи с этим на официальном уровне провозглашается курс на поиски путей, поддерживающих с Пекином устойчивые и, по возможности, неконфликтные отношения.

Во внешней политике акцент продолжится на активизации деятельности международных механизмов региональной безопасности, прежде всего «четвёрки» (QUAD) – США, Индии, Японии, Австралии.

Япония не будет заинтересована в превращении этой структуры в союз с военной составляющей. В японских концепциях не предусматривается участие страны в военно-политических союзах, за исключением существующего с США.

Продолжается курс на расширение связей со странами региона, в первую очередь членами АСЕАН, в сфере морской безопасности.

В повестке дня по купированию возможных ракетных атак на японскую территорию сохранится курс на совершенствование системы ПРО, а также продолжится дискуссия по вопросу формирования потенциала для упреждающих ударов по базам потенциальных агрессоров.

Японо-американский военно-политический союз в настоящее время не подвержен серьёзным кризисным испытаниям, достаточно устойчив, и его сохранение не подвергается сомнению не только во властных структурах обеих стран, в кругах, формирующих политическую повестку дня развития двусторонних отношений во всех сферах, но и позитивно воспринимается большинством населения в обеих странах.

Все японские оппозиционные партии, включая партии социал-демократической ориентации (кроме Коммунистической партии), выступают за сохранение Договора безопасности. По опросам общественного мнения, 82% японцев поддерживают Договор безопасности и только 10% высказываются против его сохранения [7].

Существуют определённые, в том числе застарелые проблемы, к примеру, недовольство чрезмерным американским военным присутствием. Возникают и «рабочие противоречия», касающиеся оценок остроты угроз безопасности для Японии и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сохраняется не полностью отработанная модель совместных действий в случае «чрезвычайных ситуаций», сценариев конкретной помощи США по отражению возможного нападения на японскую территорию, конкретно в случае вооружённого конфликта вокруг островов Сэнкаку. Тесная привязка японской политики к американской — немалый ограничитель для самостоятельной внешнеполитической активности Японии.

Основной секрет долголетия двустороннего военно-политического союза заключается в том, что, хотя каждая из сторон видит в нём возможность обеспечивать собственные интересы, которые могут не полностью совпадать с интересами партнёра, руководство и Токио, и Вашингтона ради долгосрочных, стратегических задач демонстрирует способность даже в условиях кардинальных изменений в международной обстановке и ситуации в АТР, находить компромиссные решения. Для Токио США остаются основным и единственным гарантом безопасности. Для США неопределимое стратегическое значение имеет наличие на японской территории на крайне выгодных условиях, в том числе финансовых, своих баз, позволяющих осуществлять разностороннюю военную деятельность в обширном Индо-Тихоокеанском регионе, особенно с учётом возросшей там китайской активности.

Кроме того, разветвлённая сеть тесных двусторонних отношений, наличие в японском истеблишменте значительной прослойки проамерикански настроенных политиков, военных, представителей средств массовой информации, бизнесменов, многие из которых обучались, проходили стажировки в США, имеют глубокие личные и деловые связи с американскими партнёрами, позволяет оказывать влияние на отвечающие интересам США внешнеполитические решения, контролировать развитие японских военных программ.

ИСТОЧНИКИ

1. «Асахи симбун», 21 .05.2022.
2. «Асахи симбун», 21 .10.2021.
3. «Асахи симбун», 1. 07.2022.
4. «Емиури симбун», 27 .11.1969.
5. «Асахи симбун», 1. 12. 2021.
6. «Асахи симбун», 22.07. 2022.
7. «Асахи симбун», 21. 05.2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вербицкий С.И. Японо-американский военно-политический союз (1951–1970 гг.). М.: Наука. 1972. 285 с.

Кимура Хироси. Глава 3. Дипломатия Коидзуми Дзюнъитиро // Япония, открытая миру // Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО– XXI. 2007. – 308 с. (154 с.)

Стрельцов Д.В. Ядерная дилемма во внешней политике послевоенной Японии. М.: Вестник МГИМО-Университета. 2010; 6(15): 56–64.

DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-56-64>

REFERENCES

Kimura Hiroshi. Chapter 3. Koizumi's Diplomacy? p.154 / Japan, Open to the World. M. 2007. 308 p.

Streltsov D.V. Nuclear Dilemma in the Foreign Policy of postwar Japan. *MGIMO Review of International Relations*. 2010; 6(15):56-64. (In Russ.)

DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2010-6-15-56-64>

Verbitshkyi S.I. Japanese-American military-political alliance (1951-1970), Moscow: Nauka, 1972, 284 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНОВ Александр Николаевич, доктор политических наук, главный научный сотрудник Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН).

Российская Федерация, 121069, Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

Профессор МГИМО МИД РФ. Российская Федерация, Москва, 119454, проспект Вернадского, д.76.

Alexander N. PANOV, Doctor of Sciences (Politics), Chief Researcher, Georgy Arbatov Institute for U.S. and Canada Studies, Russian Academy of Sciences (ISKRAN).

2/3. Khlebyny pereulok, Moscow, 121069, Russian Federation.

Professor MGIMO University.

76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / Received 24.08.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 15.09.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 17.09.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023010029

EDN: GYZFIX

Transformation of the Post-Cold War Order and the Global and Regional Powers Policy in the South Caucasus after the 2020 Karabakh War

B. Poghosyan

Yerevan State University

1, Alex Manoogian St., Yerevan 0025, Armenia

ORCID: 0000-0001-6201-7172

e-mail: bpoghosyan@gmail.com

Abstract: The end of the Cold War ushered in a Unipolar world characterized by the US hegemony. In 1990s and early 2000s the US was realizing the strategy of “liberal hegemony” with emphasis on democracy promotion in the former socialist camp. The NATO enlargement and the support to the EU extension were key pillars of this strategy. There was a perception among pundits and policymakers that the “liberal democracy” will spread all over the world, bringing a new era of peace and stability. However, the Unipolar moment was short lived. The global financial crisis of 2007-2008 marked the beginning of the transformation of the post-Cold War order. The reasons behind this transformation are numerous – the relative decline of the US, the rise of others, most notably China, and the launch of the new multilateral organizations such as BRICS and Shanghai Cooperation Organization. The transformation of the post-cold war order brings back the notion of multipolar world and the “great power competition”. The emergence of the “multi-polar world order” will inevitably trigger regional instability and the rivalry for regional hegemony. The absence of the world hegemon or the “world policeman” means that the second-tier states will be more inclined to use coercion as the primary tool to push forward their national interests. The world is facing the unraveling of the global world order with very few clues on what the new emerging order may look like. One pattern is obvious – states are putting more emphasis on the coercion, force and hybrid warfare as a key element of their foreign policy. Meanwhile, the absence of global hegemon triggers the tough and often violent struggle for dominance among regional powers. The South Caucasus was an arena of overlapping interests of many actors – Russia, the US, the EU, Turkey, and Iran. While in 1990s and 2000s the geopolitical configuration of the region was based on the competition between Turkey – Azerbaijan – Georgia partnership supported by the US, and Russia – Armenia alliance, the situation has changed in recent years. Turkey’s quest for independent foreign policy and growing tensions between Turkey and the US have resulted in a establishment of competitive/cooperative relations between Russia and Turkey. Ankara and Moscow are still competitors but they are able to manage their contradictions. The 2020 Karabakh war was a harbinger of upcoming changes in the regional balance of power. Azerbaijan won the war receiving significant military support from Turkey, Armenia suffered significant losses, while Russia deployed its peacekeepers in Nagorno Karabakh. As South Caucasus faces the growing competition between external actors vying for influence, and as Russia – West relations were completely ruined after the February 2022, the region has become another arena for Russia – West competition. The US and the EU are interested to push Russian peacekeepers out from Nagorno Karabakh after the end of the initial five-year term, viewing this as a significant step in reducing Russian influence in the region. Meanwhile, Russia seeks to stabilize relations be-

tween Armenia and Azerbaijan, meanwhile keeping its military presence in Nagorno Karabakh. Despite the growing tensions between Turkey and the US, Ankara still remains main tool for the US in its efforts to decrease Russian power in South Caucasus.

Keywords: South Caucasus, world order, US, Russia, Iran, Turkey, Armenia, Azerbaijan, Georgia

For citation: Poghosyan, B. Transformation of the Post-Cold War Order and the Global and Regional Powers Policy in the South Caucasus after the 2020 Karabakh War. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(1): 21-37. DOI: 10.31857/S2686673023010029 EDN: GYZFIX

Acknowledgements: This article was funded by a grant from the United States Department of State. The opinions, findings and conclusions stated herein are those of the author and do not necessarily reflect those of the United States Department of State.

Трансформация международного порядка после холодной войны и политика глобальных и региональных держав на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 г.

Б.П. Погосян

Ереванский государственный университет.

Армения, Ереван 0025, ул. Алека Манукяна, д. 1.

ORCID: 0000-0001-6201-7172

e-mail: bpoghosyan@gmail.com

Резюме: Окончание холодной войны ознаменовалось установлением однополярного мира, характеризующегося гегемонией США. В 1990-х и начале 2000-х годов США реализовывали стратегию «либеральной гегемонии» с упором на продвижение демократии в странах бывшего социалистического лагеря. Расширение НАТО и поддержка расширения ЕС были ключевыми элементами этой стратегии. Среди экспертов и политиков сложилось мнение, что «либеральная демократия» распространится по всему миру, принесла новую эру мира и стабильности. Однако «однополярный момент» длился недолго. Мировой финансовый кризис 2007-2008 гг. положил начало трансформации мирового порядка после холодной войны. Причин этой трансформации множество: относительный упадок США, подъем других держав, прежде всего Китая, и создание новых многосторонних организаций, таких как БРИКС и Шанхайская организация сотрудничества. Трансформация порядка, сложившегося после холодной войны, возвращает в обиход понятие многополярного мира и конкуренции великих держав. Возникновение многополярного миропорядка неизбежно повлечёт за собой региональную нестабильность и соперничество за региональную гегемонию. Отсутствие мирового гегемона или «мирового полицейского» означает, что государства второго эшелона будут более склонны использовать принуждение как основной инструмент продвижения своих национальных интересов. Мир столкнулся с разрушением глобального мирового порядка, и у нас есть крайне ограниченное представление о том, как будет выглядеть новый зарождающийся порядок. Одна закономерность очевидна — государства уделяют больше внимания принуждению, силе и гибридной войне как ключевым элементам своей внешней политики. Между тем отсутствие глобального гегемона провоцирует жесткую и зачастую ожесточенную борьбу за доминирование между региональными державами. Южный Кавказ был ареной пересечения интересов многих акторов — России, США, ЕС, Турции и Ирана. Если в 1990-х и 2000-х годах геополитическая конфигурация региона осно-

вывалась на соперничестве между Турцией, Азербайджаном и Грузией, поддерживаемыми США с одной стороны, и союза России и Армении с другой, то в последние годы ситуация изменилась. Стремление Турции к независимой внешней политике и растущая напряженность в отношениях между Турцией и США привели к установлению отношений конкуренции и сотрудничества между Россией и Турцией. Анкара и Москва по-прежнему являются конкурентами, но умеют справляться со своими противоречиями. Карабахская война 2020 года стала предвестником грядущих изменений в региональном балансе сил. Азербайджан выиграл войну, получив значительную военную поддержку Турции, Армения понесла значительные потери, а Россия разместила своих миротворцев в Нагорном Карабахе. Поскольку Южный Кавказ сталкивается с растущей конкуренцией между внешними игроками, борющимися за влияние, и поскольку отношения России и Запада были полностью разрушены после февраля 2022 года, регион стал еще одной ареной конкуренции между Россией и Западом. США и ЕС заинтересованы в вытеснении российских миротворцев из Нагорного Карабаха после окончания пятилетнего срока, рассматривая это как важный шаг в снижении российского влияния в регионе. Между тем Россия стремится стабилизировать отношения между Арменией и Азербайджаном, сохраняя при этом свое военное присутствие в Нагорном Карабахе. Несмотря на растущую напряженность в отношениях между Турцией и США, Анкара по-прежнему остается основным инструментом США в их усилиях по ослаблению влияния России на Южном Кавказе.

Ключевые слова: Южный Кавказ, мировой порядок, США, Россия, Иран, Турция, Армения, Азербайджан, Грузия.

Для цитирования: Погосян Б.П. Трансформация международного порядка после холодной войны и политика глобальных и региональных держав на Южном Кавказе после Карабахской войны 2020 г. *США & Канада: экономика, политика, культура*. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2023; 53(1): 21-37. DOI: 10.31857/S2686673023010029 EDN: GYZFIX

Благодарности: Эта статья подготовлена за счёт гранта Государственного департамента США. Мнения и выводы, изложенные в настоящей работе, являются позицией автора и не обязательно отражают точку зрения Государственного департамента США.

TRANSFORMATION OF POST-COLD WAR ORDER (2008-2021)

The end of the Cold War and the collapse of the Soviet Union have ushered in hopes of humanity's happy and harmonious future. The ideas such as the "End of History" became very popular both within academic circles and policymakers [Fukuyama, 1989]. There was a widespread belief that the entire planet would live under liberal democracy, and interstate conflicts will become bad memories from history. The last decade of the 20th century seemed to confirm those hopes. The EU and NATO enlargement, market reforms in former socialist states, cooperative relations between Russia and the West, and the growing US-China economic cooperation have seemingly justified hopes for establishing the world united under the banner of liberal democracy. The US enjoyed its absolute hegemony defined as a "unipolar moment" with no apparent candidate to challenge its supremacy [Krauthammer, 1990/1991]. Washington embraced the grand strategy of liberal hegemony, which was in one way or another implemented during the Clinton, Bush, and Obama administrations [Walt, 2018: 53-91].

However, the beginning of the 21st century crushed these hopes. Russia - West relations started to deteriorate after the 2004 Orange Revolution in Ukraine, while the 2014 Crimean crisis brought bilateral relations to the lowest point since the end of the Cold War. Meanwhile, astonishing Chinese economic growth and the emergence of the multi-million middle class did not bring about political changes in China.

The turning point for the start of the transformation of post-cold war order was the 2008 world financial crisis. It started in the US and shook the Western-dominated international financial system. The old mechanisms such as G-7 and later G-8 were unable to implement effective global governance, and the first summit of the G-20 in November 2008 was the harbinger of an upcoming shift in the world order [1]. The establishment of new multilateral organizations such as BRICS was a clear sign that the world started to drift away from the "unipolar moment" towards a more complex multi-polar world.

The election of President Trump in the US in November 2016 brought about new impetus for the US-China rivalry, while despite the perceived pro-Russia policy of President Trump, there were no significant improvements in the US - Russia relations. The 2017 US National Security Strategy explicitly put the great power rivalry at the center of the United States foreign policy accusing Russia and China of their revisionist efforts [2].

Despite all its criticism of President Trump, Joseph Biden continues tough policy towards China seeking to encircle Beijing with the US-friendly states. A recent effort to transform the Quad grouping into a more robust alliance [Cannon, Rossiter, 2022] as well as the establishment of AUKUS partnership between the US, UK, and Australia in September 2021 were clear signs of US strategy towards China [3].

It may seem that the Biden administration seeks to restore the US absolute hegemony and bring back the world to 1991. However, certain representatives of the US establishment do not share this vision. In March 2021 President of the Council on Foreign Relations Richard Haass and Charles Kupchan published a paper in Foreign Affairs, which argued for establishing the "New concert of powers" resembling the XIX century "Concert of Europe" and warned against efforts to restore the grand strategy of the liberal hegemony [Haas, Kupchan, 2021]. It was a sign that at least part of the American establishment understands that a multi-polar world is a reality and the best course for the US is to adapt to these new conditions.

The emergence of the "multi-polar world order" will inevitably trigger regional instability and the rivalry for regional hegemony. The absence of the world hegemon or the "world policeman" means that the second-tier states will be more inclined to use coercion as the primary tool to push forward their national interests.* These states now enjoy much more flexibility in choosing their alliances and playing one great power off another. One of the best examples of this situation in Turkey. Being fully anchored in the US sphere of influence during the Cold war, Turkey now effectively balances between the US and Rus-

* For more on great power competition, see Michael J. Mazarr, *Great Power Rivalry in a Changing International Order — Concepts and Theories*, RAND, March 2022, <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA1404-1.html>, and *Strategic Assessment 2020: Into a New Era of Great Power Competition* Edited by Thomas F. Lynch III, Institute for National Strategic Studies, National Defense University, 2020

sia.** The Greater Middle East is a good example depicting the rivalry for regional hegemony between Iran, Turkey, and Saudi Arabia, while external players such as Russia, the US, and China seek to push forward their national interests.

If an emerging multi-polar world creates new possibilities for the second-tier states, the small states face growing challenges and threats. The rivalry for regional hegemony, growing instability, the erosion of accepted rules and norms, and the emphasis on coercion in interstate relations create complex problems for small states. It is especially valid for small states located on the fault lines of great powers. They may quickly become the "gray zones" or "areas of hybrid operations" with possible proxy wars and permanent instability.***

The current phase of the international relations can be best characterized by one word – transition. The post-Cold War order is rapidly disappearing creating strategic ambiguity for all actors. The U.S. hegemony is over or close to being over despite the fact that militarily Washington will be far from the reach for several decades to come. However, growing national debt, looming crisis in social security and Medicare systems, uncontrolled migration, growing populism, and partisan fighting does not bode well for the future U.S. dominance. Meanwhile, no nation, be it China, Russia, India, Brazil has the necessary resources and will to compete for the new world hegemony [Haass, 2019: 22-30].

The absence of a global hegemon means that no state has the power to enforce the implementation of key international rules and norms. Regardless how one perceives the international principles – as balanced or biased one – the order based on international law at least provides a minimal level of stability when actors involved in an international stage have a clear understanding what may and may not be done. Since the late 2000s situation has been changed. We are increasingly facing international security architecture when key actors may easily break the norms and rules and eventually this will bring us to the situation when no rules can be based upon [Blackwill, Wright, 2020].

Regardless of the fact how we perceive this new situation: as a multipolar system or a polarless one, it is clear that the world is facing the unraveling of the global world order with very few clues as to what the new emerging order may look like. One pattern is obvious – states are putting more emphasis on the coercion, force and hybrid warfare as a key element of their foreign policy. Meanwhile, the absence of a global hegemon triggers tough and often violent struggle for dominance among regional powers. Meanwhile, external powers such as the US and Russia are actively using this struggle to advance their national interests supporting a different set of actors and further complicating the battlefield.

The Syrian conflict is the best illustration of this new pattern in geopolitics – powers' willingness to break the international rules and norms and increasingly resort to force and hybrid warfare methods in pursuing their ambitions. The regional actors are all involved in the conflict creating and supporting nonstate actors within Syria, directly invading some territories like Turkey in the Northwestern part of the country - or as in case of Israel,

** For a detailed analysis of Turkish strategy, see Turkey's Nationalist Course, Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the US Army, RAND, 2020, https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2589.html

*** For detailed analysis see Hanna Samir Kassab, *Weak States and Spheres of Great Power Competition* (Routledge Advances in International Relations and Global Politics), Routledge 2022,

militarily attacking targets within Syria, and all this without UN Security Council consent. The Syrian government appeals to the international community to protect its sovereignty and territorial integrity fall on deaf ears – clearly showing the decreasing capabilities of the UN or other international bodies to enforce the international rules and norms.

The conundrum in Iraq where Iran, Turkey and the US are vying for influence triggering ethno-confessional rivalry, the brutal civil/proxy war in Yemen and the collapse of Libya are all patterns of emerging new order in the Middle East, where powers are increasingly prone to use coercion and violence to foster their national interests and no outside power has sufficient capacities to compel its will on all actors.

The Middle East is not the only region suffering from the ramifications of the world order transformations. The European part of the post-Soviet space and the Balkans are the arena of Russia – US/NATO/EU struggle for influence. South and East Asia are facing tough standoff between the US, China, Japan, India while the South China Sea is the spot of a heated rivalry between China, Vietnam, Malaysia, and the Philippines.*

Meanwhile, the absence of a global hegemon in the international security architecture and the unraveling of an international law-based order not only brings about renewed struggle for regional hegemony but also fosters the launch of regional integration initiatives based on a "horizontal globalization model". Chinese "Belt and Road", Russia-led "Eurasian Economic Union", "Shanghai Cooperation Organization", and EU neighborhood policy are all aimed at developing connections at economic and political levels. Definitely, many of the above-mentioned initiatives are fostering regional influence of a leading nation. However, they offer "softer alternatives" for the hard power struggle among main actors creating more or less attractive incentives for regional medium and small-size states to participate.

In recent years some efforts have been made to harmonize the different integration projects currently underway in Eurasia. The first step towards that direction was an idea of Russian President Vladimir Putin of the establishment of "Greater Eurasian Partnership" which he first made public during the Saint Petersburg international economic forum in June 2016.* The Russian President suggested creating a loose partnership which may include EU, EAEU, China, India, Iran, Pakistan.

Russia is actively pursuing a close partnership with China. Chinese "Belt and Road" initiative is the biggest economic project in Eurasia. Regardless of the fact that Russia cautiously monitors growing Chinese influence in Central Asia, where Beijing has outpaced Moscow economically, Russia needs Chinese support in its current struggle with the West. In May 2018 China and the Eurasian Economic Union signed

* On US – China rivalry see Andrew Scobell, Edmund J. Burke, Cortez A. Cooper Iii, Sale Lilly, Chad J. R. Ohlandt, Eric Warner, J.D. Williams, China's grand strategy, RAND corporation, 2020

* See Andrey Kortunov, Eight Principles of the "Greater Eurasian Partnership", <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/eight-principles-of-the-greater-eurasian-partnership/>, and Seçkin Köstem, Kennan Cable No. 40: Russia's Search for a Greater Eurasia: Origins, Promises, and Prospects, <https://www.wilsoncenter.org/publication/kennan-cable-no-40-russias-search-for-greater-eurasia-origins-promises-and-prospects>

an agreement on trade and economic cooperation as a "pragmatic step" to foster cooperation between different integration projects [4].

SOUTH CAUCASUS AMIDST THE POST-COLD WAR ORDER TRANSFORMATION

While great powers flex their muscles for the upcoming battles over the nature of the world order, medium and small powers seek to assess potential implications of a Russia-West decoupling. In this context, South Caucasus is an interesting case. Being part of the Soviet Union and after 1991 perceived by Russia as a sphere of "privileged interests" as was described by Russian President Medvedev immediately after the 2008 war in Georgia [5], the region has become a flashpoint for regional rivalries. In the first two decades after the collapse of the Soviet Union, the security architecture was relatively straightforward. The US supported the Turkey-Georgia-Azerbaijan partnership as opposed to the Russia-Armenia alliance, while Iran was de jure neutral but de facto was supporting Russia and Armenia. Despite being fully anchored in the Russian sphere of influence, Armenia developed modest cooperation with the West, signed IPAPs with NATO, joined the European Union's (EU) Eastern Partnership initiative and signed the Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement (CEPA) with the EU in 2017 [6]. Azerbaijan pursued a balanced foreign policy, developing partnerships with Turkey and Russia and launching energy cooperation with the West.

The regional security architecture started to change in 2016. The key driver was Turkey's strategy to transform itself into an independent regional player and bid farewell to its position as the sole provider of US interests in the Middle East, South Caucasus, the Black Sea region and Western Balkans. Russia sought to use this momentum and pull Turkey away from the US and NATO as much as possible, having a clear understanding that Turkey will not leave NATO.

The harbinger of the more volatile and insecure world for the region was the 2020 Karabakh war, which resulted in the defeat of Armenia.* It was an example of cooperative/competitive relations of powers vying for regional hegemony – in this case, Russia and Turkey – and the growing role of military power in the conflict settlement process. Meanwhile, despite significant gains by Azerbaijan, Baku failed to take Nagorno Karabakh fully and was forced to accept the Russian peacekeepers' deployment.

After the signing of the November 10, 2020 trilateral statement [7], Russia and Turkey continue to steer the developments in the region, pushing for restoration of communications, launching of Armenia-Azerbaijan border delimitation and demarcation, and normalization of relations between Armenia and Turkey.

The unraveling of world order and growing examples of violations of international rules and norms put enormous pressure on South Caucasian republics in their quest to secure their vital national interests. Among the three republics Armenia is in a more vulnerable situation as Yerevan faces constant joint Azerbaijan-Turkey pressure over the

* For detailed analyses of the war, see, CAST publishes a new book "Storm over the Caucasus", <http://cast.ru/eng/news/cast-publishes-a-new-book-storm-over-the-caucasus-.html>.

Karabakh conflict. Obviously, Georgia has its problems with Russia, but after Georgia – Russia 2008 war and the recognition of Abkhazian and South Ossetian independence by Russia there is no immediate threat of another Russian military action against Georgia.

EXTERNAL ACTORS' POLICY IN THE SOUTH CAUCASUS AFTER THE 2020 KARABAKH WAR

Russia

Since the collapse of the Soviet Union, Russia has viewed South Caucasus as a part of its sphere of “privileged interests”. Due to both historical and geopolitical reasons, Armenia has been under Russian influence since the early 1990s, while the 2008 Russia – Georgia War put an end to any perspectives of Russia – Georgia rapprochement in the foreseeable future. Thus, in the last decade, the focal point for Kremlin in the region was Azerbaijan where Russian main competitor was Turkey.

Russia was keen to strengthen its positions there and to prevent the growth of Turkish influence, and the Karabakh conflict was one of the main tools for Russia to influence Azerbaijan. However, it should be noted that the widespread perceptions in the Western expert community that Russia was the main obstacle in the way of a possible settlement of the Karabakh conflict as the Kremlin used the it to obtain leverage on both Armenia and Azerbaijan are far away from reality. The fact is that all sides of the conflict have diametrically opposite views on history, reasons, and possible ways of settlement and they haven't been able to find a mutually accepted solution since the early 1990s. Given that reality, Russia was not hindering the solution, as there was no solution, but simply was using the conflict in line with its national interests, as other external players in the South Caucasus.

In recent years Russian efforts towards the settlement of the Karabakh conflict were concentrated on pushing forward the Russian vision, which was dubbed by the expert community as the “Lavrov plan”. It envisaged the immediate return of five regions outside Nagorno Karabakh to Azerbaijan, deployment of Russian peacekeepers along the new line of contact with firm guarantees for Armenian's security, the return of the remaining two regions to Azerbaijan later in the future, and the continuation of negotiations to fix the final status of Nagorno Karabakh. The “Lavrov plan” was in line with the so-called “Basic principles” elaborated by the three Co-chairs of the Minsk Group – Russia, the US, and France in the late 2000s.

The key motives behind this plan were Russia's strategic interests to establish a de facto military base in Azerbaijan through the deployment of Russian peacekeepers thus augmenting its influence over Baku for years if not decades. Meanwhile, Russia would continue to have strong leverage over Armenia. However, the Lavrov plan was rejected both by Azerbaijan and by Armenia [8].

After the 2020 Karabakh war Russia is interested in maintaining stability in the South Caucasus. The primary goal of Russia is to retain its peacekeepers in Nagorno Karabakh as long as possible. Russia also understands, that Russian peacekeepers may stay in Nagorno Karabakh only if there are Armenians in Karabakh. Meanwhile, Russia wants to facilitate the border demarcation and delimitation process between Armenia and Azerbaijan, as well as the restoration of communications. Russia facilitated the signature of three

statements – November 10, 2020, January 11, and November 26, 2021 between Russia, Armenia, Azerbaijan. Any new escalation between Armenia and Azerbaijan may put Russia in awkward position, as if Russia has supported Armenia militarily, it will create tensions between Russia and Azerbaijan. Otherwise, if Russia fails to realize its treaty obligations towards Armenia, it will trigger significant anti-Russian sentiments in Armenia.

US

One of the recurring topics in expert discussions after the 2020 Karabakh war is the decrease of Western influence in the region. The US and France, two other OSCE Minsk Group Co-chairs, did not take part in the elaboration of the November 10, 2020, trilateral Armenia – Azerbaijan – Russia statement, which put an end to the war. Both countries made efforts during the war to reach a humanitarian ceasefire, but with no success. The 2020 Karabakh war coincided with the Presidential election campaign in the US, and many experts believe that this was the main reason why Washington was so passive during the hostilities.

Meanwhile, the South Caucasus was not on the US foreign policy priority list for quite a long time. Ukraine was a focus of Washington's attention in the post-Soviet space, while since the early 2010s, the general shift towards the Asia-Pacific has been underway [Lieberthal, 2011]. This process was accelerated under President Trump, who launched a trade war with China. Trump's "America first" policy and his disdain towards the democracy promotion were perceived as another reason for the growing decline of the US involvement in the South Caucasus.

The Victory of Joe Biden in the November 2020 elections seemed to bring the usual patterns of the US foreign policy back to the pitch. The notion "America is back" is perceived as a willingness to increase American involvement in different parts of the world. The Biden vision of the 21st-century geopolitics as a battle between democracy and authoritarianism arguably implies more US involvement in the Post-Soviet space to deter and counter authoritarian Russia. The word democracy is perhaps most often used term in the "Interim National Security Strategic Guidance" published by the new administration in March 2021 [9].

Here Russia and China were defined as the main adversaries of the US, and in this context, the text continued the "return of the great power competition" notion embedded in the 2017 US national security strategy. Russia and China were also identified as the main threats for the US in the 2021 annual threat assessment of the US intelligence community published by the office of the Director of National Intelligence in April 2021 [10] and in the new US National Security strategy published in October 2022. The emphasis on democracy and human rights by the key representatives of the new administration may create a perception that Biden will reinvigorate the grand strategy of "liberal hegemony" implemented to a different extent by the Clinton, Bush, and Obama administrations during 1993-2016.

As of now, the Biden administration has not elaborated a new strategy for the South Caucasus. The US would not like to see Russian influence increase there. Most probably, the US will imply a cautious approach, seeking to decrease Russian presence in the region through persistent efforts to push forward for continued liberal reforms in Armenia and Georgia using the US assistance and the US leading role in the international financial institutions as leverage to influence the policy of these respec-

tive governments. Another channel for the US influence is the support of the Western-oriented civil society organizations, which play the role of indirect agents of the US influence and the cadre bank to fill the government offices with pro-US persons. The US views the EU involvement in the region through the Eastern Partnership initiative as an essential supplement to push forward this agenda and welcomes the recent EU announcement on the new aid package for the regional powers.

The US continues to believe that the economic cooperation between regional states will not only contribute to the de-escalation of the situation but, in the long-term perspective, will result in the decrease of Russian influence in Armenia as Yerevan will feel less threatened by Azerbaijan and Turkey and thus will have fewer incentives to be militarily tied with Moscow. In this context, the US will support the restoration of communication routes in the South Caucasus and the establishment of the economic ties between Armenia and Azerbaijan and Armenia and Turkey.

In May 2022 the US State Department approved the integrated country strategy for Armenia. It made clear that the goal of the United States government is to minimize the influence of Russia in Armenia, while maximizing the US interests. In addition to its anti-Russia perspective, the United States drags Armenia into hostility with China and Iran, further meddling in Armenia's foreign relations. The document states: "Strengthen the ability of partners and Allies to resist and counter influence operations and disinformation, particularly from Russia and the PRC [People's Republic of China]; Counter Russian, PRC, Iranian, and other state, and non-state actors' strategic, conventional, and hybrid threats and emerging disruptive technologies that threaten U.S. and European security in Europe and beyond." The US also expresses its readiness to support Armenia during the implementation of democratic reforms [11].

EU

The EU did not participate in the Karabakh negotiations process, where the US, Russia, and France took the lead as the Minsk Group Co-chairs. During the 44-day war, the EU made several statements calling for a ceasefire, but with no concrete results. The war laid bare the limited capabilities of the EU to influence the situation in its neighborhood significantly. The EU also suffered reputational losses in Armenia. Many Armenians strongly believed that the West in general and the EU would not allow authoritarian Azerbaijan and Turkey to attack democratic Armenia. Of course, no one in Armenia hoped for a military intervention by the EU or any of its member states. However, people thought that as a value-based organization, the EU would criticize Azerbaijan for violations of international humanitarian law during the war.

After Russia, Armenia, and Azerbaijan signed the trilateral statement on November, 10, 2020; the EU provided and continues to provide humanitarian assistance to Armenian refugees who left Karabakh and took shelter in Armenia. In late April 2021 the EU called for the release of Armenian POWs and other detained persons regardless of the circumstances of their detention. Since mid-2021, the EU initiated the establishment of the new platform for Armenia – Azerbaijan negotiations in Brussels. Through the mediation of the President of European Commission, Armenian and Azerbaijani leaders met in Brussels in

April, May, and August 2022.* EU seeks to facilitate the start of the border demarcation and delimitation process between Armenia and Azerbaijan, as well as to contribute to the signature of comprehensive peace treaty between Armenia and Azerbaijan.

The EU continues negotiations with Azerbaijan to sign a strategic partnership agreement and attaches significant emphasis to the "Southern Gas Corridor," which started to deliver 10 billion cubic meters of Azeri gas to Italy, Greece, and Bulgaria at the beginning of 2021. The war in Ukraine only strengthened the significance of Azerbaijani gas for the EU as an alternative source of energy. EU and Azerbaijan signed an MoU on energy cooperation on July 18, 2022 [12].

China

China has only just started to enter the South Caucasus. The China-led Asian Infrastructure and Investment Bank provided a 600 million USD loan to Azerbaijan for the construction of the TANAP gas pipeline [13]. Georgia signed a free trade agreement with China in 2017 [14], and the Urumqi based Hualing group has invested up to 500 million USD in Georgia [15]. Armenia signed a visa-free travel agreement with China in May 2019, though this was subsequently suspended in February 2020 due to the pandemic. China is one of the key trade partners for all South Caucasian states. However, this activity mainly revolves around the import of Chinese goods through small and medium companies, and has no strategic dimension. The region is not involved in the Chinese "Belt and Road Initiative" (BRI), though Turkey, Azerbaijan, and Georgia seek to include a 'Middle Corridor' - China-Kazakhstan-Caspian Sea-Azerbaijan-Georgia-Turkey-Europe route into BRI [16].

Turkey

Since the collapse of the Soviet Union in 1991, Turkey's policy in the South Caucasus has been to increase its influence in the region. Turkey was quite successful in reaching this goal in its relations with Azerbaijan and Georgia, but the absence of relations with Armenia prevented Turkey from influencing the entire region. Turkey's full support towards Azerbaijan in the Nagorno Karabakh conflict and the economic blockade of Armenia did not leave much room for Armenia-Turkey normalization prospects. The West, particularly the US, was constantly pushing for normalization between Armenia and Turkey. They hoped it would reduce Armenia's fear of Turkey and decrease the necessity for Armenia to keep its military and security alliance with Russia. It would pave the way for the eventual withdrawal of the Russian military base from Armenia and a significant decrease in Russian influence in the South Caucasus.

As the Nagorno Karabakh issue ceased to be a serious obstacle for the Armenia-Turkey normalization process after the 2020 Nagorno Karabakh war and the current Armenian government expresses its willingness to normalize relations with Azerbaijan and Turkey, conventional wisdom says that Turkey should do its best to use this win-

* For details see Statement of European Council President Charles Michel following the Second Trilateral Meeting with President Ilham Aliyev and Prime Minister Nikol Pashinyan, <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/04/06/statement-of-european-council-president-charles-michel-following-the-second-trilateral-meeting-with-president-ilham-aliyev-and-prime-minister-nikol-pashinyan/>,

dow of opportunity to normalize relations with Armenia. It will open a new horizon for Turkey to increase its influence in the region and to better compete with Russia.

The Armenia–Turkey normalization process was officially launched on January 14, 2022 when special representatives – the Deputy Speaker of the Armenian Parliament Ruben Rubinyan and Ambassador Serdar Kılıç – met in Moscow. The groundwork for this meeting began in mid-2021, when the Armenian government proposed the idea of peace in the South Caucasus and normalizing relations with Azerbaijan and Turkey. As of August 2022, Armenian and Turkish representatives held four meetings [17].

The start of the war in Ukraine in late February 2022 shifted the world's focus from this process. However, meetings between Armenian and Turkish special representatives quietly continued in Vienna. During the last meeting held on July 1, 2022, they agreed to enable third-country citizens to cross the land border between Armenia and Turkey and commence direct air cargo trade between Armenia and Turkey [17].

On July 11, 2022, Armenian Prime Minister Nikol Pashinyan had a telephone conversation with the President of Turkey, Recep Tayyip Erdogan. Pashinyan congratulated Erdogan on Kurban Bayram, and Erdogan congratulated Pashinyan on the upcoming Vardavar – the Feast of the Transfiguration of Jesus Christ. During the conversation, the leaders emphasized the importance they attached to the bilateral normalization process between their respective countries and expressed their expectations for the early implementation of the agreements reached during the meeting between the special representatives of the two countries on July 1 [18]. Prime Minister Pashinyan met with Turkish President Erdogan in Prague, on October 6, 2022.

What are the prospects of the Armenia – Turkey relations in the context of the recent developments? First of all, it should be noted that currently we are witnessing the process of normalization and not one of reconciliation or rapprochement. The proper use of terms is significant to avoid misperceptions and possible disappointments. The ultimate goal of normalization is to establish diplomatic relations between Armenia and Turkey and open land borders for everyone, while reconciliation is a much more complicated and long-term process. Establishing diplomatic relations does not automatically mean opening a Turkish embassy in Yerevan or an Armenian embassy in Ankara. The sides may well agree to use their embassies in neighboring states – Russia or Georgia – to cover each other territories, at least for some initial period.

Iran

Since gaining its independence in September 1991, Armenia has always viewed Iran as a friendly state and close partner. Armenia valued the balanced approach of Iran during the first Karabakh war in 1992 – 1994. The Armenia – Iran border was a real lifeline for Armenia in the early 1990s when Azerbaijan and Turkey closed their borders, and the routes through Georgia were not reliable due to the domestic instability there. Armenia and Iran continued their friendly relations after the Karabakh war seeking to foster economic cooperation. The flagship project was the Iran – Armenia gas pipeline, which was launched in March 2007. According to the bilateral swap agreement, Armenia imports Iranian gas and exports electricity to Iran based on 1kwh hour electricity per 3 cubic meters of the gas scheme [19].

Meanwhile, it should be noted that the US did not force Armenia to stop economic relations with Iran viewing them as a necessity for Yerevan, given the blockade imposed on Armenia by Azerbaijan and Turkey. Even the May 2018 withdrawal of the US from the 2015 nuclear deal did not change that equilibrium. Washington did not impose sanctions on Armenia for importing gas or cement from Iran or exporting electricity there.

Armenia established a free economic zone (FEZ) in Meghri near the Armenia – Iran border in December 2017, hoping to bolster bilateral economic cooperation [20]. Iran signed an interim agreement with the Eurasian Economic Union (EAEU) to establish a free trade area in May 2018, which entered into force in October 2019. Armenia, as a member of the EAEU, enjoys tariff-free exports to the EAEU markets. Armenia is the only EAEU member with a land border with Iran – EAEU interim free trade area agreement creates opportunities for EAEU member states to use Meghri FEZ as a launchpad to enter the Iranian market.

As Azerbaijan launched a war against the self – proclaimed Nagorno Karabakh Republic on September 27, 2020, Iran elaborated its peace plan and delivered it to Armenia, Azerbaijan, Russia, and Turkey in late October 2020 [21]. The details of that plan were not publicized; however, allegedly, it was based on the notion of the territorial integrity of Azerbaijan, suggesting to bring Karabakh under Azerbaijan's control with a level of autonomy. The Supreme Leader of Iran, Ayatollah Seyed Ali Khamenei, stated that all Azerbaijani territories should be freed and given back to Azerbaijan in the final days of the war.

The Iranian Foreign Minister visited Baku in late January 2021 and expressed his satisfaction with his presence in the Republic of Azerbaijan after the liberation of the country's territories. He expressed Iran's readiness to "massively and actively" participate in the reconstruction efforts in the liberated territories. During his visit to Yerevan several days later, Minister Zarif stated that the territorial integrity of the Republic of Armenia was Iran's red line, apparently referring to the possibilities of Armenia de facto losing its control over the Syunik region, which borders Iran [22].

For the time being Iran is satisfied with the deployment of Russian peacekeepers in Karabakh. Tehran views this as a guarantee that Russia is not leaving the region, and this is of the utmost importance to Tehran. Tehran knows Russia and Turkey well, and can navigate between them. But the absence of Russia from the South Caucasus will create a vacuum which may result in a significant increase of the US influence, posing a formidable challenge for Iranian vital national interests. Thus, Iran tacitly accepted substantial Russian influence in Armenia while considering the expanding US influence in Georgia and deepening Azerbaijan-Israel ties as a source of concern.

THE IMPLICATION OF THE UKRAINE CRISIS ON SOUTH CAUCASUS

The Russian special military operation in Ukraine launched on February 24, 2022, has shaken global geopolitics and geoeconomics. It completely ruined Russia – West relations and resulted in unprecedented sanctions on Russia. NATO member countries, including the US, the UK, Germany, and several East European states, started to supply Ukraine with various lethal weapons. Meanwhile, Russian troops made territorial advances despite Ukraine's resistance.

The Russia – Ukraine war has sidelined all other conflicts in the post-Soviet space and beyond. However, regional geopolitics has not disappeared, and while the world's attention is focused on Ukraine and the ensuing Russia – West confrontation, regional conflicts continue with their dynamics. The Karabakh conflict is not an exception here.

The 2020 Karabakh war has upset the status quo in the South Caucasus. The defeat in the war has significantly reduced Armenia's geopolitical potential and has diminished Armenian role in the region. Currently, Armenia faces formidable challenges and growing ambiguity in its foreign and security policy, which have been multiplied by the war in Ukraine.

If Russia successfully resists the unprecedented pressure from the West and remains one of the main poles in the emerging multipolar world, its interests will lie in balancing Turkish influence in its neighborhood, including the South Caucasus. Meanwhile, the US and the EU will increase their involvement in the regional geopolitics, seeking to reduce the influence of Russia, viewing it as a part of their multi-prong “Russia containment” policy.

Russia and Iran are both interested to see less Turkish influence in the South Caucasus, not because they love Armenians or hate Turks, but because of their vital national interests. As we mentioned, Armenia is interested in normalizing relations with Azerbaijan and Turkey, and the government is making significant efforts in that direction. However, conventional wisdom suggests that Armenia should not want to see Turkish dominance in the South Caucasus. In this context, Armenia, Iran, and Russia have coinciding interests – to prevent Turkey from dominating the South Caucasus. It is a sound base for the three countries to launch a trilateral format of cooperation.

THE CRISIS IN UKRAINE AND THE FUTURE OF THE WORLD ORDER

Since the start of the Ukraine crisis in February 2022, discussions have been underway about the impact of the war on the evolving global order. The war in Ukraine may trigger several scenarios. The US consolidated its influence over the entire Euro-Atlantic community and established a broad partnership of European, North American and Asian allies to counter Russia – Canada, the UK, the EU, Japan, South Korea and Australia. It seemed that the possibility of creating two separate, albeit cooperating, power centers in the West – US/Canada/UK grouping led by the US and the EU led by Germany and France, has significantly decreased. The unprecedented economic sanctions imposed on Russia and efforts to decouple it from the Western-dominated financial and technological spheres may bring us to the conclusion that the unified West would like to bring back “the unipolar moment.” There is a widespread narrative that if the US-led West can destroy the Russian economy or even bring regime change, it will serve as a severe warning to China that if Beijing does not accept the Western rules, it may become the next victim.

Witnessing the staggering defeat of Russia, China will take a more cautious approach towards the US, while Washington will push further with its ideas of transforming the QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) into the “Asian NATO,” probably bringing Vietnam and South Korea into the grouping. In this scenario, the world will return to the situation of the early 1990s with the domination of the US-led liberal international order.

The second scenario envisages a military stalemate in Ukraine with no clear winners or losers. As the West completely cuts Russia from its financial markets and tech-

nological innovations and significantly decreases imports of Russian oil and gas, Russia will be forced to rely more and more on China to survive economically. The Russia–China partnership will continue to intensify, and at the end of the day, China will emerge as the leading player. China and Russia will continue to synchronize the Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union. Within a decade, a new China-led pole will emerge, composed of China, Russia, some Central Asian, South Caucasian, Middle Eastern and Southeast Asian states, with Venezuela, Cuba and Nicaragua as additional potential members. Simultaneously, the US will solidify its bloc with Canada, the UK, the EU, Japan, South Korea and Australia. At the same time, some major and mid-size actors, such as India, Brazil, Argentina, Indonesia, Turkey and South Africa, will seek to revitalize the non-aligned movement to balance between China and the US-led poles. In this scenario, the world will return to bipolarity and the new Cold War, but with much more economic interdependence than was the case during the original cold war in the second half of the 20th century.

In third scenario, the Ukraine war again will end in a military stalemate and a new frozen conflict, but despite the crippling Western sanctions, Russia will be able to keep its economy relatively afloat and will not be forced to accept the status of Chinese junior partner. The Russia–China partnership will continue to grow, but as a relationship between relatively equal players. To resist Western pressure, Russia and China will seek to cultivate alternative platforms of cooperation, such as the Shanghai Cooperation Organization, BRICS and BRICS + formats bringing a concept of multipolarity into reality, where along with the US-led Western pole, Russia, China, India and Brazil, will form a plethora of global players. This world will not have fixed alliances, as every great power will compete or cooperate with others based on individual cases. India may cooperate with Russia while competing with China, and Brazil may seek to develop relations with the US, Russia and China. The only constant will be a lack of trust and cooperation between Russia, China and the US-led West.

However, in the long-term perspective, the EU may seek to reach some normalization with Russia and China and regain some autonomy from the US in its foreign and security policy. The BRICS and BRICS+ summits held on June 23-24, 2022 [23] and the discussions there to deepen cooperation between the Belt and Road Initiative, Shanghai Cooperation Organization and the Eurasian Economic Union, tell us that even US partners, such as Brazil and India, are not ready to cut relations with Russia and enter the US–Russia fight. These developments prove that the possible emergence of the multipolar world is among the most likely scenarios, along with the creation of a bipolar – the US versus China order.

ИСТОЧНИКИ

1. G20 Leaders' Declaration, Washington DC, 15 November, 2008. Available at: <https://www.oecd.org/g20/summits/washington-dc/declarationofthesummitonfinancialmarketsandtheworldconomy.htm>

2. National Security Strategy of the United States of America, December 2017. Available at: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

3. FACT SHEET: Implementation of the Australia – United Kingdom – United States Partnership (AUKUS). Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/04/05/fact-sheet-implementation-of-the-australia-united-kingdom-united-states-partnership-aukus>.
4. Agreement signed on trade and economic cooperation between EAEU and PRC. Available at: <http://www.eurasiancommission.org/en/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>
5. Interview given by Dmitry Medvedev to Television Channels Channel One, Russia, NTV. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/48301>
6. The EU and Armenia Comprehensive and Enhanced Partnership Agreement enters into force. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-and-armenia-comprehensive-and-enhanced-partnership-agreement-enters-force_en
7. Statement by President of the Republic of Azerbaijan, Prime Minister of the Republic of Armenia and President of the Russian Federation. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/64384>.
8. Richard Hoagland: 'Lavrov plan' on Karabakh peace not backed by conflicting sides 'as yet'. Available at: <https://artsakhpress.am/eng/news/101829/richard-hoagland-%E2%80%98lavrov-plan%E2%80%99-on-karabakh-peace-not-backed-by-conflicting-sides-%E2%80%98as-yet%E2%80%99.html>.
9. Interim National Security Strategic Guidance. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance/>
10. 2021 Annual Threat Assessment of the U.S. Intelligence Community. Available at: <https://www.dni.gov/index.php/newsroom/reports-publications/reports-publications-2021/item/2204-2021-annual-threat-assessment-of-the-u-s-intelligence-community>
11. Integrated Country Strategy: Armenia. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/07/ICS_EUR_Armenia_Public.pdf
12. EU and Azerbaijan enhance bilateral relations, including energy cooperation. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_4550.
13. AIIB approves \$600 million to support energy project of Azerbaijan. Available at: [https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/AIIB-approves-\\$600-million-to-support-energy-project-of-Azerbaijan.html](https://www.aiib.org/en/news-events/news/2016/AIIB-approves-$600-million-to-support-energy-project-of-Azerbaijan.html)
14. Georgia, China sign historic Free Trade Agreement. Available at: <https://agenda.ge/en/news/2017/931>
15. Hualing Group. Available at: <https://www.investingorgia.org/en/key-sectors/success-stories/hualing-group.page>
16. Trans-Caspian International Transport Route. Available at: <https://middlecorridor.com/en/>
17. Armenia, Turkey agree to open borders for third-country nationals. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/1/armenia-turkey-agree-to-open-border-for-third-country-nationals>.
18. Prime Minister Pashinyan holds telephone conversation with the President of Turkey. Available at: <https://www.primeminister.am/en/press-release/item/2022/07/11/Nikol-Pashinyan-Telephone-Conversation/>

19. Armenia, Iran Open Key Gas Pipeline. Available at: <https://www.azatutyun.am/a/1587258.html>
20. Armenia Opens New Free Economic Zone on Iranian Border. Available at: <https://emerging-europe.com/news/armenia-opens-new-free-economic-zone-on-iranian-border/>
21. Iran criticizes Minsk group's peace efforts over Nagorno-Karabakh. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/10/30/iran-criticises-minsk-groups-peace-efforts-over-nagorno-karabakh>
22. What Iran's Zarif said in his 'whistle stop tour' of post-war Caucasus. Available at: <https://responsiblestatecraft.org/2021/01/29/iran-seeks-new-role-in-post-war-caucasus/>
23. XIV BRICS summit. Available at: <http://brics2022.mfa.gov.cn/eng/>.

REFERENCES

- Blackwill R, Wright, T. 2020. The End of World Order and American Foreign Policy. Council Special Report No. 86, Council on Foreign relations.
- Cannon, B., Rossiter, A. 2022. Locating the Quad: informality, institutional flexibility, and future alignment in the Indo-Pacific. *International Politics*. DOI: <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00383-y>
- Fukuyama, F. 1989. The end of history? *The National Interest*, No. 16, pp. 3-18
- Haass, R. 2019. How a World Order Ends And What Comes in Its Wake. *Foreign Affairs*, No. 1, pp. 22-30.
- Haass, R., Kupchan, Ch. 2021. The New Concert of Powers. How to Prevent Catastrophe and Promote Stability in a Multipolar World. *Foreign Affairs*. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2021-03-23/new-concert-powers>
- Krauthammer, Ch. 1990/1991. The Unipolar Moment. *Foreign Affairs*, No. 1, pp. 23-32.
- Lieberthal, K. 2011. The American Pivot to Asia. Available at: <https://www.brookings.edu/articles/the-american-pivot-to-asia/>
- Walt, S. 2018. The Hell of Good Intentions: American Foreign Policy Elite and the Decline of US Primacy, Farrar, Straus and Giroux, 400 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Benyamin POGHOSYAN Candidate of Sciences (History), Chairman of the Center for Political and Economic Strategic Studies, and Research Fellow, Center for American Studies, Yerevan State University.
1, Alex Manoogian St., Yerevan 0025, Armenia.

ПОГОСЯН Бенджамин Погосович, кандидат исторических наук, председатель Центра исследования политических и экономических стратегий, научный сотрудник Центра американских исследований Ереванского государственного университета.
Республика Армения, 0025, Ереван, ул. Алека Манукяна, 1

УДК: 620.92:502.12+ 622.276+622.279/012:551:58

JEL: N52+N72

DOI: 10.31857/S2686673023010030

EDN: GZEPXW

Климатическая повестка ведущих нефтяных компаний США

Н.А. Иванов

*РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина
119991, Москва, Ленинский проспект, дом 65, корпус 1;
Российское энергетическое агентство Минэнерго РФ.
129085, Москва, проспект Мира, дом 105, стр.1.*

Researcher ID: GYU-8237-2022 PIINЦ ID: 664353

ORCID: 0000-0002-6066-6416 e-mail: ivanov0660@gmail.com

Н.Н. Пусенкова

ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова.

117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23;

Европейский университет в Санкт-Петербурге.

1191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А.

Researcher ID: N-4418-2016 Scopus Author ID: 55824758200 PIINЦ ID: 416751

ORCID: 0000-0002-8971-1620 e-mail: npoussenkova@imemo.ru

Резюме: Авторы исследуют особенности четвертого энергетического перехода от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, повсеместно разворачивающегося в настоящее время, и его воздействие на нефтегазовую отрасль. Изучается эволюция климатической повестки ведущих нефтяных компаний и основные факторы, оказывающие на неё влияние. В статье рассматривается специфика американской модели декарбонизации нефтяных компаний и анализируются основные отличия данной модели от европейской. Оцениваются основные причины высокой климатической сознательности европейских нефтяных компаний. Изучаются важнейшие драйверы климатической политики нефтяников США, такие как «озеленение» финансовых институтов и инвесторов, предпочтения потребителей и т.п. Особое внимание уделяется изменениям правительственной климатической стратегии и подчёркивается, что в последнее время американские мейджоры стали проявлять большую климатическую сознательность, в том числе принимая обязательства по достижению углеродной нейтральности. Исследуются конкретные меры декарбонизации, осуществляемые основными нефтяными компаниями США («ЭксонМобил» / *ExxonMobil*, «Шеврон» / *Chevron*, «КонокоФиллипс» / *ConocoPhillips*, «Оксидентал петролеум» / *Occidental Petroleum*), такие как НИОКР в области биотоплива, улавливание, хранение и использование углерода, борьба с утечками метана, производство водорода и пр. Отмечается, что американские нефтяные компании, в отличие от европейских, не стремятся диверсифицировать свои портфели активов, развивая альтернативные источники энергии. Очевидно, что нефтяные компании, обладающие большими доказанными запасами углеводородов и сделавшие значительные инвестиции в разведку и добычу, в меньшей мере готовы развивать возобновляемые источники энергии. Американские мейджоры продолжают делать акцент на долгосроч-

ном будущем нефти и газа, сохранять верность профильному нефтегазовому бизнесу и стараться проводить климатическую политику за счёт повышения энергоэффективности операций, используя свои конкурентные преимущества, прежде всего технологическое превосходство. Авторы предполагают, что при администрации Дж. Байдена можно ожидать усиления климатической повестки ведущих нефтяных компаний США.

Ключевые слова: Декарбонизация, углеродная нейтральность, европейские и американские мейджоры, углеродоёмкость, энергетический переход, улавливание, хранение и использование углерода, выбросы метана, водород, биотопливо, возобновляемые источники энергии, («ЭксонМобил», «Шеврон», «КонокоФилипс», «Оксидентал петролеум»)

Для цитирования: Иванов Н.А., Пусенкова Н.Н. Климатическая повестка ведущих нефтяных компаний США. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(1): 38–58. DOI: 10.31857/S2686673023010030 EDN: GZEPXW

Climate Agenda of the Leading US Oil Companies

Nikolai A. Ivanov

Russian Oil and Gas Academy named after Gubkin

85 Leninskiy Prospekt, Moscow, 119261, Russian Federation.

Russian Energy Agency under the RF Ministry of Energy.

105/1 Prospekt Mira, Moscow, 129085, Russian Federation.

Researcher ID: GYU-8237-2022

ПИИЦ ID: 664353

ORCID: 0000-0002-6066-6416

e-mail: ivanov0660@gmail.com

Nina N. Poussenkova

Primakov Institute of World Economy and International Relations

Russian Academy of Sciences.

23 Profsoyuznaya st., Moscow, 117997, Russian Federation.

ENERPO Center of the European University at St.Petersburg.

6/1 A Gagarinskaya st., St. Petersburg, 1191187, Russian Federation.

Researcher ID: N-4418-2016

Scopus Author ID: 55824758200

ПИИЦ ID: 416751

ORCID: 0000-0002-8971-1620

e-mail: npoussenkova@imemo.ru

Abstract: The authors investigate characteristics of the fourth energy transition from fossil fuel to renewables that is currently underway on the global scale and its impact on the oil and gas sector. They study evolution of the climate agenda of oil companies and its main drivers. The article explores specifics of the American model of oil majors' decarbonization and analyzes key differences between the American and European models. The authors assess the main reasons for the high climate responsibility of the European oil companies. They study the key drivers of climate policy of the US majors, e.g. greening of financial institutions and investors, consumers' preferences, etc. A special focus is made on the evolution of the US government climate strategy. Recently, the US majors have been demonstrating greater climate awareness and began to announce their net zero commitments. The authors study specific decarbonization measures taken by the main US oil companies (ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips, and Occidental Petroleum), such as R&D in the sphere of biofuels, carbon capture, utilization and storage, control of methane leakages, production of hydrogen, etc. The article emphasizes that the US oil companies, in contrast to their European counterparts, are reluctant to diversify their asset portfolio by expanding the share of renewables. Their reluctance might stem from the fact

that oil companies that possess considerable proved reserves of hydrocarbons and that made significant investments in upstream are not eager to focus on renewables. Currently, the American majors continue to bet on the long-term future of oil and gas, remain loyal to their core oil and gas business and pursue climate agenda mainly by enhancing their energy efficiency through the use of their competitive advantages, primarily technological supremacy. The authors believe that under Joe Biden's administration the climate agenda of the leading US oil companies will be strengthened further.

Keywords: Decarbonization, net zero, European and American majors, carbon intensity, energy transition, carbon capture, utilization and storage, methane emissions, hydrogen, biofuel, renewables, ExxonMobil, Chevron, ConocoPhillips, Occidental Petroleum

For Citation: Ivanov N.A., Poussenkova N.N. Climate Agenda of the Leading US Oil Companies. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53(1): 38-58 (In Russ.)

DOI: 10.31857/S2686673023010030 EDN: GZEPXW

ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия всё больше стран и компаний уделяют повышенное внимание идеям устойчивого развития и конкретным методам достижения его целей. Цели устойчивого развития (ЦУР) – документ, утверждённый ООН в 2015 г. под названием «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [1]. Как следует из названия, речь идёт о преобразовании мира, поэтому и цели охватывают широкий спектр насущных проблем – от ликвидации нищеты и голода до развития качественного здравоохранения и образования, от обеспечения населения чистой водой и доступной энергией до создания рабочих мест и эффективных институтов при соблюдении гендерного равенства. Среди них есть и цели по борьбе с изменением климата, которые имеют самое непосредственное отношение к компаниям нефтегазового сектора.

Нефтегазовые компании поняли, что с климатическим движением не стоит бороться, его лучше возглавить, но по возможности увести его в то неопределённо-прекрасное измерение, которое описано в документах ООН. Поэтому в своих отчётах об устойчивом развитии они предпочитают описывать вопросы экологического, социального и корпоративного управления (*Environmental, Social, and Corporate Governance, ESG*), в том числе климатическую повестку, но не делать акцент на ключевом вопросе: как компания выполняет цели по декарбонизации своего бизнеса, каков углеродный след единицы произведённой продукции, как эти показатели меняются год от года, каковы позиции компании по отношению к конкурентам и, главное, каково её участие в глобальном энергетическом переходе.

Сейчас в мире разворачивается четвёртый энергетический переход от ископаемого топлива к возобновляемым источникам. Он затрагивает все сферы жизни, но наибольшее воздействие оказывает на нефтегазовые компании, которые, с одной стороны, являются одним из основных источников выбросов парниковых газов, а с другой – могут сыграть важнейшую роль в решении климатической проблемы. Для этого им нужно осуществить декарбонизацию деятельности, то есть изменить модус операнди (*modus operandi*) и даже саму корпоратив-

ную идентичность, чтобы соответствовать новым вызовам современности. В этой связи представитель КалПЕРС (CalPERS – *The California Public Employees' Retirement System*), крупнейшего в США пенсионного фонда, отметила: нефтегазовые компании должны трансформироваться в нечто новое, чтобы не сойти со сцены, как это вынуждены были сделать производители карет, после появления автомобилей и поездов [3].

Сейчас всё больше стран и компаний ставят задачу выйти на углеродную нейтральность (*net zero*) к 2050 году. По оценкам Международного энергетического агентства, МЭА (*International Energy Agency, IEA*), для такого «озеленения» надо сократить глобальную добычу нефти и газа на 3%, а угля – на 7% до 2050 года. Помимо этого, после 2021 г. не должны вестись новые геологоразведочные проекты на ископаемое топливо [4].

Особенно активно «озеленение» мейджоров шло в пандемию. Волатильность нефтяного рынка, вызванная коронавирусом, усилила сомнения общества в долгосрочных перспективах нефтегазового бизнеса. Спрос на нефть упал, снизились цены, компании стали отказываться от реализации проектов, рентабельность которых вызывает вопросы – одна лишь «Шелл» (*Shell*) списала нефтегазовых активов на 22 млрд долл. [Иванов Н.А., 2021]. То есть с начала 2020 года международные нефтегазовые компании резко ускорили изменение инвестиционных стратегий в направлении декарбонизации и поддержки целей Парижского соглашения.

РАЗНЫЕ ПОЗИЦИИ

При всём разнообразии отношений нефтегазовых компаний к декарбонизации, можно условно выделить европейский и американский подход. По сути у нефтяных компаний есть два выхода – либо заявить, что они проводят коренную трансформацию бизнеса и превращаются из нефтегазовых компаний в энергетические компании широкого профиля (*broad energy companies*), ориентированные на чистые и возобновляемые источники энергии (европейский путь), либо – доказать, что главный смысл энергетической трансформации – не изменение корзины производимых энергоресурсов, а снижение выбросов парниковых газов за счёт повышения эффективности и внедрения технологических новшеств (американский путь) [Пусенкова Н., 2021].

С начала 2020 г. ведущие европейские нефтегазовые компании стали заявлять о смене инвестиционной стратегии в пользу декарбонизации. Мотивом стало принятие в декабре 2019 г. «Зелёного пакта» (*Green Deal*) – плана по превращению Европы в «первый климатически нейтральный континент» к 2050 году, и последовавшие за ним заявления руководства крупных банков о пересмотре политики в отношении ископаемого топлива. Европейские мейджоры параллельно с движением к декарбонизации нефтегазового бизнеса активно развивают проекты в сфере возобновляемой энергетики, занимающие всё большее место в их инвестиционном портфеле [Митрова Т., Гайда И., 2021].

Остальной мир пока проявляет относительную умеренность в плане трансформации нефтегазового сектора. Дискуссия о судьбе традиционного нефтега-

зового бизнеса во многих странах постепенно смещается от выбора между добычей ископаемых энергоресурсов и развитием возобновляемой энергетики к вопросу об экологической нагрузке от деятельности энергетических компаний, или «углеродоёмкости» бизнеса. Углеродоёмкость стала для них неким компромиссным количественным показателем.

Так, в июле 2020 г. Нефтегазовая климатическая инициатива (*Oil and Gas Climate Initiative, OGCI*) установила цель по снижению средней углеродоёмкости операций по разведке и добыче её участников до 20–21 кг CO₂ – эквивалента на баррель нефтяного эквивалента (CO₂e/boe) к 2025 г. с базового уровня в 23 кг в 2017 году. Этот диапазон соответствует сокращению, необходимому нефтегазовой отрасли для поддержки целей Парижского соглашения. Новая цель подразумевает уменьшение выбросов на 36–52 млн т CO₂/год к 2025 году (при условии постоянного уровня добычи). При этом задача сокращения удельных выбросов не означает их абсолютного снижения при увеличении выпуска продукции. Новая цель Нефтегазовой климатической инициативы затрагивает только выбросы охватов 1 и 2. Однако основной объём выбросов ПГ идёт от потребления нефти и газа (выбросы 3-го охвата), и для инвестиций в декарбонизацию промышленности и транспорта создан совместный инвестиционный фонд – «Инвестиции в климат» (*OGCI Climate Investments*) с капиталом более 1 млрд долл. [Иванов Н.А., 2021].

Стратегическая оценка нефтегазовыми корпорациями возможного влияния климатической политики на их проекты исходит из прогнозов Международного энергетического агентства. Для управления стратегическими рисками компании проводят оценку активов, учитывая допущения, лежащие в основе Сценария устойчивого развития МЭА (*Sustainable Development Scenario, SDS*). Сценарий предполагает, что выбросы CO₂ достигают пика в 2019–2020 гг. на уровне 33–34 Гт, а затем будут снижаться на 3,8% в год до уровня менее 10 Гт к 2050 г. и до нуля к 2070 г. При реализации сценария накопленный объём выбросов углекислого газа в период 2018–2070 гг. равняется 880 Гт. Остаточный объём допустимых выбросов CO₂ составляет чуть более 800 Гт в период 2021–2070 гг. Исходя из этого, все экономические агенты могут формулировать цели декарбонизации.

Отношение нефтегазовых компаний к климатическим вызовам различается: одни надеются на смягчение требований к углеродоёмкости бизнеса, другие стремятся возглавить движение к ускоренному формированию низкоуглеродной энергетики. Анализ показывает, что нефтяные компании, имеющие более крупные доказанные запасы нефти, менее склонны к инвестициям в возобновляемые источники, а те игроки, которые сделали масштабные капвложения в основной бизнес, также не стремятся к диверсификации [Sikandar Abdul Qadir et al., 2021].

Но всех представителей нефтегазового бизнеса роднит то, что изменение инвестиционной стратегии они рассматривают как часть стратегии управления рисками. Различные подходы к управлению климатическими рисками, применяемые мейджорами, влияют на инвестиционную привлекательность проектов в отрасли и финансовую оценку их будущей доходности. Для нефтяников управление климатическими рисками означают усилия по обеспечению безопасности операций и генерации прибыли для инвесторов. [Journal of International Banking

Law and Regulation, 2021]. Поэтому климатические риски относятся к категории стратегического планирования и принятия инвестиционных решений и требуют оценки в плане готовности оперативно реагировать на возникающие чрезвычайные ситуации и благоприятные возможности. При этом определяется как широкий спектр возможностей и угроз технологического порядка, так и вопросы возможных законодательных и регуляторных изменений, геополитики, прогнозы экономического развития и цен на сырье. При оценке новых проектов особое внимание уделяется вопросам будущих цен на выбросы CO₂.

Для тех компаний, которые не воспримут климатический вызов всерьёз, углеродные риски возрастают – не только риски глобального потепления, но и риски финансовых потерь. «Ведущие мировые нефтегазовые компании должны подключиться к разворачивающемуся энергетическому переходу и инвестировать в чистые решения, в результате зарабатывая прибыль, или потерпеть финансовый крах, если они будут сидеть сложа руки», как заявил в декабре 2021 г. заместитель министра энергетики США Дэвид Тёрк [5].

И тенденция к возникновению финансовых сложностей у нефтяных компаний из-за энергоперехода уже проявляется по ряду направлений, в том числе снижения их капитализации. Эксперты консультативной фирмы *McKinsey&Company* отмечают, что совокупная капитализация «новых зеленых энергетических гигантов» – «Энел» (*Enel*), «Ибердрол» (*Iberdrola*) и «Некстера» (*NextEra*) – за последние 10 лет выросла со 110 до 350 млрд долл., а капитализация супермейджоров – «БП» (*BP*), «Шеврон» (*Chevron*), «ЭксонМобил» (*ExxonMobil*) и «Шелл» (*Shell*) – за тот же период снизилась с 980 до 570 млрд долларов. [6]

Действительно, нефтегазовые мейджоры декарбонизируются менее энергично, чем игроки других отраслей. Только 62% нефтяников установили хотя бы минимальные долгосрочные цели по сокращению выбросов. При этом лишь малая группа компаний, главным образом в Европе, сформулировала задачи снижения выбросов по всем трем охватам. Но в плане достижения целей Парижского соглашения для нефтегазовой отрасли наиболее важно сокращать выбросы именно третьего охвата. Роберт Джонстон, директор консультативной фирмы «Евразия групп» (*Eurasia Group*) справедливо отметил в этой связи в ноябре 2021 г.: «отрасли нужно пройти ещё очень большой путь по выбросам 3-го охвата» [7].

ОСТОРОЖНЫЙ ПОДХОД

Если европейские мейджоры предпринимают активные меры по декарбонизации, то американские стоят на менее радикальных позициях. Подход американских нефтяников к декарбонизации бизнеса объясняется объективными и субъективными факторами, в том числе и природно-географическими особенностями самих США. Так, эксперты «Делойт» (*Deloitte*) отмечают: «Часто сравнивают политику энергоперехода европейских и американских нефтегазовых компаний. Но наличие больших запасов относительно дешевого природного газа порождает иные опции для компаний США. 49% нефтегазовых респондентов заявляют, что делают акцент на разработке низкоуглеродной продукции как

элемента их стратегии декарбонизации, включая природный газ. Во многих случаях компании сокращают сжигание попутного газа в факелах и выбросы метана, а также используют больше природного газа и других видов низкоуглеродного топлива в операционной деятельности».

«Делойт» справедливо подчёркивает, что дешёвый газ может использоваться при производстве водорода в сочетании с улавливанием и хранением углерода (*carbon capture and storage, CCS*), что способно стать ещё одной сферой, где нефтегазовые компании США применят свой колоссальный технологический потенциал. Углеродно-нейтральный водород может явиться альтернативой ископаемому топливу тогда, когда не срабатывает возобновляемая электроэнергетика. Технология улавливания и хранения углерода стала объектом инвестиций для ряда нефтегазовых компаний США, отчасти благодаря геологическому строению страны, где имеется много подземных природных резервуаров, подходящих для хранения CO₂. Более того, США обладают конкурентным преимуществом по водороду, поскольку разработчики проектов могут использовать существующую разветвлённую трубопроводную инфраструктуру для его хранения, транспортировки и распределения [8]. Кроме того, анализировать подходы американских нефтяников к декарбонизации бизнеса необходимо с учётом переменчивой политической ситуации в США. Если европейские правительства последовательно отстаивают необходимость оперативного решения климатической проблемы, то американское отношение к вопросам изменения климата за последние годы претерпевало резкие изменения, что, безусловно, посылало противоречивые сигналы нефтегазовому бизнесу страны.

США начали политику декарбонизации с 2009 г., когда образованная администрацией Барака Обамы Межведомственная рабочая группа по установлению социальной стоимости выбросов парниковых газов впервые определила социальную стоимость выбросов в 21 долл./т. Придя к власти, президент Дональд Трамп сразу расформировал эту рабочую группу, и его администрация опубликовала свою оценку показателя – 1 долл./т. Это позволило правительственным агентствам выпустить новые положения и рекомендации, более щадящие для отрасли.

Если европейские политики считают изменение климата одним из основных вызовов современности, то Дональд Трамп, при котором США восстановили позиции ведущего игрока на мировом нефтегазовом рынке, называл изменение климата «китайской выдумкой». Его серьёзно беспокоил тот факт, что «усилия администрации Обамы по сокращению выбросов углерода подорвали глобальную конкурентоспособность Америки» [9]. Недаром в июне 2017 г. Трамп объявил о решении выйти из Парижского соглашения, к которому США присоединились в 2016 г., до его прихода к власти.

Но потом климатическая повестка вернулась на авансцену. Президент Дж. Байден сразу восстановил Межведомственную рабочую группу. Он заявил, что хочет установить промежуточные социальные расходы, обеспечивающие учёт всех затрат, связанных с загрязнением окружающей среды от парниковых газов, «включая риск изменения климата, экологические угрозы и ответствен-

ность перед будущими поколениями». С победой на выборах Дж. Байдена США стали превращаться в одного из самых активных и влиятельных мировых участников борьбы с изменением климата и, возможно, международного лидера по декарбонизации экономики. Пока лидером выступает ЕС, но уже появляются сигналы, что Америка намерена ликвидировать отставание. Даже наблюдаются признаки того, что Хьюстон, всегда считавшийся мировой нефтяной столицей, хочет стать мировой столицей энергоперехода.

Президент Дж. Байден 20 января 2021 г. официально подтвердил участие США в Парижском соглашении. 27 января 2021 г. он подписал указ «О преодолении климатического кризиса в стране и за рубежом». Указ отменил федеральные субсидии на ископаемое топливо, поставил цель удвоить установленную мощность морских ветряков к 2030 г. и адаптировать инфраструктуру к интеграции чистой энергетики.

Климатическая повестка администрации продолжает усиливаться. Летом 2022 г. шла работа над законопроектом о климате и налогах (*Climate and Tax Bill*) стоимостью 369 млрд долл., продвигаемым демократами, который должен стать одним из самых масштабных климатических законов. Он стимулирует приобретение электромобилей, энергоэффективных электроприборов, использование альтернативных источников энергии, а также поощряет производителей оборудования для чистой энергии. Кроме того, он налагает штрафы (с 2024 г.) на компании за каждую метрическую тонну выбросов метана, которые превышают федеральные лимиты. Закон также обяжет правительство выставять на аукционы больше федеральных земель и вод для буровых работ и расширяет налоговые кредиты для ТЭЦ, потребляющих уголь и газ, если те используют технологию улавливания и хранения углерода [10]. Показательно, что демократы надеялись, что климатический закон (против которого выступали республиканцы) увеличит шансы их кандидатов на ноябрьских промежуточных выборах [11]. В ноябре не произошло значимых изменений в балансе сил республиканцев и демократов. Но эта ситуация лишь подчёркивает риск того, что при возможной смене руководства страны в 2024 году климатическая политика может снова отойти на второй план.

КЛИМАТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АМЕРИКАНСКИХ НЕФТЯНИКОВ

Особенно поучительна климатическая политика «ЭксонМобил». Компания давно прославилась как заядлый «климатический скептик». В 1980-х годах тогда ещё «Эксон» (*Exxon*) заработала репутацию пионера в области климатических исследований, финансируя академическую науку и проводя собственные передовые изыскания по выбросам CO₂. Но уже в 1990-х годах позиция кардинально изменилась – хотя мейджор и продолжал оплачивать климатические исследования, он стал направлять миллионы долларов на кампании, которые ставили под вопрос климатические проблемы [12]. «Эксон» размещала рекламу в «Вашингтон пост» (*Washington Post*), «Уолл-стрит джорнэл» (*Wall Street Journal*) и «Нью-Йорк таймс» (*New York Times*), которая гласила, что климатическая наука – не точна и неопределённа, а регулирование, направленное на борьбу с глобальным

потеплением – плохо продумано и преждевременно. Такая смена концепции была вызвана опасениями мейджора, что требования по сокращению выбросов CO₂ могут подорвать его прибыльность [13]. На самом деле «Эксон» осознала реальность изменения климата ещё в 1977 г., то есть на 11 лет раньше, чем это явление было признано важнейшим вызовом современности. Но это осознание не мешало компании десятилетиями публично отрицать проблему [14].

Практические результаты супермейджора по борьбе с изменением климата не слишком впечатляют. «ЭксонМобил» сократила выбросы парниковых газов всего на 5% с 2010 г. по 2019 г. благодаря улучшению эффективности операций, снижению объёмов сжигания попутного газа и уменьшению утечек газа. Компания урезала выбросы метана из неконвенциональных источников на 40% к концу 2020 г. по сравнению с 2016, в том числе за счёт проведения почти 23 тыс. исследований утечек метана более чем на 9 500 производственных площадках [15].

Можно предположить, что подобный климатический нигилизм сказывается на прежде непоколебимых позициях супермейджора (хотя, конечно, свою негативную роль играют и другие объективные факторы). Совсем недавно, в 2013 г., это была самая дорогая компания мира. Но с 2014 г. по 2020 г. её капитализация упала на 266 млрд долл., и её исключили из и промышленного индекса Доу-Джонса (*Dow Jones Industrial Average*) после 92 лет присутствия в нём. В индексе осталась только одна нефтяная компания – «Шеврон». Действительно, если в 2008 г. на энергетический сектор приходилось 16% компаний из списка *Standard and Poor's 500* (S&P 500), то 2020 г. – лишь 2,5%, что демонстрирует сдвиг американской экономики в сторону технологичных компаний [16].

Но даже климатическому скептику приходится мириться с новыми реалиями. В январе 2022 г. «ЭксонМобил» объявила о планах выйти на углеродную нейтральность по активам, находящимся под её операционным контролем (охват 1 и 2) к 2050 году. Компания продвигает план сокращения выбросов к 2030 г., который включает достижение углеродной нейтральности в Пермском бассейне (*Permian*), где сосредоточено 40% чистой добычи углеводородов «ЭксонМобил» в США, и продолжение инвестиций в такие технологические решения с более низкими выбросами, как технология улавливания и хранения углерода, водород и биотопливо. Компания планирует играть ведущую роль в энергопереходе, при этом сохраняя инвестиционную гибкость по всему портфелю меняющихся возможностей, чтобы максимизировать доходность для акционеров. «ЭксонМобил» обязуется помочь клиентам сократить выбросы ПГ за счёт инвестиций в новые технологии.

Как отмечал глава компании Даррен Вудс, «инвестируя в эти важные технологии, мы поддерживаем продуманные, оказывающие серьезное воздействие направления политики, которые могут ускорить распространение эффективных по издержкам рыночных решений. Мы полагаем, что наша стратегия уникальна для отрасли, и помогает нам добиться успеха при различных сценариях. Мы будем создавать ценность для акционеров, распределяя инвестиции между нашим уже существующим портфелем с низкой себестоимостью, и новыми де-

ловыми возможностями с меньшими выбросами, чтобы соответствовать темпам энергетического перехода» [17].

Мейджор старается сохранить лидерство в сфере НИОКР: после 2000 г. он вложил более 10 млрд долл. в исследование, разработку и применение энергетических решений с низкими выбросами. До 2027 г. планируется выделить ещё 15 млрд долл. на проекты, которые включают сокращение выбросов ПГ от активов под операционным управлением «ЭксонМобил» (охват 1 и 2) [18].

«ЭксонМобил» традиционно финансировала широкий спектр научных программ в сфере биотоплива, проводимых ведущими университетами США, включая изучение водорослей, а также программы по преобразованию не продовольственных источников биомассы в передовое топливо. За последнее десятилетие «ЭксонМобил» инвестировала 250 млн долл. в исследования биотоплива, ставя задачу выйти на показатель в 1 500 галлонов топлива из водорослей на акр в год – в 5 раз больше топлива на акр, чем из сахарного тростника или кукурузы.

В частности, «ЭксонМобил» сотрудничает с американской биотехнической компанией «Синтетик геномикс» (*Synthetic Genomics*) в разработке передового биотоплива из водорослей, поставив задачу производить 10 тыс. бар./сутки к 2025 году. В 2020 г. мейджор подписал соглашение с «Глобал клин энеджерджи» (*Global Clean Energy*) по закупке возобновляемого дизеля, полученного из «камелина», растения, которое не вытесняет кормовые культуры и имеет потенциал по сокращению выбросов ПГ от дорожного транспорта. «ЭксонМобил» приобрела 49,9% в норвежской компании «Биоджет Ай-эс» (*Biojet AS*), которая планирует конвертировать отходы деревообрабатывающей и строительной отрасли в биотопливо с низкими выбросами [19].

Технологии улавливания и хранения углерода – сильный компонент портфеля «ЭксонМобил», который считается мировым лидером в этой сфере. Мейджор улавливал CO₂ с 1970-х годов и утверждает, что на его долю приходится более 40% совокупного уловленного углерода (порядка 120 млн м т). Компания объявляет, что сейчас контролирует 20% глобальной мощности по улавливанию углерода, около 7 млн т CO₂ в год. В начале 2021 г. она запустила новый бизнес – Низкоуглеродные решения (*Low Carbon Solutions*), чтобы коммерциализировать масштабный портфель низкоуглеродных технологий. В рамках этой инициативы будет инвестировано 3 млрд долл. в новые энергетические решения с низкими выбросами до 2025 г., причём сначала будет делаться акцент на продвижении возможностей именно улавливания и хранения углерода [20].

«ЭксонМобил» планирует активно заниматься водородом и намеревается построить свой первый завод мирового класса по производству голубого водорода на нефтеперерабатывающем и нефтехимическом комплексе в Бейтаун.

Но, несмотря на яркую природоохранную риторику, практические действия по декарбонизации «ЭксонМобил» в основном сводятся к продвижению газовых проектов, включая экспорт СПГ. Показательно, что членом партнёрств по сокращению сжигания попутного газа стало подразделение «ЭксонМобил», занимающееся сланцевыми проектами на территории США – «Икс-ти-о Энерджи» (*XTO Energy*), но головная компания таких обязательств не берёт.

«ЭксонМобил» подчёркивает, что оправданно делает ставку на долгосрочное будущее нефти и газа. Показательно, что её собственный ежегодный прогноз гласит: «Сценарии Межправительственной группы экспертов по изменению климата (IPCC) и МЭА подтверждают широкий диапазон возможностей для будущего энергобаланса и показывают, что ни один источник энергии или технологическое решение по отдельности не достаточны для обеспечения повышения температуры менее чем на 2°. Все энергоносители с низкими выбросами играют важную роль, и сценарии основываются на распространении биоэнергетики, энергии ветра, солнца, улавливания и хранения углерода и водорода. Нефть и природный газ также остаются ключевым элементом энергобаланса в следующие десятилетия в рамках этих сценариев, подчёркивая потребность в продолжающихся инвестициях» [21]. «ЭксонМобил» удовлетворяет растущий спрос на энергию и «озеленяется», обеспечивая потребителей низкоуглеродной продукцией, позволяющей сокращать выбросы ПГ: природный газ, облегчённые материалы и упаковка, совершенные топлива и смазочные материалы. Инвестиции «ЭксонМобил» в исследования и разработки новых технологий направлены на улучшение климатических показателей в отраслях, дающих 80% глобальных выбросов парниковых газов – промышленность, электроэнергетика и коммерческий транспорт, где сейчас используются неэффективные технологии.

По мнению руководства «ЭксонМобил», нужны разумные правительственные меры, чтобы ускорить распространение ключевых технологий теми темпами и в тех масштабах, которые требуются для достижения углеродно-нейтрального будущего. Компания давно поддерживает введение чёткой цены углерода, чтобы создать рыночные стимулы и обеспечить стабильность, требуемую для инвестиций. Без национальной системы ценообразования на углерод, хорошо продуманные, применимые к различным секторам варианты политики, чтобы двигать новаторство и инвестиции, также могут оказаться эффективным способом сократить выбросы [22].

«Шеврон», вторая по величине нефтяная компания США, делала три попытки (в 2000, 2014 и 2016 гг.) заняться возобновляемой энергией (солнечной, ветровой и геотермальной). Но более низкая доходность альтернативной энергетики по сравнению с нефтегазом побудила её пересмотреть стратегию и сохранить акцент на изначальном профильном бизнесе, при этом сохраняя небольшой портфель возобновляемых источников.

В октябре 2021 года «Шеврон» анонсировала планы достичь углеродной нейтральности по выбросам охвата 1 и 2 в сегменте апстрим (*upstream*). При этом она собирается инкорпорировать выбросы охвата 3 в свои цели по выбросам ПГ, разработав показатель углеродоёмкости портфеля (*Portfolio Carbon Intensity, PCI*), которая будет включать выбросы охвата 1, 2 и 3. Компания сформулировала задачу сокращения интенсивности выбросов углерода более чем на 5% к 2028 г. по сравнению с 2016 [23]. В отношении метаноёмкости компания планирует выйти на уровень в 2 кг CO₂ эквивалента на баррель к 2028 г, что на 50% ниже 2016 года [24].

«Шеврон» заявляет о климатической политике, которая заключается в экономически эффективном снижении углеродоёмкости операций, развитии воз-

обновляемой энергетики для поддержки основного нефтегазового бизнеса и инвестировании в прорывные технологии. Приоритет охраны окружающей среды является составной частью стратегии компании по взаимоотношениям с инвесторами и акционерами под названием «Путь Шеврон» (*The Chevron Way*). «Шеврон» с 2017 г. начала добровольно публиковать ежегодные климатические доклады, используя рекомендации Рабочей группы по раскрытию климатической финансовой информации.

«Шеврон» щедро инвестирует в НИОКР и применение современных технологий, позволяющих снизить выбросы CO₂. В 2018 г. компания запустила Фонд энергии будущего (*Future Energy Fund*), с первоначальным взносом в 100 млн долл., чтобы финансировать прорывные технологии, которые позволяют снизить выбросы углерода. Компания вкладывает в ветровые и солнечные проекты, которые имеют наибольший потенциал по сокращению выбросов CO₂ эффективным по издержкам способом. «Шеврон» наращивает использование возобновляемых источников в ряде своих продуктов, чтобы снизить выбросы на протяжении их жизненного цикла. Используя большие объёмы электроэнергии из возобновляемых источников, например, соглашение о покупке ветровой энергии на 65 МВт в Пермском бассейне (*Permian*), она переключается на низкоуглеродный источник топлива и работает над оптимизацией соотношения между закупленной и сгенерированной электроэнергией.

Сейчас «Шеврон» делает ставку на улавливания и хранения углерода, инвестируя в две крупнейшие в мире установки: проект «Квест Си-си-эс» (*Quest Carbon Capture and Storage, Quest CCS*) в канадских нефтяных песках и проект «Горгона» (*Gorgon*) в Австралии. В мае 2022 г. «Шеврон Ю-эс-эй» (*Chevron U.S.A.*) через подразделение «Шеврон нью энерджиз» (*Chevron New Energies*) объявила о запуске проекта улавливания и хранения углерода, направленного на снижение углеродёмкости операций в долине Сан-Хаоким в Калифорнии [25].

«Шеврон» планирует создать прибыльный крупномасштабный водородный бизнес. Компания многие годы инвестировала в НИОКР в области водорода и владеет более 75 патентов в этой сфере. Сейчас «Шеврон» производит примерно 1 млн т в год водорода в рамках своего традиционного бизнеса.

В феврале 2021 г. «Шеврон» объявила об инвестировании 300 млн долл. в низкоуглеродные технологии. «Шеврон технолоджи венчес» (*Chevron Technology Ventures*) основала второй Фонд для энергетики будущего (*Future Energy Fund II*), ориентированный на разработку доступных, надёжных и чистых технологий. Первый фонд, образованный в 2018 г., инвестировал в десяток компаний, занимающихся разработкой инновационных технологий в области улавливания углерода, новых систем мобильности и хранения энергии. Второй фонд сконцентрируется на инновациях в области декарбонизации промышленности, низкоуглеродной энергетики и экономики замкнутого углеродного цикла. «Шеврон» имеет 20-летний опыт в использовании зачётов (*offsets*). Она инвестирует в масштабируемые природные решения – такие как хранение почвенного углерода, посадка деревьев, восстановления мангровых лесов, что позволяет генерировать качественные кре-

днты. В 2022 г. она объявила о подписании соглашения с Фондом восстановления земель по проекту рекультивации лесов на 8 800 акрах в Луизиане [26].

Компания так формулирует свою климатическую философию, которая может считаться воплощением американского подхода к декарбонизации. «Мы полагаем, что принуждение отдельных нефтегазодобывающих компаний к одностороннему сокращению добычи или изменению портфелей для приведения их в соответствие с возможным будущим энергобалансом не отвечает целям Парижского соглашения. Результатом может стать то, что такие игроки, как «Шеврон» будут отвлекать ресурсы и терять конкурентные преимущества, а менее эффективные компании, которые могут быть не столь социально и экологически ответственными и не будут подвергаться публичному контролю, увеличат свою долю производства ископаемого топлива. Это не послужит интересам наших акционеров и не приведёт к прогрессу, связанному с Парижским соглашением. Мы считаем, что снижение общего объёма выбросов ПГ не противоречит продолжению или наращиванию добычи ископаемого топлива наиболее эффективными производителями. Наша стратегия – быть среди самых эффективных производителей. Мы поддерживаем рыночные механизмы и устанавливаем показатели эффективности в соответствии с этой стратегией и нашим видением Парижского соглашения» [27].

«КонокоФилипс», первая американская нефтегазовая компания, которая поставила задачу выйти на углеродную нейтральность по выбросам от операционной деятельности 1 и 2 охвата к 2050 г., считает, что управление климатическими рисками и возможностями жизненно важно для долгосрочной ценности бизнеса. «КонокоФилипс» поддерживает инициативу Всемирного банка устранить сжигание попутного газа к 2030 г., но стремится достичь этой цели на 5 лет раньше, к 2025 г. Мейджор выступает за введение в США углеродного налога для регулирования конечного потребления энергоресурсов (охват 3) и включение показателя экологического, социального и корпоративного управления в программы компенсаций руководителей компаний и сотрудников. Среднесрочная цель снижения интенсивности выбросов парниковых газов – 35–45% к 2030 г. относительно 1 января 2017 г. Краткосрочная цель снижения выбросов метана установлена на уровне 10% к 2025 г., что соответствует 2,7 кг метана на баррель нефтяного эквивалента. Это поддержит значительный прогресс, который был достигнут за последние 10 лет – снижение составило около 65% с 2015 года.

«КонокоФилипс» старается выполнять цели Парижского соглашения, при этом соблюдая интересы акционеров, экономически целесообразным способом. Задача – поддерживать упорядоченный энергопереход, который балансирует спрос и предложение, и делает акцент на прибыли, при этом безопасно и ответственно поставляя доступную энергию. Цель – управлять климатическим риском, оптимизировать возможности и подготовить компанию для реагирования на изменяющиеся предпочтения инвесторов, технологии для сокращения выбросов и возобновляемых источников, а также на такие факторы неопределённости, как правительственная политика. «КонокоФилипс» продолжит реализовывать наш тройной мандат – надёжно и ответственно удовлетворять спрос на энергию, обес-

печивать конкурентную доходность для акционеров и достигать целей по углеродной нейтральности. Это выражает нашу приверженность созданию долгосрочной ценности, при этом способствуя смягчению изменения климата и ускоряя вклад в энергопереход», – отмечал её президент Райян Лэнс [28]. Компания признаёт, что, хотя цена углерода в США повысит её издержки и снизит спрос на продукцию, она поддерживает хорошо продуманный режим ценообразования на выбросы углерода как наиболее эффективный и предсказуемый политический механизм, позволяющий сократить выбросы ПГ в национальном масштабе.

По мере разворачивания энергоперехода, «КонокоФилиппс» считает, что важно сохранять конкурентоспособность как по издержкам поставок, так и по интенсивности выбросов ПГ. Компания скорректировала портфель, чтобы концентрироваться на добыче с более низкими издержками, и продала часть месторождений природного газа и нефтяных песков, отличающихся высокой интенсивностью выбросов. В 2018–2021 гг. компания вложила 450 млн долл. в НИОКР, оборудование, продукцию и услуги, которые позволили сократить выбросы ею ПГ [29].

Наибольший интерес представляет политика декарбонизации «Оксидентал петролеум (Окси)». Её президент Вики Холлуб сформулировала весьма амбициозную и необычную цель для «Окси»: «Мы не собираемся быть только нефтяной компанией в ближайшие 10–20 лет. Мы планируем стать компанией по управлению углеродом» [30].

Начиная с 2020 года «Окси» должна выполнить следующие задачи:

- Достижение углеродной нейтральности прямых производственных выбросов (охваты 1 и 2) до 2040 г. с намерением достичь этой цели до 2035 года;
- Достижение углеродной нейтральности, включая использование продукции (охваты 1, 2 и 3), до 2050 года;
- Исключить выбросы углерода с помощью технологий улавливания и хранения углерода после 2050 года.

«Окси» стала первой нефтегазовой компанией США, которая поставила задачу достичь углеродной нейтральности по выбросам 1, 2 и 3 охвата, и одна из немногих нефтегазовых компаний, чьи цели по углеродной нейтральности соответствуют планке в 1,5° в рамках Парижского соглашения – и чей горизонт планирования не заканчивается 2050 годом. После 2050 г. она будет работать с углеродом за счёт глобального распространения улавливания и хранения углерода, технологии прямого улавливая воздуха (*Direct Air Capture, DAC*) и прочих новаторских решений.

У «Оксидентал» в управлении находятся крупнейшие в мире проекты по обращению с CO₂, позволяющие хранить в геологических формациях около 20 млн т CO₂ в год. Это позволяет одновременно повышать коэффициент извлечения нефти и обеспечивать надёжное захоронение CO₂. Текущие возможности компании позволяют компенсировать выбросы, эквивалентные выхлопам свыше 4 млн автомобилей. «Оксидентал» получила одобрение Агентства по охране окружающей среды на план операций по захоронению CO₂ в Хоббсе, Нью-Мексико и Денвер-Сити, Техас (Пермский бассейн). Эти планы мониторинга,

отчётности и верификации (MRV) проектов захоронения CO₂ для повышения нефтеотдачи стали первыми в США, одобренными Агентством.

Кроме того, у компании есть дочерняя фирма – «Окси лоу карбон венчес» (*Oxy Low Carbon Ventures, OLCV*), разрабатывающая технологии сокращения выбросов. Она сформировала проект «1ПоинтФайв» (*1PointFive*), чтобы коммерциализировать промышленные установки по прямому улавливанию воздуха. Эти установки засасывают воздух в систему, где он вступает в реакцию с раствором гидроксида калия; в результате из воздуха выделяется CO₂. Ожидается, что первая такая установка будет введена в эксплуатацию в 2024 году.

«Оксидентал петролеум» стала первой американской компанией, которая присоединилась к инициативе Всемирного банка по прекращению сжигания попутного газа к 2030 году. Цель – снизить выбросы и повысить использование ценного энергоресурса. Компания изучает разные возможности внести вклад в достижение углеродной нейтральности по всей цепочке создания стоимости. Для этого она исходит из концепции четырёх R, которая напоминает аналогичные подходы европейских мейджоров, а в чём-то (первая R) и опережает их.

Кардинально изменить (*Revolutionize*) управление углеродом, опираясь на 50-летнее лидерство в выделении, транспортировке, использовании и хранении CO₂, чтобы применять самые передовые технологии и продвигать сотрудничество между отраслью, правительством и НГО за счёт интегрированного подхода, который приносит пользу акционерам и всему миру. Эта концепция нашла своё отражение, например, в том, что в январе 2021 г. «Окси» поставила первую в мире партию углеродно-нейтральной сырой нефти (2 млн бар. из Пермского бассейна) индийской «Релаенс индастрис» (*Reliance Industries*).

Уменьшить (*Reduce*) выбросы по всем направлениям деятельности через продвигаемое сотрудниками новаторство и совершенство, а также передовые и эффективные по издержкам технологии.

Повторное использование и переработка (*Reuse and recycle*) CO₂ благодаря технологиям и партнёрствам, которые используют уловленный CO₂, чтобы усовершенствовать существующую продукцию и производить новую низкоуглеродную.

Удалять (*Remove*) существующий CO₂ из атмосферы в значительных объёмах для полезного использования и безопасного хранения, разрабатывая, тестируя и применяя новаторские технологии улавливания и рыночные механизмы в коммерческих масштабах.

Дочерняя компания «Окси», «ОксиКем» (*OxyChem*) – мировой лидер в разработке и использовании поливинил хлорида, который станет важнейшим компонентом при строительстве и эксплуатации установок по прямому улавливанию воздуха. Она также является одним из ведущих производителей гидроксида калия, ключевого химического вещества, используемого в процессе прямого улавливания воздуха для выделения CO₂.

Деятельность «Окси» по декарбонизации далеко выходит за рамки чисто нефтегазодобычи. Её инженеры-консультанты предлагают услуги по управлению углеродом, которые включают консультирование, инжиниринг, разработку

проекта и операционный менеджмент на всех стадиях проекта. «Эл-си-ви сервис тим» (*LCV Services Team*) обслуживает проект «Тундра» (*Project Tundra*), инициативу по строительству крупнейшего в мире предприятия по улавливанию углерода в Северной Дакоте. В последние годы «Окси» проводит политику декарбонизации по разным новаторским направлениям. Так, сданная в эксплуатацию в 2019 г. солнечная установка Голдсмит (*Goldsmith Solar Plant*) – «солнечное месторождение» на фотоэлементах мощностью 16 МВт, первая в Техасе коммерческая солнечная установка, которая снабжает электроэнергией нефтегазовые работы. Она напрямую питает операции по повышению нефтеотдачи в Голдсмит и снижает выбросы охвата 2 в регионе за счёт уменьшения потребностей в электроэнергии из сетей, что полностью соответствует целям «Окси» в рамках Нефтегазовой климатической инициативы – электрифицировать за счёт возобновляемых источников операционную деятельность.

Кроме того, в марте 2022 г. «Окси» заключила соглашение с «Эс-Кей трейдинг интернэйшнал» (*SK Trading International*) по первой углеродно-нейтральной нефти, созданной благодаря смешению нефти с экологичными веществами, генерированными за счёт поглощения атмосферного CO₂ в рамках крупномасштабного проекта прямого улавливания воздуха компании «1ПоинтФайв» и секвестрированного в резервуарах повышения нефтеотдачи «Окси» в Пермском бассейне. «Эс-Кей трейдинг интернэйшнал» будет преобразовывать углеродно-нейтральную нефть в углеродно-нейтральную продукцию [31].

А в июне 2022 г. «1ПоинтФайв», филиал «Окси лоу карбон венчес» и компания «Манулайф инвестмент менеджмент» (*Manulife Investment Management*) подписали контракт по аренде примерно 27 тыс. акров лесных угодий в Западной Луизиане. Это арендный договор – важный шаг в стратегическом видении компании «1ПоинтФайв» по созданию хабов улавливания и секвестрации углерода, часть из которых будут связаны с установками по прямому улавливанию воздуха [32].

Кроме того, в марте 2022 г. «Юнайтед эйрлайнс венчес» (*United Airlines Ventures*) и «Окси лоу карбон венчес» объявили о сотрудничестве с биотехнической фирмой – «Кимвита фэктори» (*Cemvita Factory*), с целью коммерциализации устойчивого авиационного топлива, которое будет разрабатываться с помощью революционного нового процесса, использующего CO₂ и синтетические микробы. Устойчивое авиационное топливо – альтернатива авиационному керосину, которое использует ненефтяное сырьё и обеспечивает более низкие выбросы ПГ. «Юнайтед» инвестировала больше в производство такого топлива, чем любая другая авиалиния [33].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, все ведущие нефтяные компании публично признают, что изменение климата – одна из важнейших угроз нашего времени, и что они должны вносить вклад в энергопереход, но европейцы и американцы сильно различаются по временным рамкам и темпам, с которыми они планируют перестраивать свою деятельность.

Европейские нефтяные компании готовы инвестировать в возобновляемые источники отчасти из-за жёсткого регулирования ЕС, политики финансовых институтов и социального давления со стороны потребителей. По контрасту американские нефтяные компании проявляют гораздо меньше желания диверсифицировать свои портфели активов. Они продолжают делать акцент на долгосрочном будущем нефти и газа, сохраняя верность профильному нефтегазовому бизнесу и стараться повысить эффективность операций, используя свои конкурентные преимущества, прежде всего технологическое превосходство.

Такой прагматический эволюционный подход определяется спецификой американской климатической политики, позицией финансовых институтов США и природно-географическими особенностями страны. При новой американской администрации, усилившей внимание к климатической повестке, можно ожидать превращения США и американских нефтяников в двигателей энергетического перехода.

Однако кардинальные изменения в мире после 24 февраля 2022 г., казалось бы, отодвинули на задний план климатическую повестку, предельно обострив внимание человечества к энергетической безопасности. Но на деле ситуация оказывается далеко не столь однозначной. По оценкам МЭА, в ближайшей перспективе, с одной стороны, ожидается рекордный прирост мощности возобновляемых источников, поскольку на фоне взлёта цен на ископаемое топливо повысится конкурентоспособность зелёной энергетики. С другой стороны, европейские импортёры, зависящие от российских углеводородов, должны срочно увеличивать инвестиции в производство традиционной энергии, в том числе даже угольной генерации и атомной энергетики. Но при этом колоссальные доходы, получаемые нефтегазовыми компаниями за счёт высоких цен на нефть, могут содействовать росту их вложений в чистую энергетику [33]. В данном случае совпадут стратегические цели энергетической безопасности и климатической политики.

По какому пути в дальнейшем пойдут американские нефтяные компании с учётом событий на Украине? Более активного развития традиционного нефтегазового бизнеса и увеличения добычи или усиления внимания к чистой энергетике, которая менее подвержена геополитическим влияниям, поскольку не поступает из политически непредсказуемых регионов? Время покажет, хотя, очевидно, принятие закона «О снижении инфляции» пока говорит в пользу второго варианта или эффективной комбинации двух опций. 16 августа 2022 г. Дж. Байден подписал закон «О снижении инфляции» (*Inflation Reduction Act, IRA*), куда входит и климат, и инфляция.

ИСТОЧНИКИ

1. Глобальный договор ООН. Global Compact Network Russia. Available at: <http://globalcompact.ru/about/sdgs/> (accessed 17.07.2022).

2. The future is now: How oil and gas companies can decarbonize. (2020) McKinsey & Company. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-future-is-now-how-oil-and-gas-companies-can-decarbonize> (accessed 17.07.2022).

3. Oil and gas lobby moves to embrace green investors. (2020) Financial Times. Available at: [https://www.ft.com/content/bbfa4f16-a0fd-4c9d-864b-ccddd23c5af\"af1](https://www.ft.com/content/bbfa4f16-a0fd-4c9d-864b-ccddd23c5af\) (accessed 16.07.2022).
4. Big banks haven't quit fossil-fuel financing with \$4 trillion since Paris (2021), Bloomberg. Available at: <https://www.pionline.com/esg/big-banks-havent-quit-fossil-fuel-financing-4-trillion-paris> (accessed 16.07.2022).
5. Oil companies must step up in energy transition or fail financially: US deputy energy secretary (2021), SPB Global. Available at: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/120621-oil-companies-must-step-up-in-energy-transition-or-fail-financially-us-deputy-energy-secretary>. (accessed 20.07.2022).
6. The big choices for oil and gas in navigating the energy transition (2021), McKinsey. Available at: <https://www.mckinsey.com/industries/oil-and-gas/our-insights/the-big-choices-for-oil-and-gas-in-navigating-the-energy-transition>. (accessed 20.07.2022).
7. Data reveals where Big Oil is building renewables businesses (2021), Energy Monitor. Available at: <https://www.energymonitor.ai/finance/corporate-strategy/data-reveals-where-big-oil-is-building-renewables-businesses> (accessed 22.07.2022).
8. Oil, gas, and the energy transition. How the oil and gas industry can prepare for a lower-carbon future. (2022), Deloitte. Available at: <https://www2.deloitte.com/no/no/pages/energy-and-resources/articles/oil-gas-and-the-energy-transition.html> (accessed 23.07.2022).
9. Donald Trump says 'nobody really knows' if climate change is real, (2016), Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/americas/donald-trump-climate-change-scepticism-may-withdraw-paris-agreement-a7469221.html> (accessed 10.06.2022).
10. Climate and Tax Bill Scales Crucial Senate Hurdle, Paving Path to Passage (2022), New York Times. Available at: <https://www.nytimes.com/2022/08/06/us/politics/climate-tax-bill-senate.html> (accessed 15.08.2022).
11. Senate Democrats begin vote on landmark \$430bn climate bill (2022), The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/us-news/2022/aug/06/senate-democrats-climate-tax-health-spending-bill> (accessed 15.08.2022).
12. ExxonMobil continuing to fund climate skeptic groups, record shows (2009), The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/environment/2009/jul/01/exxon-mobil-climate-change-sceptics-funding> (accessed 11.06.2022).
13. How ExxonMobil went from leader to skeptic on climate change research (2015), L.A. Times. Available at: <https://graphics.latimes.com/exxon-research/>. (accessed 11.06.2022).

14. Exxon knew about climate change almost 40 years ago (2015), Scientific American. Available at: <https://www.scientificamerican.com/article/exxon-knew-about-climate-change-almost-40-years-ago/> (accessed 11.06.2022).

15. Methane emissions reduction and enabling technologies, ExxonMobil. Available at: <https://corporate.exxonmobil.com/Climate-solutions/Methane>. (accessed 30.07.2022).

16. Exxon was the world's largest company in 2013. Now it's being kicked out of the Dow (2020). CNN. Available at: <https://edition.cnn.com/2020/08/25/investing/exxon-stock-dow-oil/index.html> (accessed 11.06.2022).

17. ExxonMobil announces ambition for net zero greenhouse gas emissions by 2050 (2022), ExxonMobil. Available at: https://corporate.exxonmobil.com/News/Newsroom/News-releases/2022/0118_ExxonMobil-announces-ambition-for-net-zero-greenhouse-gas-emissions-by-2050 (accessed 30.07.2022).

18. Advancing climate solutions, ExxonMobil. Available at <https://corporate.exxonmobil.com/Climate-solutions/Advancing-climate-solutions>. (accessed 30.07.2022).

19. Advanced biofuels, ExxonMobil. Available at <https://corporate.exxonmobil.com/Climate-solutions/Advanced-biofuels>. (accessed 30.07.2022).

20. Carbon capture and storage, ExxonMobil. Available at <https://corporate.exxonmobil.com/Climate-solutions/Carbon-capture-and-storage>. (accessed 30.07.2022).

21. Outlook for energy (2022), ExxonMobil. Available at <https://corporate.exxonmobil.com/Energy-and-innovation/Outlook-for-Energy>. (accessed 30.07.2022).

22. Advancing Climate Solutions - 2022 Progress Report (2022), ExxonMobil. Available at: <https://corporate.exxonmobil.com/-/media/Global/Files/Advancing-Climate-Solutions-Progress-Report/2022/Executive-Summary.pdf?la=en&hash=1370B1A0872CB91D8EBF87E9361A91F834D5226E> (accessed 30.07.2022).

23. Chevron sets net zero aspiration and new GHG intensity target (2021), Chevron. Available at: <https://www.chevron.com/newsroom/2021/Q4/chevron-sets-net-zero-aspiration-and-new-GHG-intensity-target> (accessed 01.08.2022).

24. Lower carbon intensity of our operations, Chevron. Available at: <https://www.chevron.com/sustainability/environment/lowering-carbon-intensity> (accessed 01.08.2022).

25. Chevron launches carbon capture and storage project in san joaquin valley (2022), Chevron. Available at: <https://www.chevron.com/newsroom/2022/q2/chevron-launches-carbon-capture-and-storage-project-in-san-joaquin-valle> (accessed 01.08.2022).

26. Chevron new energies. Accelerating lower carbon solutions, Chevron. Available at: <https://www.chevron.com/sustainability/environment/growing-lower-carbon-businesses> (accessed 01.08.2022).
27. Climate change resilience report 2021 (2021), Chevron. Available at: <https://www.chevron.com/-/media/chevron/sustainability/documents/2021-climate-change-resilience-report.pdf> (accessed 01.08.2022).
28. Risk response — climate change action plan, ConocoPhillips. Available at: <https://www.conocophillips.com/sustainability/managing-climate-related-risks/strategy/climate-change-action-plan/> (accessed 02.08.2022).
29. Addressing climate-related risks with strategic planning, ConocoPhillips. Available at: <https://www.conocophillips.com/sustainability/managing-climate-related-risks/strategy/impact-on-business-strategy/> (accessed 02.08.2022).
30. Oxy climate report 2021 (2021), Occidental Petroleum. Available at: <https://www.oxy.com/globalassets/documents/publications/oxy-climate-report-2021.pdf> (accessed 02.08.2022).
31. 1PointFive and Manulife Investment Management announce lease agreement for a carbon capture and sequestration project in Louisiana (2022), Occidental Petroleum. Available at: <https://www.oxy.com/news/news-releases/1pointfive-and-manulife-investment-management-announce-lease-agreement-for-a-carbon-capture-and-sequestration-project-in-louisiana/> (accessed 02.08.2022).
32. Turning Carbon Dioxide into Sustainable Fuel: United and Oxy Low Carbon Ventures Announce Collaboration with Biotech Firm to Create New Fuel Sources (2022), Occidental Petroleum. Available at: <https://www.oxy.com/news/news-releases/turning-carbon-dioxide-into-sustainable-fuel-united-and-oxy-low-carbon-ventures-announce-collaboration-with-biotech-firm-to-create-new-fuel-sources/> (accessed 02.08.2022).
33. International Energy Agency: World Energy Outlook 2022. Available at: <https://www.iea.org/reports/world-energy-outlook-2022> (accessed 27.10.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Декарбонизация в нефтегазовой отрасли: международный опыт и приоритеты России / Под ред. Митровой Т. и Гайда И. Энергетический центр Сколково, март 2021.

Иванов Н.А. Энергопереход в условиях пандемии COVID-19 [Электронный ресурс]: монография / Н.А. Иванов. – М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина, 2021. – 182 с.

Пусенкова Н. Политика декарбонизации европейских и американских нефтяных компаний. *Общество и экономика*, 2021, № 5.

REFERENCES

Decarbonization in the oil and gas sector: international experience and Russia's priorities. Ed. By Mitrova T. and Gaida I. Skolkovo Energy Center, March 2021.

Financing Oil and Gas through the Energy Transition. *Journal of International Banking Law and Regulation*. (2021) 36 J.I.B.L.R., Issue 7

Ivanov N.A. Energy transition during COVID-2019 pandemic. Moscow, Gubkin Oil and Gas Academy, 2021, 182 p.

Poussenkova N. Decarbonization policy of European and American majors. Society and Economy, # 5, 2021.

Sikandar Abdul Qadir et al., Incentives and strategies for financing the renewable energy transition: A review. Energy Reports, Volume 7, November 2021.

Vaclav Smil, Energy Transitions: Global and National Perspectives, Praeger, Second edition, 2016.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ИВАНОВ Николай Александрович, Nikolai A. IVANOV, Cand. Sci. (Economics), кандидат экономических наук, директор проекта ФГБУ РЭА Минэнерго России. REA of the Ministry of Energy of Russia.

129085, Москва, проспект Мира, д. 105, стр.1; 129085, Russian Federation;

доцент кафедры международного нефтегазового бизнеса РГУ нефти и газа имени И.М. Губкина. Associate Professor of the Department of International Oil and Gas Business of the Russian State University of Oil and Gas named after I.M. Gubkin.

119991, Москва, Ленинский проспект, дом 65, корпус 1 119261, Russian Federation

ПУСЕНКОВА Нина Николаевна, Nina N. POUSENKOVA, Cand. Sci. (Economics), кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова; Senior Researcher, IMEMO RAS named after E.M. Primakov;

117997, Москва, Профсоюзная ул., д. 23; 117997, Russian Federation;

эксперт программы ЭНЕРПО Европейского университета в Санкт-Петербурге. Expert of the ENERPO program of the European University at St. Petersburg.

1191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., д. 6/1, А. 1191187, St. Petersburg, Gagarinskaya st., 6/1, A.

Статья поступила в редакцию / Received 05.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 30.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 02.11.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023010042

EDN: GZKKLH

Дипломатия Барака Обамы и сирийский мирный процесс

Ал. В. Юрк

Санкт-Петербургский государственный университет.

Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 8-й подъезд

РИНЦ ID: 1117461

ORCID: 0000-0002-3485-8588

e-mail: alexey.yurk@mail.ru

Резюме: Статья посвящена дипломатической активности первой и второй администраций Барака Обамы по урегулированию гражданской войны в Сирии. Рассмотрены изменения в отношении Соединённых Штатов к правительству Башара Асада, а также форсированные попытки смены власти в стране по ливийскому образцу как через Совет Безопасности ООН, так и посредством деятельности международной группы «Друзья Сирии». В работе проанализировано участие США в Женевском мирном процессе по Сирии, их роль в этом процессе, а также значение, которое в Вашингтоне придавали мирным переговорам. Кроме того, уделяется внимание и российско-американским договорённостям о прекращении огня, достигнутым в 2016 г. Делаются выводы о степени ответственности дипломатии Б. Обамы за фактический крах Женевского процесса.

Ключевые слова: ближневосточная политика США, сирийский конфликт, Барак Обама, группа «Друзья Сирии», Женевский мирный процесс по Сирии

Для цитирования: Юрк А.В. Дипломатия Барака Обамы и сирийский мирный процесс. *США & Канада: экономика, политика, культура.* 2023; 53 (1): 59–74.

DOI: 10.31857/S2686673023010042

EDN: GZKKLH

Barack Obama's Diplomacy and the Syrian Peace Process

Alexey V. Yurk

St. Petersburg State University.

St Petersburg, Smolnogo st., 1/3, 8th entrance

РИНЦ ID: 1117461

ORCID: 0000-0002-3485-8588

E-mail: alexey.yurk@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the diplomatic activity of the first and second administrations of Barack Obama to resolve the Syrian civil war. Changes in the attitude of the United States towards the government of Bashar al-Assad, as well as forced attempts to change power in the country according to the Libyan model, both through the UN Security Council and through the Friends of Syria Group, are considered. The study analyzes the participation of the United States in the Geneva peace process on Syria, their role in this process, as well as the importance attached to the peace talks by the White House. In addition, attention is paid to the Russian-American ceasefire agreements reached in 2016. Conclusions are drawn about the degree of responsibility of Barack Obama's diplomacy for the actual collapse of the Geneva peace process.

Keywords: the U.S. Middle East policy, Syrian conflict, Barack Obama, Friends of Syria, Geneva peace talks on Syria

For citation: Alexey V. Yurk. Barack Obama's diplomacy and the Syrian peace process. USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2023; 53 (1): 59-74.

DOI: 10.31857/S2686673023010042 EDN: GZKKLH

ВВЕДЕНИЕ

Гражданская война в Сирии, за время своего существования трансформировавшаяся в сложный многоуровневый и интернационализированный конфликт, неоднократно меняла своё значение для внешней политики США. Во время «арабской весны» оттеснённая на второй план событиями в Египте и Ливии к 2013 г. Сирия превратилась в едва ли не один из главных ближневосточных приоритетов администрации Обамы. Бесконтрольное вооружение сирийской «умеренной оппозиции» в итоге привело к подъёму ИГИЛ (организация признана в РФ террористической), послужившему поводом для прямой интервенции США и их союзников в сирийский конфликт, при последующих американских администрациях ставший ареной для прокси-войны с Россией и Ираном на территории Сирии [Lantis S. 2020].

Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, посвящённых войне в Сирии, прослеживается тенденция концентрировать внимание непосредственно на военной конфликта – его геополитическом значении, ходе боевых действий, влиянии внешних акторов. На второй план оттесняются дипломатическая борьба вокруг сирийского мирного процесса, различные форматы многосторонних переговоров, обеспечение режимов прекращения огня. Возможно, причиной этому является тот простой факт, что сирийский мирный процесс так и не привёл к установлению прочного мира. Однако тем важнее изучить его, чтобы понять, в какой момент переговоры свернули не туда, чтобы в будущем не допускать подобных ошибок.

Не является исключением и американская «сторона медали». Множество аналитики, статей и монографий посвящены силовому фактору американского участия в сирийском конфликте, в то время как его дипломатический аспект во многом остаётся неосвещённым. Данная статья призвана заполнить некоторые из существующих пробелов и рассмотреть действия американской дипломатии по Сирии во время президентства Барака Обамы, когда сирийский мирный процесс был на подъёме.

ПЕРВАЯ РЕАКЦИЯ: ЗАПОЗДАЛЫЙ ОТВЕТ

Разбираться с кризисом «арабской весны» и её последствиями выпало на долю президента США Барака Обамы и его первой администрации, из числа членов которой наибольший интерес в данном контексте представляет госсекретарь Хиллари Клинтон, пользовавшаяся значительным влиянием на формирование и осуществление внешнеполитического курса страны [1]. Однако даже вдвоём пре-

зидент и госсекретарь, согласно большинству оценок, не смогли грамотно отреагировать на события на Ближнем Востоке зимой-весной 2011 г. [Springborg L. 2012.] Так, наибольшее внимание США уделили событиям, происходившим в Ливии, причём не в последнюю очередь по воле своих европейских союзников [Davidson J.W. 2013], и в Египте, одном из ключевых союзников США в регионе.

Важно отметить, что даже в отношении тех арабских стран, на которых было сосредоточено всё внимание США, политика Вашингтона была крайне противоречивой. Особенно ярко это проявилось в случае с Египтом, когда Белый дом был вынужден безостановочно лавировать между различными политическими силами, борющимися за власть в Каире, лишь бы удержать страну в орбите своего влияния, и от того постоянно менял свою позицию [Шумилин А.И. 2013].

Первая реакция Вашингтона на события в Сирии тоже была довольно невнятной. Ещё в конце января 2011 г. Башар Асад спокойно давал интервью американским газетам, где убеждал, что Сирия стабильна [2]. Только в середине марта Госдепартамент впервые обратился к Дамаску с призывом «воздержаться от насилия в отношении мирных демонстрантов» [3]. В то же время, несколько дней спустя Хиллари Клинтон назвала Башара Асада «реформатором» и «не таким, как его отец». Как итог, госсекретарю пришлось оправдываться тем, что она лишь цитировала мнения различных конгрессменов, посещавших Сирию, а не выражала точку зрения администрации [4]. Тем интереснее мнение Денниса Росса, бывшего в 2011 г. специальным помощником президента в Совете национальной безопасности США и старшим директором по Центральному региону, который свидетельствует о том, что Клинтон занимала куда более «ястребиную» позицию по Сирии, чем Обама [5].

«Точка зрения администрации» тем временем запаздывала: президент Обама впервые открыто и полно высказался по Сирии лишь в начале апреля 2011 г. В своём заявлении он осудил «отвратительное насилие против мирных протестующих», но пока лишь призвал Асада «прислушаться к голосам сирийского народа, призывающего к значимым политическим и экономическим реформам» [6].

БОРЬБА РЕЗОЛЮЦИЙ В СБ ООН (2011-2012 гг.)

С нарастанием накала внутривосточной борьбы в Сирии ужесточались как риторика, так и конкретные дипломатические действия США. В августе 2011 г. Обама впервые заявил о том, что «ради блага сирийского народа настало время для президента Асада уйти» [7], в октябре из Дамаска был отозван американский посол. Тогда же была предпринята первая попытка провести в Совете Безопасности ООН антисирийскую резолюцию, призванную задействовать Статью 41 Главы VII Устава ООН, что впоследствии могло быть использовано для интервенции в страну по «ливийскому сценарию» [Ходынская-Голенищева М.С. 2017: 162-163]. В то же время важно отметить, что США не выступали в качестве коспонсора этой резолюции, что является ещё одним показателем нежелания Вашингтона на тот момент серьёзно ввязываться в сирийские дела.

В конце 2011 г. Лига арабских государств (ЛАГ) предложила первый конкретный план мирного урегулирования в Сирии. В Вашингтоне ухватились за эту идею, что не должно вызывать удивления, поскольку в ЛАГ на тот момент доминировали Саудовская Аравия и Катар – ближайшие союзники США в регионе [8]. В частности, США впервые выступили коспонсором проекта резолюции СБ ООН в поддержку проекта ЛАГ. Однако, как впоследствии неоднократно будут отмечать российские и китайские представители, этот и другие подобные проекты прозападных резолюций были призваны оказать давление лишь на одну сторону конфликта – на правительство Сирии. От оппозиционных группировок взамен не требовалось практически ничего. Важно отметить тот факт, что связь многих оппозиционеров с исламскими экстремистами также не находила отражения в текстах резолюций [9].

Было бы неправильным утверждать, что сотрудничество между двумя сторонами по Сирии на площадке ООН было в принципе невозможно. Так, в апреле 2012 г. им удалось договориться о принятии «плана из шести пунктов» специального представителя ООН по Сирии Кофи Аннана и о создании, согласно резолюции СБ ООН 2043, Миссии ООН по наблюдению в Сирии (МООНС/UNSMIS), призванной следить «за прекращением вооружённого насилия во всех его формах всеми сторонами» [10]. Однако уже в июле страны Запада, включая США, предприняли попытку «развить успех» и провести резолюцию, де-факто обвиняющую исключительно правительство САР в нарушении перемирия и угрожающую принять меры в соответствии со Статьей 41 [11]. Россия и Китай были вынуждены наложить вето на данный проект. Как итог, перемирие было сорвано, а МООНС прекратила работу в августе 2012 года.

ГРУППА «ДРУЗЬЯ СИРИИ»

Перед США и их западными и ближневосточными союзниками, таким образом, возникла необходимость действовать в обход российско-китайского вето в СБ ООН. Блокирование Москвой и Пекином принятия резолюции в поддержку мирного проекта ЛАГ в феврале 2012 г. подтолкнуло Соединённые к созданию неформальной контактной группы по Сирии.

О создании такого объединения буквально на следующий день после ветоирования упомянутой резолюции объявил тогдашний президент Франции Николя Саркози. Несмотря на это, по словам старшего помощника госсекретаря по Сирии Фредерика Хофа, лично участвовавшего в описываемых событиях, именно усилия США были ключевыми в её организации. Ему вторит и исследователь Арон Лунд, считающий, что Соединённые Штаты взяли на себя основную часть сложной дипломатической работы по привлечению стран, ставших ядром группы «Друзей Сирии» [12].

Первая встреча «друзей» прошла уже 24 февраля 2012 г. в Тунисе – стране-зачинателе «арабской весны», на тот момент, казалось, действительно вставшей на путь демократических преобразований [Видясова М.Ф. 2012]. Итоги инаугурационной встречи объединения оказались довольно умеренными. Несмотря на

то что региональные стейкхолдеры, такие как Саудовская Аравия и Катар, настаивали на необходимости военной интервенции, западные державы настойчиво относились к данной идее ввиду уже начавшегося роста влияния в рядах сирийской оппозиции исламистских элементов и потому больше склонялись к дипломатическому решению конфликта [13].

Позицию США относительно деятельности и перспектив «Друзей Сирии» в тот же день выразила госсекретарь США Хиллари Клинтон. Помимо общих слов об усилении изоляции правительства Асада и увеличении потока гуманитарной помощи, Клинтон сделала и важное политическое заявление, назвав базирующийся в Турции Сирийский национальный совет «ведущим легитимным представителем сирийцев, стремящихся к мирным демократическим переменам» и «эффективным представителем сирийского народа в правительствах и международных организациях» [14]. Таким образом, был сделан ещё один шаг к фактическому отказу Вашингтона от дипломатического признания правительства в Дамаске как официального представителя сирийского народа.

В дальнейшем группа «Друзей Сирии» провела ещё три встречи в течение 2012 г. – в Стамбуле (апрель), Париже (июль) и Марракеше (декабрь). Важно отметить, что с каждой последующей встречей позиция и группы, и Соединённых Штатов по Сирии всё ужесточалась. В результате стамбульской встречи было принято решение создать рабочую группу по санкциям против Дамаска, а в итоговом документе, принятом после парижского саммита, было чётко прописано, что президент Асад должен отказаться от власти.

Наиболее серьёзный дипломатический шаг был сделан на конференции в Марокко 12 декабря 2012 г. За день до этого президент Барак Обама признал созданную в ноябре того же года Национальную коалицию сирийских революционных и оппозиционных сил (НКСРОС) в качестве «законного представителя сирийского народа» [15]. В Марракеше же под этим признанием подписались представители более 100 стран.

К оценке данного события можно подойти с разных позиций. С одной стороны, подобное признание стало большим дипломатическим достижением группы «Друзей Сирии» и, в частности, Соединённых Штатов. С другой же стороны, подобное признание серьёзно снижает вероятность политического урегулирования конфликта, поскольку оппозиционная группа, признанная влиятельными внешними силами легитимным представителем своего народа, практически лишается стимулов к переговорам с действующим правительством [Talmon S. 2013: 251]. То же самое можно сказать и об обратном – действующее правительство страны не видит смысла идти на какие-либо переговоры с оппозицией и стоящими за ней внешними игроками, так как ощущает себя «прижатым к стенке».

СТАРТ ЖЕНЕВСКОГО МИРНОГО ПРОЦЕССА ПО СИРИИ: «ЖЕНЕВА-1» И «ЖЕНЕВА-2»

Несмотря на неблагоприятный дипломатический фон вокруг конфликта, к лету 2012 г. международному сообществу всё же удалось начать многосторонний диа-

лог по Сирии. Местом запуска этого диалога стала Женева, где 30 июня 2012 г. прошла первая международная конференция (ныне часто называемая «Женева-1»), призванная выработать план разрешения конфликта. В ней приняли участие главы МИД пяти постоянных членов СБ ООН, Турции, Ирака, Кувейта и Катара, а также представители ЕС, ЛАГ и генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. Её результатом стало формирование «Группы действий» по Сирии для продолжения совместных консультаций, а также принятие Женевского коммюнике – плана международного сопровождения усилий сирийцев по выходу из кризиса [16].

Важным отличием Женевского коммюнике от западного варианта разрешения сирийского конфликта была прописанная возможность формирования будущего переходного правительства не только из оппозиционных активистов, но и из членов действующего правительства в Дамаске. Однако, как свидетельствует непосредственный участник переговоров по Сирии в Женеве М.С. Ходынская-Голенищева, в Вашингтоне рассматривали и сами переговоры, и Женевское коммюнике в качестве ещё одного инструмента для смещения правительства Асада. Американские дипломаты крайне избирательно подходили к цитированию итогового документа «Женевы-1», вольно интерпретируя его в поддержку позиции США [Ходынская-Голенищева М.С. 2017: 153].

Например, в тот же день, когда было принято Женевское коммюнике, госсекретарь США Хиллари Клинтон дала интервью американскому национальному общественному радио (*National Public Radio*). В нём она заявила, что в новое правительство Сирии не будут допущены люди, «чьи руки запятнаны кровью» [17]. Бесспорное по сути своей утверждение в контексте общего американского дискурса по Сирии негласно дополняло Женевское коммюнике недостающим, по мнению Вашингтона, пунктом о необходимости отстранения сирийского лидера от власти.

В начале 2013 г. президент Асад сам выступил со своим планом мирного урегулирования. Формально, он ничем не отличался от плана, предложенного полгода назад в Женеве, за одним важным исключением – он предполагал прекращение поддержки террористических формирований со стороны иностранных государств [18]. Очевидно, что в этом требовании заключался неприкрытый укол в сторону Соединённых Штатов за их поддержку сирийской «умеренной оппозиции». В ответ на этот шаг, официальный представитель Госдепартамента США Виктория Нуланд назвала план Асада «ещё одной попыткой режима удержать власть» и «оторванным от реальности» [19].

Таким образом, несмотря на видимый успех, принятие Женевского коммюнике не привело к автоматическому началу его реализации. Переходное сирийское правительство не было создано ввиду обострения вооружённого противостояния и фактического срыва мирного «плана из шести пунктов». В результате спецпредставитель ООН по Сирии Кофи Аннан ушёл в отставку. Его место занял Лахдар Брахими, который 30 января 2013 г. предложил пересмотреть Женевское коммюнике, поскольку его условия в текущей обстановке были невыполнимыми.

Новая конференция по Сирии начала готовиться практически сразу же после прихода Брахими, в августе 2012 г., при активном участии Соединённых

Штатов и России. Однако этот процесс растянулся почти на полтора года, на что было сразу несколько причин. Во-первых, это противоречивые позиции постоянных членов СБ ООН, главным образом Москвы и Вашингтона. В то время как первая, хоть и принимая главным образом сторону Дамаска, пыталась вести диалог с умеренной оппозицией, второй упорно повторял мантру «Асад должен уйти» [Ходынская-Голенищева М.С. 2013]. Всё это явно не способствовало миротворческой миссии конференции.

Второй фактор, серьёзно повлиявший на затягивание созыва «Женева-2» – инцидент с химической атакой в Гуте, который произошёл в августе 2013 г. и на некоторое время резко повысил шансы на военную интервенцию Соединённых Штатов в сирийский конфликт. Так, из-за предполагаемой химатаки американской стороной было отложена «пред-женевская» подготовительная встреча с российской делегацией в Гааге. В ответ на это, заместитель министра иностранных дел России Г.М. Гатиллов выразил сожаление, отметив, что «выработка политических параметров урегулирования в Сирии была бы исключительно полезна сейчас, когда над этой страной нависла угроза [применения военной. – А.Ю.] силы» [20]. С другой стороны, вероятно, что именно невозможность разрешения конфликта в Сирии по ливийскому сценарию, выявленная в ходе решения проблемы с химоружием, подтолкнула США к более широкому и активному использованию дипломатических инструментов, в том числе и Женевских переговоров.

Наконец, третий фактор, тесно связанный с первым – раскол в рядах сирийской оппозиции. Раскол оппозиционного движения на более-менее умеренные, светские силы и религиозных экстремистов серьёзно осложнил процесс определения того, кого можно считать приемлемой кандидатурой для представления интересов сирийского народа в Женеве, а кого нет. Кроме того, многие действующие лица сирийского конфликта и вовсе не были приглашены на конференцию: например, сирийские курды или Иран, приглашение которому было отозвано ООН по настоянию Соединённых Штатов и прозападной сирийской оппозиции [21].

В итоге «Женева-2» стартовала в Монтрё лишь 22 января 2014 г. Соединённые Штаты на конференции представлял уже новый госсекретарь Джон Керри. В своём заявлении он обрушился с критикой на правительство Асада, обвинив президента Сирии в развязывании конфликта против «мирных демонстрантов» и жестоком ведении боевых действий. На этом основании глава американской дипломатии сделал вывод о том, что «Башара Асада не будет в переходном правительстве», так как «невозможно представить», как «человек, так жестоко обращающийся со своим народом, сможет вернуть свою легитимность» [22].

На это не мог не отреагировать сирийский коллега господина Керри Валид Муаллем, который отметил, что у некоторых государств, участвовавших в переговорах, «сирийская кровь на руках», явно намекая в том числе на США, а также заявил, что «никто в мире не имеет права присваивать или лишать легитимности президента, конституцию или закон, кроме самих сирийцев» [23]. Кроме того, несколько позже глава сирийского МИД отказался вести какие-либо переговоры с США, пока госсекретарь не извинится за свои слова о президенте Асаде [24].

В подобных условиях неудивительно, что вторая конференция едва ли имела больше положительных последствий, чем первая. По большому счёту, как отметил научный сотрудник Института востоковедения РАН Борис Долгов, «единственным результатом [«Женева-2»], вероятно, можно считать сам факт проведения международной конференции, собравшей более 30 участников, включая глав МИД РФ и Госдепа США, которые подтвердили, что решение сирийского кризиса может быть только политическим» [25]. Правительственной и оппозиционной делегациям так и не удалось пойти на компромисс ни по одному существенному вопросу. Стороны смогли лишь договориться о поставках в осаждённый город Хомс гуманитарной помощи и эвакуации оттуда мирных жителей, но это было явно недостаточным результатом для мероприятия такого уровня.

Не последнюю роль в провале конференции сыграли и позиции, занятые внешними акторами, включая и США. Несмотря на то что обе сирийские стороны явно тянули время и выдвигали заведомо неприемлемые друг для друга условия, заводя переговоры в тупик, в Вашингтоне продолжали односторонне трактовать ход переговоров. Так, по итогам второго раунда переговоров, завершившегося 14 февраля 2014 г., госсекретарь Керри обвинил именно действующее правительство Сирии в срыве «Женева-2», в то время как оппозиция якобы «продемонстрировала желание договариваться» [26].

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЖЕНЕВСКОГО ПРОЦЕССА НА ФОНЕ БОРЬБЫ С ИГИЛ: ВРЕМЯ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ?

Уже вскоре после фактического провала «Женева-2» генсек ООН Пан Ги Мун выступил с идеей созыва третьей международной конференции по Сирии. Однако весной 2014 года международному сообществу пришлось постепенно начать отвлекаться от внутрисирийского противостояния. Внимание большинства стран, и не в последнюю очередь Соединённых Штатов, переключилось на борьбу с «Исламским государством Ирака и Леванта» (ИГИЛ, организация признана в РФ террористической), на тот момент воспринимавшимся миром как экзистенциальная угроза [Mueller J, Stewart M.G. 2016].

На борьбу с ИГИЛ должны были переключиться и прозападные оппозиционные группировки в Сирии. Подобный манёвр в контексте сирийского мирного урегулирования, пока откладывавшегося «до лучших времён», рассматривалась в Вашингтоне как способ усилить их позиции «на земле» и в будущем переустройстве страны. Ориентация администрации Обамы на данный подход отчётливо просматривается в заявлении президента от 10 сентября 2014 г. В нём Обама высказался о президенте Асаде достаточно критически, заявив, что он «терроризирует своих собственных людей» и «никогда не вернёт себе легитимность, которую он утратил», так что на него в этой борьбе «полагаться нельзя». В то же время он отметил, что США «необходимо укреплять оппозицию как лучший противовес экстремистам, таким как ИГИЛ, одновременно добиваясь политического решения, необходимого для разрешения сирийского кризиса раз и навсегда» [27].

Кроме того, бороться с ИГИЛ Вашингтон собирался в первую очередь в Ираке, а не в Сирии. В самой администрации стратегию Обамы называли *Iraq-first* («Ирак в первую очередь») [Самуйлов С.М., Панюжева М.М. 2016: 7], что довольно ясно говорит о тогдашних приоритетах американского руководства. В интересах США было, чтобы ИГИЛ и правительство Асада как можно дольше изматывали друг друга в боях, в то время как прозападные сирийские группировки будут получать американскую помощь и в конечном счёте возьмут верх в этой междоусобной борьбе. Ирак же надо было спасать в первую очередь, так как он постепенно подпадал под иранское влияние, и США нужно было брать борьбу с исламскими экстремистами в этой стране в свои руки. Таким образом, в этих условиях мирный процесс по Сирии отходил для Обамы на второй, а то и на третий план.

Однако ситуацию серьёзно изменилась, когда 30 сентября 2015 г. Россия начала свою военную операцию в Сирии, тем самым вернув себе позиции ключевого игрока в сирийском конфликте. Результатом этого стали Венские переговоры по Сирии, начавшиеся 23 октября 2015 г. с предварительной встречи глав внешнеполитических ведомств США, РФ, Саудовской Аравии и Турции. Затем до 30 октября к ним присоединились ещё более десятка стран – Ирак, Иран, Египет, Иордания, ОАЭ, Катар, Ливан, Оман, Великобритания, Франция, Китай, Германия и Италия, а также представители ООН, ЕС и ЛАГ. Все вместе они составили Международную группу поддержки Сирии (МГПС), сопредседателями которой стали Россия и США.

Венские переговоры в контексте изменения американской позиции относительно сирийского конфликта стали прорывом сразу по двум направлениям. Во-первых, Соединённые Штаты дали добро на привлечение к переговорам по Сирии Ирана. Во многом это было связано с недавним заключением иранской «ядерной сделки», после успеха которой США решили прощупать возможность дальнейшего расширения сотрудничества с исламской республикой. Кроме того, в Вашингтоне наконец начали осознавать, что единственная надежда на отстранение президента Асада от власти – это найти политическое решение конфликта вместе с двумя его спонсорами, Москвой и Тегераном [28].

Во-вторых, что касается Асада, Джон Керри несколько смягчил свою риторику относительно сирийского лидера, сказав, что сейчас главное «войти в политический процесс», в ходе которого решится будущее Сирии [29]. Таким образом, США публично отказались от требования немедленного ухода Асада, при этом не отказываясь от своей позиции, что «ни при каких обстоятельствах президент Асад не сможет объединить Сирию и править ею» [30].

Итогом двух раундов переговоров стал новый план мирного урегулирования, представленный 14 ноября. В нём стороны выразили поддержку политического решения сирийского кризиса, свою приверженность победе над ИГИЛ и прочими террористическими группировками, а также решили вновь начать межсирийские переговоры в Женеве 1 января 2016 г. [31]. Данное решение затем в общих чертах было закреплено юридически резолюцией СБ ООН 2254 от 18 декабря 2015 г., до сих пор выступающей в качестве краеугольного камня для сирийского мирного процесса.

В то же время за считанные дни до начала финального раунда Венских переговоров Соединённые Штаты выступили с односторонним предложением создать три рабочие группы – по координации оппозиции САР, по противодействию терроризму и по гуманитарным проблемам. Это вызвало недоумение и недовольство у российской стороны, поскольку, во-первых, Россию об этом в известность никто не поставил, а во-вторых, предложенный американцами формат фактически подменял собой «Инициативу четырёх комитетов», выдвинутую ещё в июле 2015 г. новым спецпосланником ООН по Сирии Стаффаном де Мистурой [32].

ОТ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА К ПРЕКРАЩЕНИЮ ОГНЯ: «ЖЕНЕВА-3» И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ДОГОВОРЁННОСТИ 2016 г.

Запланированная в Вене новая межсирийская конференция «Женева-3» началась с небольшим опозданием, 1 февраля 2016 г. В очередной раз переговоры потерпели неудачу. Ещё на стадии подготовки возникло множество разногласий, которые стороны так и не смогли урегулировать, главным образом – относительно состава участников переговоров. Кроме того, главный переговорщик от сирийской оппозиции Мухаммед Аллуш заявил, что госсекретарь США Джон Керри оказывал на него давление с тем, чтобы его делегация села за стол переговоров с делегацией правительства Асада [33]. Сам Джон Керри обвинил правительство Асада в продолжении бомбардировок гражданского населения [34]. В итоге уже 3 февраля под предлогом начала наступательной операции правительственной армии к северу от Алеппо переговоры были приостановлены.

Неудача первых шагов «Женевы-3», казалось, проложила дорогу для более узких, двусторонних договорённостей Москвы и Вашингтона. Уже 22 февраля главы внешнеполитических ведомств США и России выпустили совместное заявление, в котором заявили о введении в действие режима по прекращению огня с 27 февраля [35]. Несмотря на то что уже через два дня госсекретарь Керри заранее возложил вину за возможный срыв перемирия на Иран и Россию и заявил, что принятый в таком случае план «Б» будет «более конфронтационным» [36], 26 февраля СБ ООН единогласно принял резолюцию 2268, которая требовала от всех сторон конфликта соблюдать условия американо-российского соглашения [37].

Межсирийские переговоры в Женеве тем временем были продолжены. Однако единственным достижением в рамках «Женевы-3», стало обнародование Стаффаном де Мистурой 24 марта документа из 12 пунктов, которые не были отвергнуты сторонами конфликта. Примечательно, что о судьбе президента Сирии в этом документе ничего не говорилось. Глава Госдепартамента США в это время находился в Москве; там он заявил, что США совместно с Россией будут наращивать усилия для сохранения режима прекращения огня [38].

26 июля, на фоне событий в осаждённом Алеппо, в Женеве состоялась очередная встреча, на сей раз – в формате США – Россия – ООН. Стороны начали подготовку к очередному раунду межсирийских переговоров, которые, однако, вновь свелись к достижению 10 сентября 2016 г. российско-американских дого-

ворённостей о прекращении боевых действий. Об их значении вполне ясно выразился госсекретарь Джон Керри, назвав их «возможным поворотным моментом» [39]. Основные пункты соглашения действительно выглядели обнадеживающе – разделялись зоны деятельности сирийской «умеренной оппозиции» и экстремистов, налаживалось взаимодействие между российской и американской авиацией. Однако прекращение огня не продлилось долго. Уже 17 сентября американские самолёты ударили по позициям сирийских правительственных войск в Дейр-эз-Зоре, нанеся тем большие потери, в результате чего Москва и Дамаск вышли из соглашения.

В середине октября 2016 г. в Лозанне состоялась последняя в ходе президентства Барака Обамы попытка США наладить переговорный процесс по Сирии. Во встрече принимали участие представители США, России, а также ряда региональных держав. Несмотря на заявления госсекретаря Керри о том, что в ходе мозгового штурма было высказано несколько новых идей [40], ничего принципиально нового на переговорах выработать не удалось – по итогам встречи даже не было сделано совместного заявления, а некоторые главы МИД и вовсе отказались давать комментарии. По всей видимости, недавний удар американцев по Дейр-эз-Зору всё ещё сохранял серьёзную дипломатическую напряжённость в отношениях между США и Россией.

Дальнейшие мирные переговоры по установлению режима прекращения огня в Сирии при Обаме проходили уже без участия Соединённых Штатов. Особенно ярко это отразилось в конце декабря 2016 г., когда Россия, Турция и Иран совместно установили в Сирии новый режим прекращения огня, тем самым положив начало Астанинскому процессу. Официальный Вашингтон сдержанно отреагировал на принятие резолюции СБ ООН 2336, фиксирующей трёхсторонние договорённости, назвав её «отражающей правильный баланс» [41].

Совершенно иначе отреагировали на сам факт переговоров без участия США, но зато между «тремя авторитарными режимами», которые неожиданно «ощутили, что у них достаточно сил для того, чтобы взять на себя руководящую роль в регионе» [42], американские медиа. Когда резолюция 2336 была принята Советом Безопасности ООН, да ещё и поддержана США, со стороны СМИ последовал очередной поток возмущения и сомнений в том, что Россия, Турция и Иран одни, без помощи Запада, смогут установить мир [43].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод о том, что дипломатия обеих американских администраций времён Обамы в контексте сирийского мирного урегулирования показала себя далеко не лучшим образом, что в конечном счёте сам Госдепартамент признал в конце декабря 2016 года [44]. Отвлечённость на другие ближневосточные дела в разгар «арабской весны» сменилась упорным стремлением навязать свой план мирного урегулирования сирийского конфликта, по существу заключающегося в одном пункте – «Асад должен уйти». В подобных условиях неудивительно, что Женевский мирный процесс если и не был «мертворождён-

ным» с самого начала, то был во многом похоронен именно «однополярной» дипломатией Обамы, неготовой идти на взаимные уступки и компромиссы.

После появления у сторон конфликта общего врага в лице «Исламского государства» (признано в РФ террористической организацией), казалось, вновь появилась возможность хотя бы временно и частично урегулировать конфликт, сконцентрировав все силы на борьбе с джихадистами. Действительно, был снова разблокирован Женевский процесс, принята резолюция СБ ООН 2254, фиксирующая стремление к политическому решению конфликта. Однако все остальные дипломатические шаги Соединённых Штатов в отношении Сирии – отказ сотрудничать с Дамаском в вопросах борьбы с ИГИЛ, принятие стратегии *Iraq-first*, попытки вновь оседлать мирный процесс, наконец, постоянные срывы режимов прекращения огня – свидетельствовали об их недоговороспособности. Всё это привело к необходимости поиска и создания альтернативных площадок для международного и межсирийского диалога, таких как Астанинский процесс.

ИСТОЧНИКИ

1. Myers S.L. Hillary Clinton's Last Tour as a Rock-Star Diplomat. *The New York Times Magazine*, 27.06.2012. Available at: <https://www.nytimes.com/2012/07/01/magazine/hillary-clintons-last-tour-as-a-rock-star-diplomat.html> (accessed 07.07.2022).

2. Interview With Syrian President Bashar al-Assad. *The Wall Street Journal*, 31.01. 2011. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703833204576114712441122894> (accessed 07.07.2022).

3. Violence in Syria. U.S. Department of State, 23.03.2011. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/03/158894.htm> (accessed 07.07.2022).

4. Kessler G. Hillary Clinton's incredible statement on Syria. *The Washington Post*, 04.04.2011. Available at: https://www.washingtonpost.com/blogs/fact-checker/post/hillary-clintons-uncredible-statement-on-syria/2011/04/01/AFWPEYaC_blog.html (accessed 07.07.2022).

5. Glasser S. Was Hillary Clinton a Good Secretary of State? *Politico*, 08.12.2013. Available at: <https://www.politico.com/magazine/story/2013/12/was-hillary-clinton-a-good-secretary-of-state-john-kerry-2016-100766/> (accessed 12.07.2022).

6. Statement from the President on the Violence in Syria. The White House, 08.04.2011. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/04/08/statement-president-violence-syria> (accessed 08.07.2022).

7. Statement by President Obama on the Situation in Syria. The White House, 18.08.2011. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/08/18/statement-president-obama-situation-syria> (accessed 08.07.2022).

8. Сапронова М.А. Новая роль ЛАГ в региональных и международных отношениях. *Новое восточное обозрение*, 17.03.2013. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2013/03/17/novaya-rol-lag-v-regionalnyh-i-mezhdunarodnyh-otnosheniyah/> (accessed 08.07.2022).

9. Security Council Fails to Adopt Draft Resolution on Syria as Russian Federation, China Veto Text Supporting Arab League's Proposed Peace Plan. United Nations, 04.02.2012. Available at: <https://press.un.org/en/2012/sc10536.doc.htm> (accessed 08.07.2022).

10. Миссия ООН по наблюдению в Сирии (МООНС). Организация Объединённых Наций. Available at: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/unsmis/> (accessed 12.07.2022).

11. France, Germany, Portugal, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and United States of America: draft resolution (S/2012/538). United Nations Security Council, 19.07.2012. Available at: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Syria%20S2012%20538.pdf> (accessed 12.07.2022).

12. Lund A. Syria's Fair-weather Friends. *Foreign Affairs*, 31.10.2017. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/syria/2017-10-31/syrias-fair-weather-friends> (accessed 13.07.2022).

13. Lund A. How Assad's Enemies Gave Up on the Syrian Opposition. The Century Foundation, 17.10.2017. Available at: <https://tcf.org/content/report/assads-enemies-gave-syrian-opposition/> (accessed 13.07.2022).

14. Press Availability on the Meeting of the Friends of the Syrian People. U.S. Department of State, 24.02.2012. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/02/184635.htm> (accessed 13.07.2022).

15. Obama Recognizes Syrian Opposition Group. *ABC News*, 12.12.2012. Available at: <https://abcnews.go.com/Politics/OTUS/exclusive-president-obama-recognizes-syrian-opposition-group/story?id=17936599#.UMfDkawpCHA> (accessed 13.07.2022).

16. Итоги международной конференции по Сирии «Женева-1». Досье. ТАСС, 14.10.2013. Available at: <http://tass.ru/politika/690267> (accessed 14.07.2022).

17. Interview with Michele Kelemen of NPR. U.S. Department of State, 30.06.2012. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2012/06/194335.htm> (accessed 14.07.2022).

18. Башар Асад предложил урегулировать сирийский кризис путем новых выборов. ТАСС, 06.01.2013. Available at: <http://tass.ru/glavnie-novosti/656039> (accessed 14.07.2022).

19. Assad's Speech. U.S. Department of State, 06.01.2013. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2013/01/202504.htm> (accessed 14.07.2022).

20. Russia regrets U.S. postponement of Hague meeting on Syria. *Reuters*, 27.08.2013. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-syria-crisis-russia-idUSBRE97Q06E20130827> (accessed 15.07.2022).

21. Syria crisis: UN withdraws Iran invitation to Geneva talks. *BBC News*, 21.01.2014. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-25820373> (accessed 15.07.2022).

22. Intervention at the Geneva II International Conference on Syria. U.S. Department of State, 22.01.2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/01/220504.htm> (accessed 15.07.2022).

23. Syria Geneva II peace talks witness bitter exchanges. *BBC News*, 22.01.2014. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-25836827> (accessed 15.07.2022).

24. Дамаск не будет вести прямые переговоры с США, пока Керри не извинится. *РИА Новости*, 01.02.2014. Available at: <https://ria.ru/world/20140201/992569453.html> (accessed 15.07.2022).

25. Долгов Б.В. Женева-II: итоги конференции. *Новое восточное обозрение*, 05.02.2014. Available at: <https://ru.journal-neo.org/2014/02/05/zheneva-ii-itogi-konferentsii/> (accessed 15.07.2022).

26. Geneva Conference and Situation in Syria. U.S. Department of States, 16.02.2014. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2014/02/221702.htm> (accessed 15.07.2022).

27. Statement by the President on ISIL. The White House, 10.09.2014. Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/09/10/statement-president-isil-1> (accessed 16.07.2022).

28. Erdbrink T., Chan S. and Sanger D. After a U.S. Shift, Iran Has a Seat at Talks on War in Syria. *The New York Times*, 28.10.2015. Available at: <https://www.nytimes.com/2015/10/29/world/middleeast/syria-talks-vienna-iran.html> (accessed 16.07.2022).

29. Remarks to the Press in Vienna, Austria. U.S. Department of States, 23.10.2015. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/10/248677.htm> (accessed 16.07.2022).

30. Joint Press Availability with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura. U.S. Department of State, 30.10.2015. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/10/249019.htm> (accessed 16.07.2022).

31. Press Availability with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura. U.S. Department of State, 14.11.2015. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2015/11/249515.htm> (accessed 16.07.2022).

32. В Вене пройдет второй раунд переговоров по сирийской проблеме. *TACC*, 14.11.2015. Available at: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2434788> (accessed 16.07.2022).

33. Syrian opposition says Kerry applies pressure over peace talks. *Reuters*, 24.01.2016. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis-syria-opposition-idUKKCN0V20TW> (accessed 16.07.2022).

34. Video Statement on Syria Negotiations. U.S. Department of State, 31.01.2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/01/251899.htm> (accessed 16.07.2022).

35. Joint Statement of the United States and the Russian Federation, as Co-Chairs of the ISSG, on Cessation of Hostilities in Syria. U.S. Department of State, 22.02.2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/ps/2016/02/253115.htm> (accessed 16.07.2022).

36. Керри: план «Б», возможно, конфронтационнее соглашения о перемирии. *РИА Новости*, 24.02.2016. Available at: https://ria.ru/syria_peace/20160224/1380018639.html (accessed 17.07.2022).

37. United Nations Security Council Resolution 2268. United Nations Security Council, 26.02.2016. Available at: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/053/63/PDF/N1605363.pdf> (accessed 17.07.2022).

38. ООН разработала 12 пунктов политической реформы в Сирии. *Российская газета*, 24.03.2016. Available at: <https://rg.ru/2016/03/24/oon-razrabotala-12-punktov-politicheskoy-reformy-v-sirii.html> (accessed 17.07.2022).

39. Remarks With Russian Foreign Minister Sergey Lavrov and UN Special Envoy Staffan de Mistura at a Press Availability. U.S. Department of State, 09.09.2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/secretary/remarks/2016/09/261722.htm> (accessed 17.07.2022).

40. Morello C. Syria talks in Switzerland produce only a decision to keep talking. *The Washington Post*, 15.10.2016. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/kerry-in-switzerland-for-talks-about-syria/2016/10/15/112a5c2c-909b-11e6-bc00-1a9756d4111b_story.html (accessed 17.07.2022).

41. США считают резолюцию СБ ООН по Сирии сбалансированной. *РИА Новости*, 31.12.2016. Available at: <https://ria.ru/syria/20161231/1485046490.html> (accessed 17.07.2022).

42. Bershidsky L. The U.S. Is Now a Country That Can Be Ignored. *Bloomberg*, 22.12.2016. Available at: <https://www.bloomberg.com/view/articles/2016-12-21/the-u-s-is-now-a-country-that-can-be-ignored> (accessed 17.07.2022).

43. Can Russia Make Peace as Well as War? *The New York Times*, 31.12.2016. Available at: <https://www.nytimes.com/2016/12/31/opinion/can-russia-make-peace-as-well-as-war.html> (accessed 17.07.2022).

44. Daily Press Briefing - December 22, 2016. U.S. Department of State, 22.12.2016. Available at: <https://2009-2017.state.gov/r/pa/prs/dpb/2016/12/265937.htm> (accessed 17.07.2022).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Видясова М.Ф. 2012. Тунис – зачинатель «арабских революций». *Актуальные проблемы Европы*, №3, с. 42-91.

Самуйлов С.М., Панюжева М.М. 2016. Борьба США с ИГИЛ и ответ России. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*, №1, с. 3-21.

Ходынская-Голенищева М.С. 2013. Подготовка «Женевы-2» в свете актуальных аспектов развития сирийского кризиса. *Вестник МГИМО-Университета*, № 5 (32), с. 33-38. DOI: 10.24833/2071-8160-2013-5-32-33-38

Ходынская-Голенищева М.С. 2017. Работа Совета Безопасности ООН по сирийскому кризису в условиях трансформации системы международных отношений. *Вестник МГИМО-Университета*, № 6 (57), с. 161-173. DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-161-173

Ходынская-Голенищева М.С. 2017. Формирование Женевского переговорного процесса по урегулированию конфликта в Сирии ("Женева-1"). *Вестник Брянского государственного университета*, № 4 (34), с. 149-154.

Шумилин А.И. 2013. США – Египет: в поисках новой модели партнёрства. *США ❖ Канада: экономика, политика, культура*, № 1 (517), с. 37-54.

REFERENCES

Davidson J.W. 2013. France, Britain and the intervention in Libya: an integrated analysis. *Cambridge Review of International Affairs*, Vol. 26, No. 2, pp. 310-329, DOI: 10.1080/09557571.2013.784573

Khodynskaya-Golenischeva M.S. 2013. Podgotovka "Zhenevy-2" v Svete Aktual'nykh Aspektov Razvitiya Sirijskogo Krizisa [The International Conference on Syria ("Geneva-2"): Difficulties of Inter-Syrian Talks and Role of Foreign Players.]. *MGIMO Review of International Relations*, 5(32):33-38. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2013-5-32-33-38

Khodynskaya-Golenischeva M.S. 2017. Rabota Soveta Bezopasnosti OON Po Sirijskonu Krizisu V Usloviakh Transformacii Sistemy Mezhdunarodnykh Otnoshenij [The UN Security Council Acting on Syria in The Context of Emerging Multipolarity of International Relations.]. *MGIMO Review of International Relations*, 6(57):161-173. (In Russ.). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-6-57-161-173

Khodynskaya-Golenischeva M.S. 2017. Formirovanie Zhenevskogo Peregovornogo Processa po Uregulirovaniyu Konflikta v Sirii ("Zheneva-1") [Formation of the Geneva Negotiating Process for Conflict - Resolution in Syria ("Geneva-1").]. *The Bryansk State University Herald*, 4(34), pp. 149-154. (In Russ.).

Lantis J.S. 2020. Advocacy Coalitions and Foreign Policy Change: Understanding US Responses to the Syrian Civil War. *Journal of Global Security Studies*, Vol. 6, No. 1. DOI: 10.1093/jogss/ogaa016

Mueller J, Stewart M.G. 2016. Misoverestimating ISIS: Comparisons with Al-Qaeda. *Perspectives on Terrorism*, Vol. 10, No. 4, pp. 30-39.

Samuylov S.M, Panyuzheva M.M. 2016. U.S. Fighting Against ISIL and Russia's Response. *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*, Vol. 1 (553), pp. 3-21. (In Russ.).

Shumilin A.I. 2013. The USA - Egypt: In Search for a New Partnership Model. *USA ❖ Canada: Economics, Politics, Culture*, Vol. 1 (517), pp. 37-54. (In Russ.).

Springborg R. 2012. The US Response to the Arab Uprising: Leadership Missing. In R. Alcaro & M. Haubrich-Seco (Eds.), *Re-thinking Western Policies in Light of the Arab Uprising* (pp. 31-54). Istituto Affari Internazionali (IAI).

10. Talmon S. 2013. Recognition of Opposition Groups as the Legitimate Representative of a People. *Chinese Journal of International Law*, Vol. 12, Issue 2, pp. 219-253. DOI: 10.1093/chinesejil/jmt014

Vidiassova M.F. 2012. Tunis - zachinatel' «arabskikh revolyucij» [Tunisia as a Pioneer of "Arab Revolutions."]. *Current Problems of Europe*, No. 3, pp. 42-91. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ЮРК Алексей Владимирович, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ) Санкт-Петербург, ул. Смольного, д.1/3, 8-й подъезд.

Alexey V. YURK, Post-graduate student, School of International Relations, St. Petersburg State University. St Petersburg, Smolnogo st., 1/3, 8th entrance.

Статья поступила в редакцию / Received 05.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 17.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 19.10.2022.

УДК 327

DOI: 10.31857/S2686673023010054

EDN: GZOFKV

Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг.

Д.Н. Ермаков

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Российская Федерация, 119192, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800 РИНЦ ID: 319114

ORCID: 0000-0002-0811-0058 E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

Г.Г. Попов

РАНХиГС при Президенте РФ.

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82.

*ФГБОУ ВО «Московский государственный университет технологий и управления
имени К.Г. Разумовского*

(Первый казачий университет)».

Российская Федерация, 109004, Москва, Земляной Вал, д. 73.

РИНЦ ID: 413137

ORCID: 0000-0002-3060-5030 E-mail: GGPopov2009@mail.ru

О.Ю. Казенков

Институт Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32.

Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова.

Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

Researcher ID: AAN-2229-2021 Scopus Author ID: 57205233631 РИНЦ ID: 855244

ORCID: 0000-0002-8893-4443 E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Резюме: В статье приводятся политические оценки отношения немецких военных специалистов к процессам начального периода Японо-китайской войны. Авторы основываются на малоизвестных ранее документах из Центрального архива Министерства обороны России, часть данных документов вводятся в оборот впервые. В статье находит отражение борьба идеологий на территории Китая в ходе его военного столкновения с Японией. Авторы, основываясь на немецких документах, показывают жёсткий антикоммунистический характер японской политики на оккупированных китайских территориях, а также обращаются к проблеме японского шовинизма в конце 1930-х годов [Russian-Chinese relations in the XX century. Vol. IV, 2000]. Сложность отношений японских военных с представителями политической и экономической элит Китая на начальном этапе Японо-китайской войны обусловило поддержку со стороны китайской буржуазии режима Гоминьдана, что ослабило позиции китайских коллаборационистов. Показан провал стратегии японских оккупационных властей, направленной на раскол китайского общества. В статье отражена роль Александра фон Фалькенхаузуена на начальном этапе

Японо-китайской войны. Авторы освещают вопросы стратегических просчётов высшего японского командования и недостатков в стратегии Чан Кайши.

Ключевые слова: Японо-китайская война, Халхин-Гол, военная экономика Японии, японский милитаризм, Китай в конце 1930-х годов, японо-китайские политические отношения в 1930-х годах

Для цитирования: Ермаков Д.Н., Попов Г.Г., Казенков О.Ю. Начальный период японо-китайской войны 1937–1939 гг. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(1).75-93. DOI: 10.31857/S2686673023010054 EDN: GZOFKV

The Initial Period of the Sino-Japanese War 1937–1939

D.N. Ermakov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov.

27, Lomonosovskiy prospect, Moscow, 119192, Russian Federation.

Researcher ID: AAS-7807-2020 Scopus Author ID: 56610014800 РИНЦ ID: 319114

ORCID: 0000-0002-0811-0058 E-mail: ermakov@ifes-ras.ru

G.G. Popov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA)

82, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation.

Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University).

73, Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

РИНЦ ID: 413137

ORCID: 0000-0002-3060-5030 E-mail: GGPopov2009@mail.ru

O.Yu. Kazenkov

Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation.

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov.

14, Soviet St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-8893-4443 E-mail: o.kazenkov@gmail.com

Abstract: The article provides political assessments of the attitude of German military specialists to the processes of the initial period of the Sino-Japanese War. The authors are based on previously little-known documents from the Central Archive of the Ministry of Defense of Russia, some of these documents are put into circulation for the first time. The article reflects the struggle of ideologies on the territory of China during its military clash with Japan. The authors, based on German documents, show the harsh anti-communist nature of Japanese policy in the occupied Chinese territories, and also address the problem of Japanese chauvinism in the late 1930s. The complexity of relations between the Japanese military and representatives of the political and economic elites of China at the initial stage of the Sino-Japanese War led to the support of the Chinese bourgeoisie for the Kuomintang regime, which weakened the position of Chinese collaborators. The article shows the failure of the strategy of the Japanese occupation authorities aimed at splitting the Chinese society. The article reflects the role of Alex-

ander von Falkenhausen at the initial stage of the Sino-Japanese War. The authors highlight the issues of strategic miscalculations of the Japanese high command and shortcomings in the strategy of Chiang Kai-shek.

Keywords: The Second Sino-Japanese War, Khalkhin-Gol, Japan's military economy, Japanese militarism, China in the late 1930s, Sino-Japanese political relations in the 1930s

For citation: Ermakov D.N., Popov G.G., Kazenkov O.Yu. The Initial Period of the Sino-Japanese War 1937–1939. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53 (1): 75-93. DOI: 10.31857/S2686673023010054 EDN: GZOFKV

ВВЕДЕНИЕ

Статья основана на немецких трофейных документах из фонда № 500 Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации и опубликованных документах Государственного департамента США. Эти документы ещё недостаточно изучены, в частности, не исследован подробно комплекс документов военных атташе, включая работавших в Японии. Данные материалы представляют сегодня особую ценность в ракурсе анализа позиций Китая и Японии во Второй мировой войне и в процессе возникновения этого глобального вооружённого конфликта, к тому же принимая во внимание, что многие японские документы военного и предвоенного периодов были уничтожены перед капитуляцией Японской империи.

Поскольку значительная часть документов по германской военной миссии в Китае оказалась на Западе, мы привлекаем для нашего исследования работу докторанта Огайского государственного университета Р.Л. Родригеса, где приводятся фрагменты соответствующих документальных материалов и ссылки на них [Rodriguez R.L., 2011], а также работу докторанта философского факультета Рейнского университета Фридриха-Вильгельма в Бонне Че Вей Чанга [Che-Wei Chang, 2021] про немецкого дипломата Оскара Траутманна, работавшего в начале Японо-китайской войны в качестве посла Германии в Китае. Несмотря на то, что О. Траутманн не был военным, в материалах о нём содержится немало интересных сведений о позиции высшего руководства вооружённых сил нацистской Германии по вопросу сотрудничества с Китаем.

Мы выбрали для нашего анализа период 1937–1939 гг., так как в это время немецкие, как и другие иностранные представители имели наибольший доступ к информации о боевых действиях в Китае, а также о ситуации в Японии – в более высокой степени, по сравнению с 1940–1945 гг. Мы уделяем внимание событиям на Халхин-Голе, несмотря на то, что непосредственная связь этого конфликта с Японо-китайской войной очень спорна, однако для российских историков Номонханский инцидент остаётся интересным, включая и рассмотрение его в контексте Японо-китайской войны, поскольку данный конфликт с СССР отвлёк немало сил Японии от войны с Китаем [Бобкова М.С., 2015].

В период холодной войны образ Японо-китайской войны воспринимался упрощённо: Китай – жертва агрессии Японской империи, который не столь успешно боролся с японскими милитаристами с июля 1937 г. (инцидент на мо-

сту Марко Поло, или на мосту Лугоу), и вплоть до освобождения войсками союзников до сентября 1945 г. не отмечалось ничего существенного. Поэтому китайский театр военных действий рассматривался советскими историками как вспомогательный [Цит. по: Bruce M. Russett, 1972].

В советской и в современной российской историографии указанные выше акценты в анализе Японо-китайской войны в принципе те же, что и на Западе, и практически не изменились, особенно это касается мотивации сторон. Только сравнительно недавно в российской историографии стала изучаться третья сторона Японо-китайской войны – протектораты Японии на территории современной Китайской Народной Республики [Гареев М.А., 2006]. Но прочие коллаборационисты в Восточной Азии по-прежнему мало интересуют российских исследователей, кроме вопроса сотрудничества белоэмигрантских кругов с японскими властями. Надо отметить, что интерес к Японо-китайской войне в российской историографии последнее время во многом обусловлен возобновлением развёрнутого анализа конфликта на Халхин-Голе, советско-японских отношений периода Второй мировой войны и нескольких лет, ей предшествовавших [См.: Катасонова Е.Л., 2018; Сеченов И.В., 2019; Болд Р., 2019; Базаров Б.В., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д., 2017; Курас Л.В., Цыбенков Б.Д., 2016; Смирнов С.В., Буяков А.М., 2019; Зимонин В.П., 2014 и 2018; Бутанаев Э.В., 2017; Рябченко Н.П., 2015; Мильбах В.С., Назаренко И.С., 2019].

В современных китайских СМИ, историографии и массовом сознании война с Японией является борьбой с жестоким агрессором, стремившимся уничтожить Китай и его народ [Соох А., 1985]. Однако в Китае получила развитие и другая тенденция в кругах историков – развитие образа Японо-китайской войны как главного театра военных действий Второй мировой войны или, по крайней мере, равнозначного либо незначительно уступавшего по своему значению Советско-германскому фронту, и в то же время – центральный театр военных действий Второй мировой войны в Восточной Азии [См.: Григорьев О.В., 2018; Ли Тяньцзы, 2015; Zhaozhen An., 2018; Лян Юньсян, 2015; Го Сянган, 2012; Ху Цзиньтао, 2010].

Сложность изучения Японо-китайской войны заключается также в том, что в современном Китае исследование боевых операций генералов гоминьдановского режима остаётся не столь популярным направлением, как и анализ самой военной политики Чан Кайши. Это – последствия влияния на китайскую историческую науку ещё ЦК КПК периода правления Мао Цзэдуна [Herzog J.H., 1966]. Диссертационная активность китайских историков, занимающихся Второй мировой войной, сосредоточена преимущественно на узких темах, затрагивающих, в основном, социально-экономические и политические аспекты военного периода. Это видно на примере защищённых в Гонконгском университете диссертаций и указывает ещё на одну важную тенденцию, причём даже в «вестернизированных» китайских университетах – уход от общих вопросов военной истории Китая в Новейшем времени, несмотря на то, что ряд этих вопросов до сих пор остаются дискуссионными – например, реальный вклад Китая в победу над Японией.

Являлся ли Китай одним из главных акторов Второй мировой войны или же всё-таки он жертва масштабной японской агрессии, которую освободили страны

антигитлеровской коалиции? Ниже будет представлена попытка разобраться в этом вопросе с использованием оценок, отражённых в немецких документах.

Из цели статьи вытекают задачи выявить следующее: (а) как отражено в корпусе изучаемых документов отношение японского высшего командования к войне с Китаем и видение первых целей этой войны; (б) как отражены в изучаемых немецких документах политические отношения японских военных властей с китайскими политиками и населением; (в) как виделись германскому военному атташе по полученной им из Китая информации акции японских военных против мирного китайского населения, включая нанесение японской авиацией бомбовых ударов по массивам жилых домов в китайских городах; (г) какое отражение в исследуемых документах нашли социально-экономические аспекты оккупации китайских территорий японскими войсками.

Произведённый отбор документов из указанного выше корпуса материалов Центрального архива Минобороны России обусловлен как высокой информативностью для исследования участия Японии в войне с Китаем, так и высокой актуальностью событий на Халхин-Голе (Номонханский инцидент) для российских историков и читателей. Выявленные нами документы позволяют взглянуть на конфликт у Халхин-Гола в контексте развития общей военной ситуации в Восточной Азии, в первую очередь на китайском театре военных действий (ТВД). События, происходившие в Китае после декабря 1939 г., мы считаем иным процессом, так как японская военная машина определённо стала разворачиваться на юг, когда ещё осенью 1939 г. у военных кругов в Токио оставались намерения после относительно недолгой передышки усилить нажим на СССР. Однако поражение западных союзников во Франции в мае-июне 1940 г. предоставило для Токио дополнительные крупные перспективы на территории Юго-Восточной Азии.

ЯПОНИЯ И ВООРУЖЁННОЕ СТОЛКНОВЕНИЕ С КИТАЕМ ДО НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Глава немецкой военной миссии в Китае Александр фон Фалькенхаузен (германский военный эксперт по Востоку и бывший военный атташе в Японии) отмечал резкое падение дисциплины в японской армии в результате её политизации и распространение среди японцев явления, которое можно понимать как неадекватное, сверхагрессивное поведение – *“амок”*. При этом у японцев не хватало ресурсов для полной оккупации территорий в приморских провинциях Китая (рядом с Шанхаем и Нанкином), что позволяло китайцам проводить манёвренные операции на местности [1: д. 197, оп. 12451, л. 4–5].

Во время наступления японцев на Нанкин немцы ограничили помощь китайцам, генерал артиллерии Вальтер фон Рейнехау (немного позже он станет фельдмаршалом, в 1933–1938 гг. он занимал разные высокие военные должности, главная из них – командование 7-м военным округом, курировал сотрудничество вермахта с Китаем) не дал замену выбывших специалистов немецкой военной миссии. В отличие от других государств, Германия не стала отправлять в Китай современные самолёты. Но вина в затруднениях по поводу заключения новых контрактов на

поставку вооружений лежала и на китайской стороне, по мнению генерала А. фон Фалькенхаузена [1: д. 197, оп. 12451, л. 6–7]. Правда, из материалов о германском после в Китае Оскаре Траутманне следует, что высшее руководство НСДАП, включая И. фон Риббентропа, который ещё не был тогда министром иностранных дел, заняло жёсткую прояпонскую позицию с самого начала Японо-китайской войны [Che-Wei Chang, 2021: 311]. За продолжение помощи Китаю выступали старые дипломаты и военные, не разделявшие, полностью или частично, идеологию НСДАП. Они также считали необходимым, чтобы Германия выступила посредником в мирном урегулировании конфликта между Китаем и Японией. В частности, военный атташе в Японии Ойген Отт настаивал на активном германском дипломатическом посредничестве [Che-Wei Chang, 2021: 311], здесь он был един во мнении с О. Траутманном. Назначение 4 февраля 1938 г. И. фон Риббентропа министром иностранных дел нацистской Германии означало окончательное сворачивание попыток посредничества со стороны Берлина в вопросе установления мира между Японией и Китаем. 20 февраля 1938 г. Гитлер в Рейхстаге объявил о готовности нацистского режима признать Манчжоу-Го, на чём особо настаивало японское правительство [Che-Wei Chang, 2021: 312]. 21 февраля 1938 г. И. фон Риббентроп заявил китайскому послу в беседе, что германское высшее руководство не верит в способность Китая остановить распространение коммунизма, когда Японию, напротив, в Берлине рассматривают в качестве именно такой силы. Этим, по И. фон Риббентропу, и было обусловлено признание Манчжоу-Го. У О. Траутманна имелось иное объяснение того, почему официальный Берлин отвернулся от Китая: стремление к военно-стратегическому сближению с Японией для завоевания жизненного пространства. По мнению О. Траутманна, такой шаг Гитлера только привёл к окончательной замене китайцами немецких военных специалистов советскими, что в итоге и означало усиление позиций коммунистов в Китае. Уход Германии из Китая, как был убеждён О. Траутманн, означал для Берлина потерю способности оказывать политическое влияние в Восточной Азии. После своего отзыва в Германию и известных событий начального периода войны на Тихом океане О. Траутманн считал, что Китай за счёт своей территории способен выстоять, освободить себя самостоятельно и оказать решительное военное воздействие на Японию [Che-Wei Chang, 2021: 312].

Тяжёлым ударом для Китая стал, по мнению А. фон Фалькенхаузена, захват японцами Шанхая в сентябре 1937 г. Рядом с этим городом три месяца китайцы сдерживали японцев, что нарушило все разработанные ранее планы войны с Японией, в рамках которых основным театром военных действий были определены северные провинции страны. И здесь стоит обратить внимание на важный аспект – в 1934–1935 гг. А. фон Фалькенхаузен сам разработал план обороны Шанхая, повторив положения своего прогноза возможных наступательных действий Японии в 1936 г. [Rodriguez R.L., 2011: 210]. Соответственно, китайское командование недостаточно приняло во внимание соображения А. фон Фалькенхаузена, который сам признавал, что в 1935 г. между ним и Чан Кайши возникли трения по ряду оперативных вопросов [Rodriguez R.L., 2011: 214]. Впрочем, в начале 1935 г. А. фон Фалькенхаузен рассматривал прямое японское наступление на Нанкин

как маловероятное, поскольку японским войскам тогда надо было бы опираться на снабжение с моря [Rodriguez R.L, 2011: 243]. В этой связи укреплению обороны северных провинций уделялось А. фон Фалькенхаузену первичное внимание [Rodriguez R.L, 2011: 244]. К тому же он преувеличил оборонительный потенциал китайской армии и готовность японской стороны вести переговоры в случае первых крупных неудач [Rodriguez R.L, 2011: 250], и это имело для Китая фатальные последствия, так как А. фон Фалькенхаузен убедил Чан Кайши пойти на полномасштабный конфликт с Японией, не ограничившись локальными столкновениями в районе Пекина. Это стало альтернативой уладить конфликт на местном уровне посредством очередных мирных переговоров [Rodriguez R.L, 2011: 253]. Правда, мы не стали бы преувеличивать роль А. фон Фалькенхаузена в генезисе Японо-китайской войны, так как с конца 1936 г. на Чан Кайши оказывалось сильное давление как слева, так и справа относительно организации сопротивления японской экспансии [Rodriguez R.L, 2011: 255].

Одним из главных аргументов Чан Кайши считал две подготовленные немецкими специалистами дивизии – № 87 и 88 [Rodriguez R.L, 2011: 256]. Согласно возникшему в начале 1935 г. плану, китайские войска должны были быстрым ударом разгромить охранявший в Шанхае японскую колонию гарнизон противника [David Lu, 1961: 17]. В этой связи для прикрытия сил атаки стали создаваться мощные укрепления между Шанхаем и Нанкином, эти укрепления объединялись, по примеру линии «Мажино». Чан Кайши планировал лишить посредством укреплений японцев возможности предпринимать мобильные контратаки. В разработке этой системы обороны участвовали немецкие военные специалисты [Wei Ju-lin, 1967, Vol. 1: 63-68]. Строительство особо мощных укреплений в зоне вероятного собственного наступления напоминает немецкую методику, опиравшуюся ещё на опыт Первой мировой войны [Guo Xianggang, 2012].

Уже во время Второй мировой войны битва за Шанхай получила оценку как пример победы японской военной мысли и, соответственно, отражение слабости китайского командования, которое было во многом подготовлено немецкими военными советниками. В первые дни борьбы за Шанхай китайские войска насчитывали около 100 000 человек против 2 500 японских морских пехотинцев; японцы попали в тяжёлое положение, будучи блокированными в районе Ханькоу [McClain J.L., 2002: 446]. Однако китайцы так и не смогли сбросить десант противника в море, что позволило 23 августа 1937 г. японцам усилить свою группировку в зоне Ханькоу, а затем японский генерал Матсуи Иване предпринял фланговый обход в северном направлении к реке Янцзы, что позволило японцам перерезать коммуникации китайской группировки в Шанхае [Long J.E., 2003, Vol. XV: 27-44, 31]. Приблизительно к такому же мнению об эффективности японского командования, как факторе победы под Шанхаем, уже спустя немало лет пришёл американский военный историк Мэтью Витней [Whitney M.D., 2000].

Сама оборона Нанкина была актом, направленным больше на поддержание престижа Китая (заранее обречённая на поражение оборонительная операция китайских войск); немецкие специалисты участвовали в руководстве обороной

столицы [Rodriguez R.L., 2011: 262]. Находившийся тогда в Нанкине сотрудник фирмы «Сименс» Джон Рабе стал свидетелем резни, устроенной японскими военными в городе. Весной 1938 г. он попытался опубликовать свои записки на эту тему, но был арестован гестапо, правда, затем отпущен [Rodriguez R.L., 2011: 263].

Эвакуированный в Ухань, А. фон Фалькенхаузен на основе докладов других немецких военных специалистов пришёл в декабре 1937 г. к выводу, что китайские и японские войска вымотаны и обескровлены сражениями за Шанхай и Нанкин. Однако А. фон Фалькенхаузен и другие германские советники поддерживали идею перехода китайской армии к партизанской войне, для чего весной 1938 г. шла активная перегруппировка китайских сил [Rodriguez R.L., 2011: 264]. Правда, А. фон Фалькенхаузен считал, что для партизанской войны больше подходят коммунисты, когда националистические части должны были продолжать боевые действия классическими методами. Несмотря на потерю Шанхая и Нанкина, А. фон Фалькенхаузен полагал, что война Китаем ещё не проиграна [Rodriguez R.L., 2011: 265].

Прогнозы А. фон Фалькенхаузена, что война будет для Японии затяжной и тяжёлой, вскоре оправдались. В марте–апреле 1938 г. китайским военным удалось одержать крупную победу, которая вошла в китайскую историографию как битва под Тайэрчжуаном. В районе этого города китайцам удалось окружить и почти полностью уничтожить 10-ю японскую пехотную дивизию. Значительный вклад в проведение данной операции внесли немецкие советники, согласно отчёту которых китайцы одержали первую крупную победу над технически превосходящим их противником. В самом Тайэрчжуане японцы потеряли около 16 тыс. солдат и офицеров. Но именно эта битва вынудила нацистскую Германию отозвать своих советников, на чём активно настаивала японская дипломатия, считая неудачу японских войск в этом районе прямым следствием работы немецких офицеров [Rodriguez R.L., 2011: 266–268].

Современная китайская и западная историография оценивают последствия усилий Чан Кайши и его генералов в начале Японо-китайской войны скромнее, нежели А. фон Фалькенхаузен. Как считает Винсент Чанг, победа над японцами под Вуханом в октябре 1938 г. была достигнута за счёт того, что китайское правительство приказало разрушить дамбы на реке Хуанхэ, остановив тем самым стремительное наступление японской армии, и это стало поворотной вехой в войне [Chang V.K.L., 2022]. Таким образом, по В. Чангу, на стороне китайских войск оказалась природа, не таланты немецких специалистов и китайских генералов, а также несколько лет подготовки Китая к войне. Другой китайский историк Чхи Хи Шенг (*Ch'iHsi-Sheng*) писал по поводу приказа Чан Кайши разрушить дамбы, что эффект от этих действий в аспекте сдерживания наступления противника был сомнительным, японцы всё-таки взяли Вухан, но с некоторым опозданием, однако затопление обширных территорий привело к гибели китайских гражданских лиц. По мнению Чхи Хи Шенга, после взятия Вухана китайские вооружённые силы оказались очень слабы, и Китай спасли проблемы японских войск с логистикой [Ch'iHsi-Sheng, 1982: 50–55]. То есть, по Чхи Хи Шенгу, на стороне китайцев оказались внушительные пространства их страны, или география.

Мнение В. Чанга во многом подтверждается сведениями посольства США в Китае. В частности, интересно описаны в этих документах вооружённые столкновения 38-й дивизии армии Китая с японскими частями в районе Таныцзина 25 июля 1937 г. Японцам удалось победить целую китайскую дивизию в течение нескольких часов малыми силами при помощи пяти бомбардировщиков [2, д. 267], китайские сухопутные войска не были в данном случае прикрыты своими истребителями. В то же время у американцев была убеждённость, что китайское и японское правительства договорятся о прекращении боевых действий [2, д. 269].

Американские дипломаты ошиблись – вооружённая борьба за район вокруг Таныцзина продолжалась. 6 августа 1937 г. министр финансов Китая запросил помощь у США [2]. Из телеграммы посла США в Китае Джонсона давление на Нанкин со стороны японской авиации усилилась в середине августа 1937 г., при этом китайские ВВС действовали неэффективно [2, д. 465]. При этом Госдепартамент однозначно не верил тому, что китайские войска в состоянии победить японцев, в связи с чем Вашингтон настаивал на переговорах правительства Гоминьдана с официальным Токио [2, д. 537].

ЯПОНСКАЯ ПОЛИТИКА ПОДЧИНЕНИЯ КИТАЯ

По словам немецких военных представителей, японцы делали ставку на антикоммунистическую пропаганду, утверждая, что пришли в Китай спасать его от коммунизма. Однако по мере продвижения японцев популярность коммунистических идей в китайском обществе стала расти, тогда как до войны они были распространены, в основном, в армии [1: д. 197, оп. 12451, л. 9–10].

Согласно отчётам военного атташе Германии в Японии (данные получены немцами в первой половине лета 1938 г.) в Шанхае и других оккупированных зонах японцы устанавливали смешанную с местным населением администрацию на промышленных предприятиях. Однако китайские управленцы придерживались тактики пассивного сопротивления, опасаясь мести затем от режима Гоминьдана. Судя по этим сведениям, китайская интеллигенция в большинстве своём не верила в победу Японии над Китаем. Несмотря на это, японцы допускали участие китайского капитала в предприятиях, расположенных на оккупированных территориях [Илиевский Н.В., 2020]. Но, как показала практика восстановления шелкопрядных фабрик, японские власти стремились устранить конкуренцию в этой отрасли для своих национальных предприятий на китайской территории. К октябрю 1939 г. японским властям удалось построить на оккупированных китайских территориях восемь новых текстильных фабрик мощностью 80 тыс. веретён. Для восстановления экономики на оккупированных территориях Министерство финансов Японии организовало заём для Китая, который попал на оккупированные территории в распоряжение представительства Банка Японии и самого указанного японского министерства, размер кредита составил 300 млн иен [1: д. 232, оп. 12451, л. 23; д. 258, оп. 12451, л. 16].

В начале августа 1938 г. военный атташе Германии в Японии сообщал в Берлин, что, несмотря на развитие вооружённого конфликта с Китаем, японцы не

сняли из Маньчжурии свои части и продолжали строить укрепления на советской границе. С конца 1937 г. японцы ускоренными темпами создавали оборонительные рубежи в Маньчжурии. Иностранным гражданам был ограничен проезд в приграничные с Советским Союзом районы [1: д. 232, оп. 12451, л. 38]. Немецкие представители наблюдали в Харбине явные военные приготовления: стягивались войска, ограничивалось получение информации о ситуации в приграничных с Советским Союзом районах для дипломатических представительств других государств, на строительство казарм в Маньчжурии стогнялись десятки тысяч китайцев. Японцы также осуществляли насильственные переселения китайцев и представителей других национальностей из приграничных зон. Но в то же время японцы угоняли к границе китайцев из Харбина, чтобы те работали на строительстве военных объектов. Для этого японская военизированная полиция устроила облавы на китайцев в Харбине, были схвачены и отправлены на границу тысячи китайцев, которых японские власти открыто объявили людьми низшей культуры. Японское правительство не скрывало, что готовится к войне с Советским Союзом, но войне, разумеется, оборонительной, как было официально заявлено [1: д. 232, оп. 12451, л. 38, 40–41].

В первом полугодии 1938 г. немецкими наблюдателями отмечался рост партизанского движения в Маньчжурии. Японцы отвечали на участвовавшее обстрелы китайцев репрессивными мерами особого характера: китайцы, не имевшие при себе специальных паспортов и наруканных повязок, расстреливались на месте, расстрелу также подвергались лица, везущие что-либо из леса (в частности, даже грибы); доступ к лесу, таким образом, закрывался для китайцев. Немцы, опираясь на данные своих агентов, предполагали, что Япония готовит наступательную войну против СССР, планируя в первую очередь перерезать Транссиб где-то под Благовещенском, для чего, по оценке немецкой стороны, у японцев вполне хватало сил летом 1938 г. [1: д. 232, оп. 12451, л. 42–43].

В августе 1938 г. военный атташе Германии в Токио отмечал рост партизанского движения вокруг Пекина, где китайские войска получали активную поддержку со стороны местного населения. Китайские регулярные войска стали теснить японцев юго-восточнее Нанкина. Партизанская война в Северо-Восточном Китае стала отвлекать от фронта крупные силы японской армии летом 1938 г. Как раз в конце лета 1938 г. японцы развернули наступление на Ханькоу, с успешным завершением которого они связывали окончание войны в связи со смягчением позиции Англии по китайскому вопросу [1: д. 232, оп. 12451, л. 179]. Таким образом, японские политики не рассматривали уже к тому времени режим Гоминьдана в качестве самостоятельной силы, они видели центр решений по Китаю в Лондоне, а не в Чунцине (временная столица Китая). Отмечены попытки японских военных наладить нормальные отношения с китайскими крестьянами на оккупированных территориях, что было связано, скорее всего, с ожиданиями японских военных насчёт заключения мира в обозримый период времени. В связи с наступлением на Ханькоу отмечен резкий рост помощи Китаю со стороны Советского Союза в форме поставок военных самолётов. Правда, японская разведка оценивала советские усилия по восстановлению китайских ВВС как бесперспективные, так как у

китайцев элементарно не было социальной базой для формирования лётных кадров. Например, отмечены в значительной степени неудачными попытки формирования экипажей боевых самолётов из состава бывших водителей грузовиков. В этой связи Москва вынуждена была начать отправку пилотов и механиков в Китай*. Боевые качества советских пилотов японцами были недооценены [1: д. 232, оп. 12451, л. 175, 177, 185, 220, 221], что вытекало из общего отношения японских военных к Красной армии в то время.

Ближе к декабрю 1938 г. японцы стали активно восстанавливать экономику оккупированных провинций, китайцы начали возвращаться в Нанкин, Шанхай и другие города, подвергшиеся разрушению в ходе боевых действий. Немецкие наблюдатели отмечали равнодушие китайского крестьянства к судьбе режима Гоминьдана, который поддерживали в первую очередь круги буржуазии, ушедшие на запад страны в ходе японского наступления. Для облегчения управления оккупированными территориями Китая японское правительство под нажимом министра финансов создало к концу 1938 г. Китайский комитет, который должен был забрать у военных часть функций по управлению захваченными китайскими землями [1: д. 232, оп. 12451, л. 788. д. 232, оп. 12451, л. 788].

В одном из документов показана причина (точнее – одна из причин) оттока масс китайского населения из городов – бомбардировки. Немецкие наблюдатели признали, несмотря на свои явные после июля 1937 г. симпатии к японцам, варварские действия японской авиации, которая наносила удары по колоннам безоружных беженцев и жилым кварталам, не имевшим военного значения. Налёты наносили такие большие потери мирному китайскому населению, что режим Чан Кайши вынужден был провести эвакуацию Нанкина, в котором в результате этого мероприятия остались 150–200 тыс. жителей, тогда как довоенное население китайской столицы составляло около 1 млн человек. Потоки китайских беженцев определены немецкими военными как многомиллионные [1: д. 231, оп. 12451, л. 123].

После битвы за Ханькоу, когда окончательно обозначилось превосходство японских сухопутных сил, японские власти занялись обустройством оккупированных территорий. В частности, в Пекине был сформирован корпус из 1 500 китайских полицейских для борьбы с коммунистами и партизанами. Подобного рода контингенты из китайцев японские власти формировали и в других городах страны. Одновременно японские власти открыли пропагандистскую кампанию, распространяя среди китайцев листовки, где говорилось, что война ведётся не с китайским народом, который не виноват в развязывании

* Советские пилоты и другие военные специалисты появились в Китае ещё осенью 1937 г., но их было тогда немного, и процесс их активного включения в боевые действия требовал относительно много времени, учитывая ещё и специфику китайского ТВД, поэтому в немецких документах советские военные советники и пилоты не упоминаются в первом полугодии Японо-китайской войны. Разумеется, Кремль в конце 1937 г. стремился не афишировать информацию о присутствии своих военных представителей в Китае, это было обусловлено весомыми политическими причинами.

войны, а с режимом Гоминьдана. В ключе данной политики японские власти привлекли к сотрудничеству своих буддистов [Scott D. Sagan, 1989]. Союз японских буддистов в конце 1930-х годов специально подготовил 1 000 священнослужителей для Китая, чтобы склонить китайское население к сотрудничеству с оккупационными властями и создать китайско-японское духовно-культурное единство [1: д. 232, оп. 12451, л. 484–485].

К 1940 г. стратегия японского правительства по отношению к Китаю меняется. Прямая оккупация постепенно сменяется управлением страны через марионеточный режим, распространённый на северные провинции. Правда, там была создана видимость восстановления китайского суверенитета. Несмотря на то, что японское правительство в конце 1930-х годов сильно сомневалось в целесообразности создания в Северном Китае своей армии, сформированной из граждан Китая, в Пекине в то время уже функционировала военная школа, подчинённая Временному китайскому правительству (Военная школа Тунгчоу) [Сафронов В.П., 2001]. В школе проходили подготовку 330 слушателей, в программу обучения которых входило обязательное посещение Японии [1: д. 240, оп. 12451, л. 553].

В Нанкине был создан Корпус поддержания мира, состоявший из китайцев и насчитывавший приблизительно 26 тыс. человек. Этот корпус формировался, в основном, из китайских перебежчиков, то есть предателей. Для обеспечения корпуса младшими офицерами в ноябре 1938 г. в Нанкине была организована специальная школа, в которой обучались 320 китайских молодых людей, инструкторами у них были как японцы, так и китайцы, но обучение велось исключительно на японском языке. Корпус предназначался для выполнения полицейских функций [Herbert F., 1950]. С этой же целью в Тяньцзине японцы создали в конце 1930-х годов полк русских белогвардейцев-добровольцев, которым командовали японские офицеры. В начале 1940 г. Корпус поддержания мира был подчинён пекинскому марионеточному правительству, в его составе находились к тому моменту около 20 тыс. бывших солдат китайской армии, 5 тыс. жандармов, 55 тыс. полицейских, 350 курсантов военной школы. В состав полицейских сил корпуса включались также бывшие партизаны [1: д. 240, оп. 12451, л. 162, 414, 497, 498].

Японские военные власти явно стремились разделить Китай. На острове Хайнань они организовали 16 июля 1939 г. местное китайское правительство, не подчинённое так называвшемуся Центральному временному правительству во главе с Ван Цзинвэем (*Wang Ching-wei*). Аналогичное локальное правительство было сформировано в Кантоне (европейское название города Гуанчжоу до 1921 г.) [Сеченов И.В., 2019]. Но в то же время все оккупированные Японией территории, включая Внутреннюю Монголию и Маньчжурию, были объединены в экономический район, чтобы облегчить реализацию Трёхлетнего плана развития занятых японскими войсками китайских земель [Wohlstetter R., 1962]. И это было официальной политикой японских оккупантов. Генерал Хата Сюнроку (*Hata Shunroku*) в одной из своих бесед в конце марта 1938 г. дал понять, что японские военные выступают за создание локальных китайских правительств, но сомневаются в возможности образования общекитайского правительства, принимая во внимание жёсткую позицию значительной части китайского насе-

ления в центральных провинциях страны, кроме Шанхая. Правда, генерал Хата считал целесообразным создать в будущем центральное китайское правительство, но конкретно в первом полугодии 1938 г. японцы столкнулись с нежеланием большей части китайской элиты идти на компромисс с Токио [1: д. 240, оп. 12451, л. 88, 505, 559; д. 215, оп. 12451, л. 20–22].

Центральное временное правительство (Центральный комитет, так оно точно называлось) было разделено на Пекинское и Нанкинское. Но экономикой оккупированных китайских территорий должен был управлять особый китайский комитет, подчинённый непосредственно японскому правительству и состоявший преимущественно из японцев [McClain J.L., 2002].

Полноценное центральное правительство Китая планировалось создать в будущем, надо понимать, после разгрома Гоминьдана. Главным препятствием на пути создания единого прояпонского китайского правительства, по мнению японской стороны, была активность подпольщиков, которых японские власти называли террористами, – они ликвидировали китайцев-коллаборационистов в Шанхае. Судя по этому факту, центром китайского коллаборационизма выступал Шанхай [1: д. 240, оп. 12451, л. 89, 503].

По данным Госдепартамента США, японские военные власти уже в декабре 1937 г. заявляли об организации Временного китайского правительства, в состав которого уже тогда вошли бывшие лояльные до этого Гоминьдану мэр Пекина и директор Пекинско-Мукденской железной дороги [2, д.950]. Это правительство должно было приступить к работе с 1 января 1938 г. на всех оккупированных японцами территориях Китая. До 1939 г. Вашингтон относительно спокойно относился к военной агрессии Японии в Китае. Но многое стало меняться в дальневосточном векторе политики Госдепартамента после высадки японских войск на острове Хайнань в начале февраля 1939 г., так как возникла прямая угроза интересам США в Тихоокеанском регионе [3].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Китай до 7 декабря 1941 г. был, несомненно, главным актором в сопротивлении японскому милитаризму в Восточной Азии, в пользу чего говорит и сам характер войны. Японская армия не добилась блицкрига, как это сделал вермахт в Европе, несмотря на то, что японские силы значительно превосходили китайцев технически. Во многом это стало возможным в результате «запирания» японских войск в Шанхае на несколько недель и благодаря заранее созданным укреплениям и отработанной схеме действий китайских соединений. В этой связи напрашивается аналогия с Польской кампанией 1939 г., когда польская армия не сосредоточила в полосах своих укреплений достаточно войск, не создав предварительно на особо важных направлениях достаточно мощных препятствий для мобильных частей противника. Другим важным отличием европейского ТДВ от азиатского в конце 1930-х годов было то, что китайская сторона готова была активно сотрудничать по военно-экономическим вопросам с Советским Союзом, в то время как в случае с Польшей и западными демократиями такого сотрудни-

чества до нападения нацистской Германии на СССР не получилось. Напротив, из-за «зимней войны» отношения между СССР и англо-американским альянсом серьёзно осложнились. Таким образом, на Востоке возник общий фронт борьбы с фашизмом, а в Европе он образуется только после 22 июня 1941 г. Во многом причиной такого положения дел стал Мюнхенский договор, или, как его называют в России, Мюнхенский сговор [Burtneess P., Warren O., 2017].

США в начале Японо-китайской войны предпочитали придерживаться стратегии посредника между противоборствовавшими сторонами, причём их попытки посредничества, судя по всему, оказались крайне неудачными.

Третьим важным отличием китайского ТВД в 1937–1939 гг. от европейского в 1939–1941 гг. стало то, что Китай вовремя принял меры против агрессора. Когда японские экономика и вооружённые силы были ещё недостаточно подготовлены к затяжной войне, Япония не получила в должном количестве ни новых самолётов, ни бронетехники. Правда, сам Китай был хуже подготовлен к войне, нежели его противник. Однако при возникновении конфликтной ситуации, например, в начале вооружённого столкновения Японии с Китаем в конце 1939 г., Япония имела бы больше шансов на успех, обладая лучше модернизированными вооружёнными силами. В этой связи А. фон Фалькенхаузен был прав в том, что Япония оказалась в 1937 г. недостаточно подготовленной к затяжной войне. Во многом усилия Японии на китайском фронте сократили её возможности к ведению войны с Советским Союзом, что и показали события на Халхин-Голе [McSherry J., 1968].

ИСТОЧНИКИ

1. ЦА МО РФ, ф. 500, д. 197, 215, 231, 232, 240, 258, оп. 12451.
2. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1937, the Far East, Volume III. Available at: // <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1937v03/>
3. Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers, 1939, the Far East, Volume III. Available at: // <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1939v03/d98>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Базаров Б.В., Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Монголия и Вторая мировая война: современная монгольская историография. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2017. №3 (27).

Бобкова М.С. Понятие «историописание» в трудах М.А. Барга и современная история исторического знания. *Люди и тексты. Исторический альманах*. 2015. №7.

Болд Р. Международный военный трибунал для Дальнего Востока. «Японская операция на Халхин-Голе была агрессивной войной». *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. №1.

Бутанаев Э.В. Советско-монгольские отношения от Халхин-Гола до Ялтинской конференции. *Власть*. 2017. №6.

Го Сянган. Китай и СССР спасли человеческую цивилизацию, сражаясь плечом к плечу во Второй мировой войне. *Роль СССР и Китая в достижении победы во Второй мировой войне. Сборник материалов научной конференции*. М., Феде-

ральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук. 2012.

Григорьев О.В. Вопросы искажения истории Второй мировой войны: роль Китая в победе над милитаристской Японией. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2018. Т. 10. № 6-1. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-13-16

Зимонин В.П. Япония в развязывании Второй мировой войны. *Наука. Общество. Оборона*. 2018. №2 (15). Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshchestvo-oborona/2018-2-15/article-0148/> (accessed 11.02.2021 г.).

Зимонин В.П. Японо-германский прожект «Блок четырех против демократии» и советская дипломатия. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2014. № 23 (709).

Илиевский Н.В. «Ab ovo» или когда же началась Вторая мировая война? *Наука. Общество. Оборона*. 2020. №8 (4).

Катасонова Е.Л. Военнопленные Халхин-Гола. *Японские исследования*. 2018. №1.

Курас Л.В., Цыбенков Б.Д. Новые данные о разведывательной деятельности Японии и СССР в Монголии и Хулунбуире в годы Второй мировой войны. *Власть*. 2016. Т. 24. №11.

Ли Тяньцзы. К вопросу о значении антияпонского сопротивления китайского народа в мировой войне против фашизма. *Роль СССР и Китая в достижении Победы над фашизмом и японским милитаризмом во Второй мировой войне: тез. докл. Российско-китайской науч. конф. Москва, 5–6 мая 2015 г. М., Изд-во ИДВ РАН*. 2015.

Лян Юньсян. Оценка роли и места Китая во Второй мировой войне // *Роль СССР и Китая в достижении победы над фашизмом во Второй мировой войне. Тезисы докладов российско-китайской научной конференции. М., ИДВ РАН*. 2015.

Мильбах В.С., Назаренко И.С. Поставки советской авиационной техники Китайской Республике по «северному» маршруту как часть плана военнотехнического сотрудничества в 1937–1938 гг. *Известия Лаборатории древних технологий*. 2019. Т. 15. № 3. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Рябченко Н.П. Советско-китайское сотрудничество в антияпонской войне: этапы и проблемы. *Гуманитарные проблемы стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР)*. 2015. №3 (89).

Сафронов В.П. СССР, США и военная агрессия на Дальнем Востоке и Тихом океане, 1931–1945 гг. М.: Институт российской истории РАН, 2001.

Сеченов И.В. Неизвестный Халхин-Гол: подвиг артиллеристов. *Историко-экономические исследования*. Т. 20. №1. С. 66–79. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1)

Смирнов С.В., Буяков А.М. Михаил Натаров – русский «герой» Халхин-Гола. *Историко-экономические исследования*. 2019. Т. 20. №1. С. 54–65. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1)

Ху Цзиньтао. Выступление председателя КНР на встрече с российскими ветеранами 9 мая 2010 г. (полный текст): официальный сайт Генерального консульства КНР в Хабаровске. Available at: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t693510.htm> (accessed 29.04.2022).

REFERENCES

Bazarov B.V., Kuras L.V., Tsybenov B.D. Mongoliya i Vtoraya mirovaya vojna: sovremennaya mongol'skaya istoriografiya [Mongolia and the Second World War: Modern Mongolian Historiography] (in Russ.). *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS*. 2017. No.3 (27)

Bobkova M.S. Ponyatie "istoriopisanie" v trudax M.A. Barga i sovremennaya istoriya istoricheskogo znaniya [The concept of "historiography" in the works of M.A. Barga and the modern history of historical knowledge] (in Russ.). *People and Texts. Historical almanac*. 2015. No.7

Bold R. Mezhdunarodny`j voenny`j tribunal dlya Dal'nego Vostoka. "Yaponskaya operaciya na Xalxin-Gole by`laagressivnoj vojnoj" [International Military Tribunal for the Far East. "The Japanese operation on Khalkhin-Gol was an aggressive war"] (in Russ.). *Historical and economic studies*. 2019. Vol. 20. No.1

Bruce M. Russett. No Clear and Present Danger: A Skeptical View of U.S. Entry into World War II. New York: Harper and Row. 1972.

Burtness P., Warren O. Provocation and Angst: FDR, Japan, Pearl Harbor, and the Entry into War in the Pacific. *Hawaiian Journal of History*. 2017. Vol 51. No.11.

Butanaev E.V. Sovetsko-mongol'skie otnosheniya ot Xalxin-Gola do Yaltinskoj konferencii [Soviet-Mongolian relations from Khalkhin-Gol to the Yalta Conference] (in Russ.). *Power*. 2017. No. 6

Chang V.K.L. China's new historical statecraft: reviving the Second World War for national rejuvenation. *International Affairs*. 2022. doi.org/10.1093/ia/iia021 Available at: <https://academic.oup.com/ia/advance-article/doi/10.1093/ia/iia021/6549854> (accessed: 29.04.2022).

Ch'iHsi-Sheng. Nationalist China at War: Military Defeats and Political Collapse, 1937-45. Michigan, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1982.

Coox A. Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. Stanford: Stanford University Press. 1985. Vol. 1.

Gareev M.A. Ob ob`ektivnom osveshhenii voennoj istorii Rossii: doklad, prochitanny`j 15 iyunya 2006 g. na zasedanii rabochej gruppy` Rossijskogo Orgkomiteta "Pobeda" [On objective coverage of the military history of Russia: a report read on June 15, 2006 at a meeting of the working group of the Russian Organizing Committee "Victory"] (in Russ.). *New and modern History*. 2006. No. 5

Grigoriev O.V. Voprosy` iskazheniya istorii Vtoroj Mirovoj Vojny`: rol` Kitaya v pobede nad militaristskoj Yaponiej [Issues of distortion of the history of the Second World War: the role of China in the victory over militaristic Japan] (in Russ.). *Historical and socio-educational thought*. 2018. Vol. 10. No.6-1. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-6/1-13-16

Guo Xianggang. Kitaj i SSSR spasli chelovecheskuyu civilizaciyu, srazhayas` plechom k plechu vo Vtoroj mirovoj vojne [China and the USSR saved human civilization by fighting shoulder to shoulder in World War II] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving victory in World War II. Collection of materials of the scientific conference. Moscow: IDV RAN, 2012

Ilievsky N.V. "Ab ovo" ili kogda zhe nachalas` Vtoraya mirovaya vojna? ["Ab ovo" or when did the Second World War begin?] (in Russ.). *Science. Society. Defense*. 2020. No.8 (4). DOI: 10.24411/2311-1763-2020-10263

Herbert F. The Road to Pearl Harbor. The Coming of the War between the United States and Japan. Princeton: Princeton University Press. 1950.

Herzog J.H. Influence of the United States Navy in the Embargo of Oil to Japan, 1940–1941. *Pacific Historical Review*. 1966. Vol. 35. Aug. No. 3.

Hu Jintao. Speech by the President of the People's Republic of China at a meeting with Russian veterans on May 9, 2010 (full text): official website of the Consulate General of the People's Republic of China in Khabarovsk. Available at: <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t693510.htm> (accessed: 04.29.2022).

Katasonova E.L. Voennoplenny`e Xalxin-Gola [Prisoners of war Khalkhin-Gol] (in Russ.). *Japanese studies*. 2018. No.1

Kuras L.V., Tsybenov B.D. Novy`edanny`e o razvedy`vatel`noj deyatel`nosti Yaponii i SSSR v Mongolii i Xulunbuire v gody` Vtoroj mirovoj vojny` [New data on the intelligence activities of Japan and the USSR in Mongolia and Hulunbuir during the Second World War] (in Russ.). *Power*. 2016. Vol. 24. No.11

Li Tianzi. Ocenka roli i mesta Kitaya vo Vtoroj mirovoj vojne. Rol` SSSR i Kitaya v dostizhenii pobedy` nad fashizmom vo Vtoroj mirovoj vojne [On the question of the significance of the anti-Japanese resistance of the Chinese people in the World War against fascism] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving Victory over fascism and Japanese militarism in World War II: tez. dokl. Russian-Chinese Scientific Conf. Moscow, May 5–6, 2015. Moscow: IDV RAN. 2015.

Liang Yunxiang. Ocenka roli i mesta Kitaya vo Vtoroj mirovoj vojne [Assessment of the role and place of China in World War II] (in Russ.). The role of the USSR and China in achieving victory over fascism in World War II Abstracts of reports of the Russian-Chinese scientific conference. Moscow: IDV RAN. 2015

Long J. E. The Japanese Literati and the "China Incident": Hayashi Fusao Reporting the Battle of Shanghai in the Sino-Japanese Studies. Vol. XV. 2003.

McClain J.L. Japan: A Modern History. New York: W.W. Norton & Company, 2002.

McSherry J. Stalin, Hitler and Europe. The Origins of World War II 1939–1945. Vol. 1. USA, Cleveland (Ohio): World Pub'g. Co. 1968.

Milbach V.S., Nazarenko I.S. Postavki sovetskoj aviacionnoj texniki Kitajskoj Respublike po "severnomu" marshrutu kak chast` plana voenno-texnicheskogo sotrudnichestva v 1937-1938 gg. [Deliveries of Soviet aviation equipment to the Republic of China along the "northern" route as part of the plan of military-technical co-operation in 1937-1938] (In Russ.). *Izvestiya Laboratory of Ancient Technologies*. 2019. Vol. 15. No.3. DOI: 10.21285/2415-8739-2019-3-209-220

Rodriguez R.L. Journey to the East: The German Military Mission in China, 1927–1938: Dissertation presented in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University. The Ohio State University. 2011.

Russian-Chinese relations in the XX century. Vol. IV. Soviet-Chinese relations. 1937-1945. Book 1: 1937-1944. / Ed. by S.L. Tikhvinsky. M.: Monuments of historical thought. 2000.

Ryabchenko N.P. Sovetsko-kitajskoe sotrudnichestvo v antiyaponskoj vojne: e`tapy` i problemy` [Soviet-Chinese cooperation in the anti-Japanese war: stages and problems] (In Russ.). Humanitarian problems of the countries of the Asia-Pacific region (APR). 2015. No.3 (89).

Safronov V.P. SSSR, SShA i voennaya agressiya na Dal`nem Vostoke i Tixom okeane, 1931-1945 gg. [USSR, USA and military aggression in the Far East and the Pacific Ocean, 1931-1945] (in Russ.). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 2001

Sechenov I.V. Neizvestny`j Xalxin-Gol: podvig artilleristov [Unknown Khalkhin-Gol: feat of gunners]. *Historical and economic research*. Vol. 20. No.1. P. 66-79. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1) (in Russ.).

Smirnov S.V., Buyakov A.M. Mixail Natarov – russkij “geroj” Xalxin-Gola [Mikhail Natarov - the Russian "hero" of Khalkhin-Gol] (in Russ.). *Historical and economic research*. 2019. Vol. 20. No.1. P. 54-65. DOI: 10.17150/2308-2588.2019.20(1).

Scott D. Sagan. The Origins of the Pacific Wars, in Robert I. Rotberg and Theodore K. Rabb, eds. The Origin and Prevention of Major Wars. New York: Cambridge University Press. 1989.

Whitney M.D. A military analysis of the Battle of Shanghai 13 August – 8 November 1937. A Thesis Presented to the Faculty of the Graduate School of Cornell University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Master of Arts. 2000.

Wohlstetter R. Pearl Harbor: Warning and Decision. Stanford, USA: Stanford University Press. 1962.

Zimonin V.P. Yaponiya v razvyazy`vanii Vtoroj mirovoj vojny` [Japan in the outbreak of the Second World War] (in Russ.). *Nauka. Society. Defense*. 2018. No.2 (15). Available at: <https://www.noo-journal.ru/nauka-obshestvo-oborona/2018-2-15/article-0148> (accessed 11.02.2021).

Zimonin V.P. Yaponogermanskij prozhekt “Blok chety`rex protiv demokratii” i sovetskaya diplomatiya [The Japanese-German project "The Block of Four against Democracy" and Soviet diplomacy] (in Russ.). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*. 2014. No.23 (709).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ЕРМАКОВ Дмитрий Николаевич, доктор экономических наук, доктор политических наук, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник центра мировой политики и стратегического анализа Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).
Российская Федерация, 117997, Москва,

Dmitry N. ERMAKOV, Doctor of Sciences (Economics), Doctor of Political Sciences, Candidate of Sciences (History), Chief Researcher at the Center for World Politics and Strategic Analysis of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).
32, Nakhimovsky prospect, Moscow,

Нахимовский проспект, д. 32;
профессор кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.
Российская Федерация, 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 27.

ПОПОВ Григорий Германович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра изучения военной экономики Школы актуальных гуманитарных исследований РАНХиГС при Президенте РФ.

Российская Федерация, 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82;

старший научный сотрудник Управления по научно-исследовательской деятельности «Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)».

Российская Федерация, 109004, Москва, Земляной Вал, д. 73.

КАЗЕНКОВ Олег Юрьевич, специалист отдела научной экспертизы и проектной работы Института Китая и современной Азии Российской академии наук (ИКСА РАН).

Российская Федерация, 117997, Москва, Нахимовский проспект, д. 32;

советник ректора ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова».

Российская Федерация, 150003, Ярославль, ул. Советская, д. 14.

117997, Russian Federation;

Professor of the Department of the History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Moscow State University named after M.V. Lomonosov.
27, Lomonosovsky prospect, Moscow, 119192, Russian Federation.

Grigory G. POPOV, Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher at the Center for the Study of the Military Economy of the School of Contemporary Humanitarian Studies, RANEPa under the President of the Russian Federation.

82, Vernadsky prospect, Moscow, 119571, Russian Federation;

Senior Researcher, Department for Research Activities, Moscow State University of Technology and Management named after K.G. Razumovsky (First Cossack University).

73, Zemlyanoy Val, Moscow, 109004, Russian Federation.

Oleg Yu. KAZENKOV, Specialist of the Department of Scientific Expertise and Design Work of the Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences (IKSA RAS).

32, Nakhimovsky prospect, Moscow, 117997, Russian Federation;

Advisor to the Rector of FGBOU VO "Yaroslavl State University named after P.G. Demidov".

14, Soviet St., Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Статья поступила в редакцию / Received 05.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 17.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 19.10.2022.

УДК 94 (47)

DOI: 10.31857/S2686673023010066

EDN: GZQBTД

В поисках себя и дикой природы. Теодор Рузвельт в Северной Дакоте

С.В. Виватенко

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
Российская Федерация, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13.*

РИНЦ ID: 288029

ORCID: 0000-0002-2989-8868 e-mail: svivat@bk.ru; tntslp@mail.ru

Т.Е. Сиволап

*Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
Российская Федерация, 191119, Санкт-Петербург, ул. Правды, 13.*

РИНЦ ID: 434585

ORCID 0000-0002-2989-8868 e-mail: tntslp@mail.ru

Резюме. Статья посвящена сложному этапу в судьбе Теодора Рузвельта, его жизни в «Бесплодных землях» Северной Дакоты, где он впервые появился в сентябре 1883 г., чтобы поохотиться на бизонов. Очарованный Дакотой, Рузвельт решил вложить 14 тыс. долларов в покупку ранчо Чимни Батт, которое позднее переименовал в ранчо «Мальтийский крест». Рузвельт поручает управление землями Сильвейну Феррису и Биллу Меррифилду, которые на вновь приобретённых землях построили для Т. Рузвельта коттедж «Мальтийский крест» – одноэтажный домик с черепичной крышей, чердаком и подвалом. Охота и скотоводство на территории Дакоты оказались очень полезным этапом для формирования взглядов будущего президента. В течение нескольких последующих лет Рузвельт путешествовал между Нью-Йорком и ранчо. Осенью 1884 г. он включается в предвыборную кампанию, затем возвращается в Дакоту, чтобы помочь сформировать региональную ассоциацию скотоводов для защиты интересов владельцев ранчо и был избран председателем Ассоциации. Хотя скотоводческое предприятие в «Бесплодных землях» Северной Дакоты оказалось для Рузвельта финансовой катастрофой, приобретенный опыт оказался бесценным. В 1887 г., опираясь на этот опыт, Т. Рузвельт организовал американскую некоммерческую организацию, выступающую за честную охоту в поддержку сохранения среды обитания. В настоящее время этот клуб является старейшей в Северной Америке организацией по сохранению дикой природы. Рузвельт разработал «Заявление об этике охотников». В 1901 г. Теодор Рузвельт стал 26-м президентом США и, фактически, одним из величайших защитников природы.

Ключевые слова: Теодор Рузвельт, Северная Дакота, политика, животноводство, «Бесплодные земли», экология

Для цитирования: Виватенко С.В., Сиволап Т.Е. В поисках себя и дикой природы. Теодор Рузвельт в Северной Дакоте. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53(1):94-101. DOI: 10.31857/S2686673023010066 EDN: GZQBTД

**In search of oneself and wildlife.
Theodore Roosevelt in North Dakota**

S.V. Vivatenko

Saint Petersburg State Institute of Film and Television

13, Pravda Street, St. Petersburg, 191119, Russia

РИИЦ ID: 288029

ORCID: 0000-0002-2989-8868

e-mail: svivat@bk.ru; tntslp@mail.ru

T.E. Sivolap

Saint Petersburg State Institute of Film and Television

13, Pravda Street, St. Petersburg, 191119, Russia

РИИЦ ID: 434585

ORCID 0000-0002-2989-8868 e-mail: svivat@bk.ru; tntslp@mail.ru

Abstract. The article is dedicated to the complex stage in the fate of Theodore Roosevelt, his life in the «Badlands» of North Dakota, where he first appeared in September 1883 to hunt bison. Literally, we can say at first glance he fell in love with these places. Fascinated by Dakota, Roosevelt decided to invest 14 thousand dollars in the purchase of the Chimney Butte Ranch, later renamed the Maltese Cross Ranch. Roosevelt turned the management of the lands over to Sylwane Ferris and Bill Merrifield, who built for T. Roosevelt a one-story house with a tiled roof, an attic and a basement - called the Maltese Cross Cottage on the newly acquired lands. Hunting and cattle breeding in Dakota turned out to be a very useful stage for the formation of the views of the future president. Over the next few years, Roosevelt traveled between New York and the ranch in Dakota. In the fall of 1884, he took part in the election campaign, then returned to Dakota to help form the regional association of cattle breeders to protect the interests of the ranchers and was elected chairman of the association. Although the cattle -breeding enterprise in the «Badlands» of the Northern Dakota turned out to be a financial disaster for Roosevelt, the experience gained was invaluable. In 1887, relying on his Dakota experience, T. Roosevelt organized a non -profit organization advocating for fair hunting in support of the habitat conservation. Currently, this club is the oldest wildlife conservation organization in North America. Roosevelt developed Hunter Ethics Statement. In 1901, Theodore Roosevelt became the 26th president of the United States and, in fact, one of the greatest conservationists.

Keywords: politics, investigation, legislation, crisis, power, harsh conditions, animal husbandry, «Badlands», president

For citation: Vivatenko S.V., Sivolap T.E. In search of yourself and wildlife. Teddy Roosevelt in North Dakota. *USA & Canada: Economics, Politics, Culture*. 2023; 53(1):94-101.

DOI: 10.31857/S2686673023010066

EDN: GZQBTD

Середина 80-х годов XIX века для Теодора Рузвельта выдалась очень трагической. В 1880 г. он женился на светской львице Элис Хэтэуэй Ли [1]. 12 февраля 1884 г. в их семье появилась на свет дочь, которую называли Элис Ли. Но семейное счастье длилась недолго. Через два дня молодая мать умерла от почечной недостаточности, вызванной болезнью Брайта, которая усугубилась из-за беременности. В своём дневнике Рузвельт поставил на странице большой крест и написал: «В моей жизни погас свет» [1]. Но это была не единственная потеря для Теодора Рузвельта. Его мать, Митти, умерла от брюшного тифа одиннадцатью часами ранее в том же доме на 57-й улице Манхэттена в Нью-Йорке. Обезумевший от горя Рузвельт оставил маленькую Элис на попечении своей сестры Бэми [2:154-

158]. Всю оставшуюся жизнь он редко вспоминал о своей жене и не писал о ней в своей автобиографии [3: 232].

После смерти жены и матери Рузвельт попытался забыться и окунулся в политику. Он сосредоточился на своей депутатской работе в Законодательном собрании штата Нью-Йорк, в частности попытался активизировать законодательное расследование коррупции в правительстве штата. [3: 233.]. Но из-за сильного сопротивления проправительственного лобби штата это ему не удалось. К тому же он поставил на кандидата в президенты от Демократической партии, который проиграл «праймериз». Эти поражения стали последней каплей, переполнившей чашу терпения Рузвельта. Сломленный ударами судьбы он решает покинуть Нью-Йорк.

В поисках уединения и времени для исцеления он отправился в «глубинную Америку», выбрав для этого Северную Дакоту, чтобы заняться там разведением крупного рогатого скота. До этого момента Теодор Рузвельт был городским жителем, а кроме того, с детства у него были проблемы со здоровьем из-за сильной астмы. Он решил изменить образ жизни, сделав его более напряжённым. Рузвельт захотел ощутить «ковбойскую» жизнь, с её суровой мужественностью и отсутствием городского комфорта. Так он попытался вытеснить всё горе и неудачи последних лет и «перезапустить» свою жизнь.

Рузвельт впервые приехал в «Бесплодные земли» (*Badlands*) Северной Дакоты, чтобы поохотиться на бизонов в сентябре 1883 года. Во время первой поездки, которая продлилась всего 15 дней, он поймал своего первого зубра и влюбился в суровый образ жизни и «совершенную свободу» Запада. Очарованный Дакотой, Рузвельт решил вложить 14 тыс. долл. в покупку ранчо Чимни Батт (*Chimney Butte Ranch*). После приобретения он переименовал его в ранчо «Мальтийский крест». Зимой 1883 г. Рузвельт поручил управление своими землями Сильвейну Феррису и Биллу Меррифилду, которые в семи милях к югу от городка Медора (Северная Дакота) построили для Теодора коттедж «Мальтийский крест» – одноэтажный домик с черепичной крышей, чердаком и подвалом. Построенная из прочных сосновых брёвен хижина в своё время считалась чем-то вроде «особняка» с деревянными полами и тремя отдельными помещениями (кухней, гостиной и спальней). Крутая скатная крыша, редкость для северных равнин, покрывала чердак со спальней рабочих ранчо.

Вот как Рузвельт описывал свой новый дом: «Мое родное ранчо стоит на берегу реки. С низкой длинной верандой, затенённой тополями, видишь через песчаные отмели полосу луга, за которой возвышается ряд отвесных скал и травянистых плато. Эта веранда – приятное место летними вечерами, когда прохладный ветерок гуляет вдоль реки и дует в лица усталым мужчинам, развалившимся в креслах-качалках, с книгой в руке, – хотя они не часто читают книги, – но мягко покачиваются, сонно глядя на причудливые холмы напротив, пока их резкие очертания не становятся нечёткими и багровыми в отблесках заката» [4: 211].

Для этого дома Рузвельт приобрёл свой любимый стул – кресло-качалку. В дальнейшем, где бы он ни жил, вплоть до Белого дома, у Рузвельта всегда был

такой стул. Будучи президентом, он заявил: «Какому настоящему американцу не нравится кресло-качалка?» [5].

Будущему президенту нравился активный образ жизни на открытом воздухе, и на своём ранчо он принимал активное участие в жизни всех проживающих ковбоев. Но Рузвельта, переживавшего свою трагедию, не устроила близость ранчо к цивилизации (7 км от города), и невозможность уединиться послужила стимулом для следующего шага.

Прибыв весной 1884 г. из Нью-Йорка в Северную Дакоту, он приобрёл себе второе поместье – ранчо Элхорн. В 35 милях к северу от Медоры, на реке Малая Миссури, для работы он нанял двух лесорубов из штата Мэн – Билла Сьюэлла и Уилмота Доу, с которыми познакомился во время охоты на границе с Канадой.

В марте 1884 г. Рузвельт написал Биллу Сьюэлли: «Я надеюсь, что моё западное предприятие окажется успешным. Если это произойдет, и я уверен, что вы преуспеете, пойдя со мной, я возьму вас и Доу в следующем августе. Конечно, это зависит от того, насколько хорошо скот пережил зиму. Погода была очень суровой, и я боюсь, что он несколько пострадал. Если потери были очень тяжёлыми, мне придётся подождать ещё год... Так что пока план сомнительный» [6: 231].

Зимой 1884–1885 г. Сьюэлл и Доу построили для Рузвельта длинный низкий бревенчатый дом размером 30 на 60 футов, со стенами высотой в семь футов. Он состоял из восьми комнат и крыльца вдоль восточной стены. Рядом было построено несколько других зданий: сарай, состоящий из двух конюшен 16 на 20 футов с крытым пространством высотой 12 футов, соединяющим их; хлев для скота; курятник и кузнечная мастерская [6: 231].

Во время своего пребывания там Рузвельт пережил немало приключений. Так, весной 1886 г. воры украли его лодку, которая была привязана на пристани ранчо. Сьюэлл и Доу наскоро построили плот и вместе с Рузвельтом отправились вниз по реке, чтобы поймать воров. Когда они это сделали, Рузвельт с дробовиком конвоировал их по суше до полицейского участка в Дикинсоне (Северная Дакота) и всё время держал трёх злоумышленников под прицелом. В участке он получил вознаграждение в размере 50 долларов, чем впоследствии очень гордился [7].

Не следует думать, что Рузвельт, находясь на Диком Западе не думал о возврате на восточное побережье в качестве журналиста и политика национального уровня. Он сделал из своего добровольного изгнания эффектную пиар-компанию. Рузвельт подробно описывал свой новый ковбойский опыт во множестве статей в газетах и журналах восточного побережья. За время «Дакотской ссылки» он написал три главных произведения о своей жизни на Западе: «Жизнь на ранчо и охотничья тропа» (*Hunting Trips of a Ranchman, Ranch Life*), «Охотничья тропа» (*Hunting Trail*) и «Охотник на дикой природе» (*The Wilderness Hunter*) [8]. Эти произведения принесли Рузвельту широкую популярность.

Охота и скотоводство на территории Дакоты оказались эффективным лекарством для скорбящего политика. В течение следующих нескольких лет Рузвельт ездил между Нью-Йорком и своими ранчо в Дакоте. Осенью 1884 г. он снова включился в предвыборную кампанию, затем вернулся в Дакоту, чтобы помочь сформировать региональную ассоциацию скотоводов для защиты интересов

владельцев ранчо. Несмотря на свою молодость и неопытность, он был избран председателем ассоциации, проявив природенные лидерские качества. Проведя большую часть зимы в Нью-Йорке, он вернулся в «Бесплодные земли» в апреле 1885 г. для весенней охотничьей облавы. В конце года Рузвельт начал ухаживать за Эдит Кэроу, в которую был влюблён с детства. В его жизни значение ранчо постепенно становилось все меньше, поскольку его нью-йоркская жизнь и карьера снова шли бурно и стремительно. «Бесплодные земли» зажгли огонь в избранной душе Рузвельта.

В своей книге «Охотничьи походы человека с ранчо» Рузвельт отмечал, что животноводство в «Бесплодных землях» неустойчиво. Владельцы ранчо заполнили все дакотские равнины скотом, так как регулирование численности голов животных не производилось. В результате многие равнины оскудели.

Поздняя оттепель и жаркое лето 1886 г сократили и так короткий вегетационный период. Лесные пожары нанесли ущерб нескольким графствам штата, и к зимовке скот недополучил мясную массу, а у владельцев ранчо было мало корма, чтобы прокормить скот.

Зима 1886-1887 гг. выдалась необычайно суровой. Одна метель за другой быстро засыпали то, что осталось от пастбищ, и крупный рогатый скот был обнаружен «замороженным до смерти на месте» при температуре, доходившей до минус сорока градусов. После того, как растаял снег, мертвых животных стали находить на деревьях, поскольку прежде чем замерзнуть они поднимались по массивным сугробам, чтобы добраться до съедобных веток.

2 декабря 1886 г. Рузвельт женился в Лондоне на Эдит Кермит Кэроу, после чего отправился в свадебное путешествие по Европе. В Медору он вернулся весной 1887 года [9]. Там Рузвельт обнаружил, что потерял более половины своего скота. Убытки составили 80 тыс. долларов [Белявская И.А. 1978]. Если раньше он думал, что его значительные вложения окупятся, то теперь хотел хотя бы свести к минимуму свои убытки. Вскоре он написал своей сестре Бэми: «Я планирую уйти [из скотоводческого бизнеса. – *Авт.*]» [1].

Рузвельт продал свои доли в «Мальтийском кресте» своим партнёрам и стал постепенно избавляться от Элхорна. Хотя его ранчо использовалось для многочисленных экскурсий и охотничьих поездок, он сосредоточил свои силы на сочинительстве и политике. Он закончил распродавать свои земли в Элхорне к 1898 году. Когда началась испано-американская война, Рузвельт ушёл в действующую армию.

Хотя скотоводческое предприятие обернулось для Рузвельта финансовой катастрофой, физически и психологически приобретённый опыт оказался бесценным. Рузвельт стремился проверить свой характер и свою мужественность в исключительно суровой части Запада и, безусловно, преуспел в этом. Всегда сильный умом и рассудком, он доказал, что также силен телом и характером. Худощавый нью-йоркский джентльмен показал, что он может работать и жить в суровых условиях пограничья.

Когда Рузвельт приехал в Северную Дакоту, местные жители порой насмеялись над ним, однако вскоре он приобрёл у них известность и уважение, а по-

том и восхищение. Рузвельт к окружающим относился очень искренне, умел выстраивать взаимоотношения со всеми людьми, не зависимо от их социального статуса, и все это стало основой его дальнейшего политического успеха. Его энтузиазм по поводу ковбойской жизни побудил его сформировать полк «Мужественные всадники» (*Rough Riders*), легендарное кавалерийское подразделение, которое принесло Рузвельту национальное признание во время испано-американской войны.

Его приключения, связанные с напряжённой жизнью на открытом воздухе, а также потеря скота голодной зимой 1886–1887 гг. сыграли важную роль в его стремлении к возвращению в политику и в выдвижении на пост президента Соединённых Штатов (1901–1909).

Следует отметить, что крах животноводства и его жизненный опыт на дикой природе начали укреплять его в необходимости охраны природы, что впоследствии стало краеугольным камнем его политической карьеры. Опыт в Дакоте оставил неизгладимый след в сердце Рузвельта, хотя он не возвращался туда часто и надолго после 1887 года. Рузвельт считал «Бесплодные земли» местом, где «начался роман его жизни». Эти земли, которые он полюбил, стали не только частью его прошлого, но и ступенькой для будущего.

В 1887 г., опираясь на свой дакотский опыт, Теодор Рузвельт организовал «Клуб Буна и Крокетта» (*The Boone and Crockett Club*) – американскую некоммерческую организацию, выступающую за честную охоту в поддержку сохранения среды обитания. В декабре того же года он устроил обед в своём доме в Нью-Йорке, на котором присутствовали 10 его друзей – все любители охоты. Среди присутствующих был журналист, натуралист и антрополог Джордж Берд Гриннелл, в то время редактор ведущего охотничьего журнала *Field and Stream*. На ужине Теодор Рузвельт предложил гостям создать организацию по спортивной стрельбе и для работы по сохранению крупной дичи в Северной Америке. В феврале 1888 г. его избрали президентом клуба.

В настоящее время этот клуб является старейшей в Северной Америке организацией по сохранению дикой природы. Рузвельт назвал клуб в честь охотников – героев того времени, Дэниела Буна и Дэви Крокетта, которых основатели клуба считали новаторами. Они много охотились, открывая Дикий Запад, но осознали последствия чрезмерного промысла дичи. В дополнение к знаменитой «честной охоте» (*Fair Chase*) Рузвельт разработал «Заявление об этике охотников», где написано: «В основе всей охоты лежит концепция сохранения природных ресурсов. Современная охота включает в себя регулируемую добычу отдельных животных таким образом, чтобы сохранить, защитить и увековечить охотничью популяцию, что известно, как устойчивое использование. Охотник вступает в отношения один на один с добычей, и его или её охота должна руководствоваться иерархией этики, связанной с охотой, которая включает следующие принципы:

Соблюдайте все применимые законы и правила.

Уважайте обычаи местности, где происходит охота.

Следуйте личному кодексу поведения, который благоприятно отражается на ваших способностях и чувствах охотника.

Достигните и поддерживайте навыки, необходимые для того, чтобы убийство было как можно более точным и быстрым.

Ведите себя так, чтобы не опозорить ни охотника, ни добычу, ни окружающую среду.

Признайте, что эти принципы предназначены для того, чтобы улучшить опыт охотника в отношениях между хищником и добычей, которые являются одними из самых фундаментальных отношений людей и их окружающей среды» [Белявская И. А. 1978]. Клуб работал над расширением и защитой национальных парков, в частности Йеллоустонского национального парка, и созданием американской охраны природы в целом. На базе клуба также была создана Национальная служба парков и национальных лесов [The Wildlife Society – The North American Model of Wildlife Conservation and Public Trust Doctrine].

В 1901 году Теодор Рузвельт стал 26-м президентом США и одним из первых известных защитников природы. Позже он заявлял: «Я не был бы президентом, если бы не мой опыт в Северной Дакоте».

ИСТОЧНИКИ

1. Personal diary of Theodore Roosevelt, 1881. Theodore Roosevelt Papers. Library of Congress Manuscript Division. Available at: <https://www.theodorerooseveltcenter.org/Research/Digital-Library/Record?libID=o288503>.

Theodore Roosevelt Digital Library. Dickinson State University

2. Miller Nathan (1992). Theodore Roosevelt: A Life, William Morrow & Co.

3. Morris Edmund (1979). The Rise of Theodore Roosevelt, vol. 1. To 1901.

4. Из кн.: Рузвельт Теодор «Охотничьи поездки владельца ранчо» (Hunting Trips of a Ranchman).

5. Roosevelt Theodore. *Encyclopædia Britannica*. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Theodore_Roosevelt%27s_Maltese_Cross_Cabin accessed 21.06.2022).

6. Brands Henry William (1997). TR: The Last Romantic (full biography), New York: Basic Books.

7. Kenneth C. Davis. Don't Know Much About History: Everything You Need to Know About American History But Never Learned. – Crown Publishers, 1990. Available at: <https://en.wikipedia.org/wiki/> (accessed 21.06.2022).

8. Roosevelt Theodore. Hunting Trips of a Ranchman & The Wilderness Hunter Paperback. 1998

Theodore Roosevelt. Ranch Life and the Hunting-Trail. 2004.

Theodore Roosevelt. The Wilderness Hunter. 2014.

9. Thayer William Roscoe (1919). Theodore Roosevelt: an intimate biography, Houghton Mifflin.

10. «Boone and Crockett Club. Available at: Boone-crockett.org.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белявская И.А. Теодор Рузвельт и общественно-политическая жизнь. США. – М., 1978.
- Рузвельт Теодор // *Большая советская энциклопедия*: [в 30 т.] / под ред. А. М. Прохорова. – 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969.
- Уткин А.И. Теодор Рузвельт: Политический портрет. – Свердловск, 1989.
- Уткин А.И. Теодор Рузвельт. – М.: Эксмо, 2003.

REFERENCES

- Belyavskaya I.A. Theodore Roosevelt and social and political life. USA. – M., 1978.
- Roosevelt Theodor // *Great Soviet Encyclopedia*: [in 30 volumes] / ed. A. M. Prokhorova. – 3rd ed. – M.: Soviet Encyclopedia, 1969.
- Utkin A. I. Theodore Roosevelt: A Political Portrait. – Sverdlovsk, 1989.
- Utkin A. I. Theodore Roosevelt. – M.: Eksmo, 2003.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

ВИВАТЕНКО Сергей Валентинович, кандидат исторических наук, доцент, доцент ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», кафедра гуманитарных и общественных наук, г. Санкт-Петербург, Россия

СИВОЛАП Татьяна Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения», кафедра проектной деятельности в кинематографии и телевидении, г. Санкт-Петербург, Россия

Sergey V. VIVATENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, Department of Humanities and Social Sciences, St. Petersburg, Russia

Tatyana E. SIVOLAP, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor, St. Petersburg State Institute of Cinema and Television, Department of Project Activities in Cinematography and Television, St. Petersburg, Russia

Статья поступила в редакцию / Received 13.09.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 29.09.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 01.10.2022.

УДК 33.334

DOI: 10.31857/S2686673023010078

Глобализация как угроза для американских промышленных предприятий в эпоху цифровой экономики

Л.А. Конарева

Институт США и Канады им. академика Г.А. Арбатова РАН (ИСКРАН)

Российская Федерация, 121069 Москва, Хлебный пер., д. 2/3.

РИНЦ ID: 519817

ORCID: 0000-0001-5743-7607

e-mail: lkonareva@gmail.com

Резюме: В статье даётся определение понятия глобализация и перечисляются основные этапы этого процесса. Развитие научно-технического прогресса, внедрение новых технологий привело к возникновению с 1960-х годов транснациональных (ТНК) или многонациональных (МНК) корпораций. Упрощение производственных операций, возможность использовать низкоквалифицированный и даже малограмотный персонал, приводили к пространственному разъединению отдельных технологических процессов. Развитие транспортных и информационных коммуникаций способствовало реализации этих возможностей. Производственный процесс стало возможно безболезненно дробить и размещать отдельные технологические процессы в тех странах, где национальные факторы производства дешевле. Развитие информационных технологий и внедрение искусственного интеллекта в ряде случаев лишь обостряло ситуацию. Излагается история создания крупнейшей американской авиастроительной корпорации мира «Боинг» (*Boeing*). Перечислены причины, породившие проблемы в работе автопилота, которым был оснащён самолёт «Боинг-737 MAX 8». Эта система называется «Увеличение характеристик системы маневрирования» (*Maneuvering Characteristics Augmentation System - MCAS*). Недостатки в её работе были признаны главными причинами двух крупнейших катастроф этого авиаалайнера – 29 октября 2018 г. в Индонезии и 10 марта 2019 г. в Эфиопии, унёсших жизни 346 человек. Кроме того, указывается на чудовищную интенсификацию труда, как одну из причин ухудшения качества сборки самолётов «Боинг».

Ключевые слова: глобализация, конкуренция, корпорация «Боинг», автопилот, искусственный интеллект, аутсорсинг, интенсификация труда

Для цитирования: Конарева Л.А. Глобализация как угроза для американских промышленных предприятий в эпоху цифровой экономики. *США & Канада: экономика, политика, культура*, 2023; 53 (1): 102–114. DOI: 10.31857/S2686673023010078

EDN: HAISTU

Globalization as a Threat to American Industrial Enterprises in the Era of Digital Economy

Liudmila A. Konareva

Arbatov U.S. and Canada Institute, Russian Academy of Sciences.

2/3 Khleby per., 121069 Moscow, Russian Federation

РИНЦ ID: 519817

ORCID: 0000-0001-5743-7607

e-mail: lkonareva@gmail.com

Abstract : The article defines the concept of globalization and lists the main stages of this process. The development of scientific and technological progress, the introduction of new technologies has led to the emergence since the 1960s of the so-called transnational (TNC) or multinational (MNC) corporations. The simplification of production operations, when it became possible to use even low-skilled and semi-literate personnel, created opportunities for the spatial separation of individual technological processes. The development of transport and information communications contributed to the realization of these opportunities. The article describes the history of the creation of the largest American aircraft manufacturing corporation in the world Boeing.

The article describes the reasons that gave rise to problems in the autopilot, which was equipped with an aircraft of the American corporation Boeing-737 Max 8. This system is called the "Maneuvering Characteristics Augmentation System (MCAS)." The shortcomings in her work were recognized as the main reasons for the 2 largest crashes of this airliner - October 29, 2018 in Indonesia and March 10, 2019 in Ethiopia, which killed 346 people. In addition, monstrous labor intensification is indicated as one of the reasons for the deterioration in the assembly quality of Boeing aircrafts.

Keywords: globalization, competition, Boeing Corporation, autopilot, artificial intelligence, labor intensification, outsourcing

For citation: Liudmila A. Konareva. Globalization as a threat of American industrial enterprises in the era of the digital economy. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2023; 53 (1): 102-114. DOI: 10.31857/S2686673023010078 EDN: HAISTU

ВВЕДЕНИЕ

В XXI веке бизнес всех крупных капиталистических компаний осуществляется в глобальном масштабе. Понятие глобализация имеет множество определений. Суть её состоит во всемирном процессе **интеграции** между государствами в самых разных сферах деятельности.

Исследователи процесса глобализации насчитывают три периода в её развитии.

- С 1870 г. до 1920-х годов, когда началось развитие транспортных средств и произошло снижение протекционистских мер.
- Вторая волна продлилась с 1950 по 1980-е годы, когда активная экономическая интеграция проходила между Европой, Северной Америкой и Японией, которые усиливали торговлю между собой.
- Третья волна началась в 1980-х годах и продолжается в настоящее время. Её характеризуют передача технологий между странами, а также действия развивающихся государств по привлечению инвестиций крупного капитала транснациональных корпораций.

Развитие научно-технического прогресса, внедрение новых технологий привело к возникновению с 1960-х годов транснациональных (ТНК) или многонациональных (МНК) корпораций. В начале 70-х годов МНК контролировали в рамках капиталистического мира 90% зарубежных инвестиций, одну треть совокупного валового национального продукта и одну вторую внешнеторгового

оборота, а их ликвидные средства превышали в сумме активы всех центральных банков капиталистических стран.

Упрощение производственных операций, возможность использовать низкоквалифицированный персонал, создавали предпосылки для пространственного разъединения отдельных технологических процессов. Развитие транспортных и информационных коммуникаций способствовали реализации этих возможностей. Производственный процесс можно было безболезненно дробить и размещать отдельные технологические процессы в тех странах, где национальные факторы производства дешевле.

Существует мнение, что глобализация является эффективным инструментом разделения труда.

Это не всегда так. Здесь надо разбираться с самим понятием эффективности и в смысловом контексте конкретно употребляемого термина.

Дело в том, что в английском языке есть несколько терминов – *efficiency*, *effectiveness*, *efficacy*, *productivity* – и все они на русский, как правило, переводятся словом «эффективность», хотя смысл у них разный и зависит от контекста.

В англоязычных источниках, посвящённых описанию сложившейся ситуации с компанией «Боинг» используется термин *efficiency*.

Значение этого термина в 3-м обновлённом глоссарии терминов, связанных с управлением качеством, *efficiency* определяется как отношение полезной работы, проделанной в процессе, к общему количеству использованных ресурсов [1: 25].

В этом определении важно то, что речь идёт о **полезной** работе, а именно такой подход характеризует качество. Работа, ведущая к ухудшению качества, не может считаться полезной.

Всемирно известный учёный, нобелевский лауреат Джозеф Стиглиц написал несколько книг, в которых на многочисленных фактах и примерах доказывает, что глобализация разрушает промышленность, способствует росту безработицы [Stiglitz. 2006]

Примером подобного разрушения является ситуация, сложившаяся в крупнейшей авиастроительной компании мира – американской фирме «Боинг».

ИСТОРИЯ КОМПАНИИ «БОИНГ»

Основанная в США в г. Сиэтл (штат Вашингтон) инженером по разработке и производству аэропланов Уильямом Боингом в 1917 г. «Боинг компании» (*The Boeing Company*) в течение последующих 100 лет была одной из крупнейших мировых производителей авиационной, космической и военной техники. Заводы компании расположены в 67 странах мира. Компания поставляет свою продукцию в 145 стран, сотрудничает с более чем 5 200 поставщиками в 100 странах.

В структуре организации функционируют два крупных подразделения:

- *Интегрированные системы защиты (Integrated Defense Systems)*, осуществляющее космические и военные программы.
- *Коммерческие самолёты «Боинг» (Boeing Commercial Airplanes)*, занимающееся строительством гражданских самолётов.

Последнее подразделение долгое время было лидером в производстве так называемых «рабочих лошадок» бюджетных перевозчиков.

С 1967 г. в производстве находился авиалайнер семейства – «Боинг-737». Это был очень удачный проект и с точки зрения конструкции самолёта, и с коммерческой точки зрения. Он был одним из самых распространённых пассажирских самолётов в мире. Было выпущено более 10 тыс. таких машин, и «Боинг-737» стал самым продаваемым лайнером всех времён. В 2018 г. из 806 поставленных покупателям коммерческих самолётов 580 были этой серии. Твёрдые заказы по итогам года составили 675 единиц [2].

Авиакомпания постоянно модифицирует свои машины. «Боинг 737 MAX» был обновлением конструкции 50-летней давности, и изменения должны были быть достаточно ограниченными, чтобы компания могла штамповать новые самолёты как «горячие пирожки», с небольшими изменениями для сборочных линий или авиакомпаний. «Боинг-737 MAX» получил новые двигатели – менее шумные, более экономичные, но заметно большего диаметра и большей мощности, чем его предшественники. Их пришлось вынести вперед и немного поднять, что изменило поведение самолёта в воздухе, при ручном управлении угол атаки возрастал выше определённого, срабатывала система, слегка отклонявшая рули высоты, направляя нос самолёта чуть вниз. Из-за конструктивных особенностей появилась потребность в разработке системы искусственного интеллекта, оснащение программой, которая помогала пилотам при ручном управлении «подруливать» самолёт, корректируя его положение в воздухе и направляя слегка вниз. Эта система называется «Увеличение характеристик системы маневрирования» (*Maneuvering Characteristics Augmentation System - MCAS*).

Именно она была установлена на самолёте модификации «737 MAX 8».

Модель была введена в эксплуатацию в 2011 г., с опозданием на три года и превысила бюджет на миллиарды долларов. Коммерческая эксплуатация самолётов линейки «Боинг-737» началась в 2017 г. «Боинг-737 MAX 8» стал лидером продаж, с мая 2017 г. поставлено было более 350 машин по всему миру, и компания ожидала 5 000 заказов.

С тех пор как в конце 1980-х годов европейский консорциум «Эрбас С.А.С» (*Airbus S.A.S*) выпустил самолёт A-320 для авиалиний малой и средней протяжённости, сертифицированный в конце февраля в Европе, а в декабре в США, «Боинг» и «Эрбас» стали глобальными конкурентами, при этом «Эрбас» значительно опережал соперника в конкурентной борьбе. По состоянию на февраль 2019 г., он получил 6 501 заказ и поставил 687 таких самолётов [3].

СМЕРТЕЛЬНЫЕ КАТАСТРОФЫ

Компания «Боинг» поставила задачу сократить производственные расходы, чтобы выпускать «экономичные самолёты», и у неё начались серьёзные проблемы.

В ночь на 1 сентября 2018 г. самолёт «Боинг-737 MAX 8», следовавший рейсом Москва – Сочи, выкатился со взлётно-посадочной полосы в реку, в результате

оказались разрушены крыло и шасси, загорелся левый двигатель. На борту лайнера находились 164 пассажира и шесть членов экипажа. В результате ЧП 18 человек получили травмы, трое из них были госпитализированы. Погиб сотрудник аэропорта, который помогал эвакуировать людей – у него случился сердечный приступ. СК возбудил уголовные дела, прокуратура начала проверку. По данным Международной авиационной комиссии (МАК), экипаж самолёта в Сочи после того, как сработали системы предупреждения о сдвиге ветра, «не отреагировал на эту информацию и продолжил снижение» [4].

29 октября 2018 г. через несколько минут после взлёта рухнул в море около Джакарты «Боинг-737 MAX 8», принадлежащий индонезийской авиакомпании «Лайонэйр». Погибли все находившиеся на борту – 181 пассажир и восемь членов экипажа. По итогам расследования выяснилось, что датчики угла атаки самолёта были в неисправном состоянии, из-за чего экипаж не мог корректно определить высоту и скорость полёта лайнера, при этом специалисты «Боинг» *не предупредили компании, эксплуатирующие эти самолёты, что были заменены электронные компоненты и внесены изменения в программное обеспечение, и пилотам не объясняли, как действовать при возникновении подобной проблемы* [5].

После аварии в Индонезии компания «Боинг» распространила официальное заявление, в котором сообщила, как именно действует система MCAS, а в феврале 2019 г. объявила, что как минимум до апреля откладывает работы по исправлению существующих недочётов из-за отсутствия единого мнения корпоративных и федеральных экспертов по безопасности относительно того, насколько масштабными должны быть изменения. Компания сообщила также, что самолёт «737 MAX 8» прошёл сертификацию в Федеральном управлении гражданской авиации (*Federal Aviation Administration – FAA, ФАА*). Это центральный орган государственного управления Соединённых Штатов Америки в области гражданской авиации и структурное подразделение Министерства транспорта США. Было открыто следствие, но управление, в свою очередь, подтвердило, что считает самолёт безопасным и не намерено запрещать его эксплуатацию.

Неисправности в самолёте после аварии в Индонезии не были устранены, хотя пилоты авиакомпании «Америкэн эйрлайнз» лично просили руководство авиакомпанера принять чрезвычайные меры и приостановить полёты «737 MAX 8». Руководители сопротивлялись и не хотели торопиться, заявив, что рассчитывают на пилотов, которые смогут сами справиться с проблемами. Но чтобы справиться с проблемой, надо знать о её существовании. Как выяснилось, на новом «Боинг-737 MAX 8» *функция оповещения пилотов о неисправности датчиков была платной* – на усмотрение заказчика. Хотя на предыдущих моделях она входила в обязательный пакет [6].

Самолёт «Боинг-737 MAX 8» компании «Эфиопиан эйрлайнз» 10 марта 2019 г. разбился через несколько минут после вылета из аэропорта Аддис-Абебы. На борту воздушного судна находились 149 пассажиров из 35 стран мира, среди них трое россиян, и восемь членов экипажа. Комментируя эти трагедии, заслуженный пилот российской авиации Ю.М. Сытник заявил, что «"Боинг" так заму-

дрил систему автоматического управления, что она не позволяет лётчикам её отключить, и сама вмешивается в безопасность полёта» [7].

Точный набор инструкций (алгоритм), описывающих порядок действий, заложенный в программу искусственного интеллекта, не всегда, особенно в критических ситуациях, адекватно воспринимается человеческим разумом.

Тренировки с помощью компьютерных программ и приборов, погружающих человека в виртуальную реальность, сильно отличаются от событий, происходящих в реальной жизни. Препятствие искусственного интеллекта передать управление процессом человеку приводит к авариям с человеческими жертвами и огромными материальными потерями.

Катастрофа «Боинг-737 MAX 8» в Эфиопии обрушила котировки акций корпорации. Авиационные власти Китая и Монголии приостановили эксплуатацию таких лайнеров. Ряд авиакомпаний других стран (всего около 20) приняли аналогичное решение. Американская авиакомпания «Америкэн эйрлайнз» вывела из эксплуатации весь свой флот «Боинг-737 MAX 8», насчитывающий 24 самолёта, что повлекло за собой отмену 90 рейсов согласно расписанию.

13 марта 2019 г. 45-й президент США Дональд Трамп распорядился прекратить полёты пассажирских самолетов «Боинг-737 MAX 8» до особого распоряжения. США стали последними в списке стран, приостановивших эксплуатацию этих лайнеров. Полёты были остановлены по всему миру.

Росавиация 14 марта 2019 г. заявила о запрете полетов «Боинг-737 MAX 8» в воздушном пространстве России.

Компания «Боинг» приостановила поставки самолётов и рекомендовала прекратить полёты подобных лайнеров до внесения изменений в систему MCAS, так как именно недочёты в её работе были признаны причиной обеих катастроф. Федеральная авиационная администрация и Федеральное управление гражданской авиации выпустило официальный приказ, сославшись на новые доказательства сходства между двумя авариями. Это решение коснулось трёх крупных авиакомпаний США – «Саусвест», «Юнайтед эйрлайнз» и «Америкэн эйрлайнз».

Выяснились, что в поведении самолётов, рухнувших в Индонезии и Эфиопии, были «похожие странности», а именно то, что машины не реагировали на команды системы MCAS, а пилоты, управлявшие разбившимися лайнерами, даже не подозревали как в некоторых ситуациях ведёт себя электроника, *поскольку в инструкции об этом не было сказано ни слова.*

Инженеры компании задолго до этих катастроф предупреждали о серьёзных недоработках системы MCAS. Они обменивались сообщениями в своих смартфонах, и один из них весьма нелестно охарактеризовал в апреле 2017 г. компьютерную систему управления лайнером «Боинг-737 MAX 8»: «Этот самолёт разработан клоунами, которые, в свою очередь, находятся под надзором обезьян». Из переписки следует также, что «Боинг» пыталась избежать обучения пилотов на тренажёрах для «737 MAX» – дорогостоящего и трудоёмкого процесса [8]. Несмотря на неоднократные просьбы лётчиков создать отдельный тренажёр для подготовки пилотов, корпорация этого так и не сделала. В результате некоторые

пилоты были вынуждены осваивать новую модель, тренируясь виртуально взлетать и садиться с помощью планшета *iPad*!

В январе 2020 г. компания обнаружила в программном обеспечении самолёта «737 MAX 8» новые недочёты, о которых раньше ничего не было известно. Во время технической проверки выяснилось, что у машины некорректно работает система, проверяющая работоспособность некоторых агрегатов перед полётом. Речь идёт о двух связках проводов, которые расположены так близко друг к другу, что в полёте из-за этого может произойти короткое замыкание, которое в свою очередь может привести к крушению авиалайнера [9].

Что же имел в виду специалист компании, назвавший разработчиков программного обеспечения «клоунами»?

АУТСОРСИНГ

Разработка «737 MAX 8» началась в 2009 г., и занимавшиеся этим инженеры жаловались на давление со стороны менеджеров. Выдвигались требования ограничить изменения, потенциально влекущие дополнительные издержки. С этой целью часть работы по созданию программного обеспечения была делегирована низкооплачиваемым контракторам. С развитием глобализации в организации производства возникло понятие «аутсорсинг». Аутсорсинг (*outsourcing*) – передача товара или услуги от внутреннего источника внешнему, зачастую иностранному. По словам В. Хильдермана, инженера по безопасности с 30-тилетним опытом, в число клиентов которого входят основные поставщики «Боинга», американские компании, занимающиеся авионикой, за последние несколько лет перенесли более 30% разработки своего программного обеспечения за границу. Типичный реактивный лайнер состоит из миллионов частей, и миллионов строк кода, и «Боинг» давно уже передала большую часть работы поставщикам, которые просто следуют детальным чертежам [10].

«Боинг» увольняла своих опытных инженеров и доверяла временным сотрудникам, зарабатывающим всего лишь 9 долл. в час, разрабатывать и тестировать своё программное обеспечение. Бывший инженер – программист «Боинга» Марк Рабин, входивший в группу тестирования самолётов серии «737 MAX 8» и уволенный в 2015 г., писал: «Я был шокирован, что в зале, заполненном парой сотен преимущественно старших инженеров, нам на полном серьёзе говорят, что мы не нужны...» [11]. К созданию программного обеспечения были привлечены работники из стран с неразвитым самолётостроением, а именно из Индии. Марк Рабин добавляет: «Вчерашние выпускники, нанятые на работу индийской компанией "Эйч-си-эл технолоджис" (*HCL Technologies Ltd*), занимают несколько рядов столов в офисах аэропорта "Боинг филд" в Сиэтле» (в этом аэропорту компания «Боинг» имеет свой ангар и проводит испытания самолётов). Иностранные программисты (кодеры), специализирующиеся на написании исходного кода, обычно делают это по заданным спецификациям, присланным из компании «Боинг». Марк Рабин оценивает это решение как «спорное», так как оно гораздо менее эффективно, чем просто дать писать код инженерам «Боин-

га». Он вспоминает, что «зачастую требовалось переделывать всё по несколько раз, поскольку код был написан неверно». Инженеры из той же индийской компании участвовали в разработке и тестировании программного обеспечения для основного пилотажного дисплея, а сотрудники другой индийской компании, «Сайент лтд.» (*Cyient Ltd.*), писали программы для контрольно-измерительных приборов, предназначенных для лётных испытаний. Тесты, проведённые Федеральным агентством гражданской авиации, выявили, что неполадки с программным обеспечением лежат на более глубоком уровне. Обнаружилась проблема с микросхемой, начинающей отдавать критически важные ответы с задержкой, если она перегружена запросами. Кроме того выяснилось, что сигнальная лампа, которая могла бы предупредить экипаж о проблеме с датчиком, была неправильно настроена в программном обеспечении полётного дисплея. Тут возникают большие вопросы к качеству самих систем кодирования и их передаче. Там могут постоянно возникать ошибки.

Начиная с запущенного в 2004 г. «Боинг-787 *Dreamliner*», компания *стремилась увеличить прибыль*, и вместо чертежей стала предоставлять высокоуровневые спецификации, а затем предлагать поставщикам самостоятельно прорабатывать детали. Идея заключалась в том, что «они — эксперты, и они позаботятся об этих вещах за нас», – свидетельствует Фрэнк Маккормик, бывший инженер по лётным испытаниям, называя такой подход «большой глупостью» [11].

«Проектирование стало превращаться в дешёвый товар», – пишет Хильдерман. Программисты компании, зарабатывавшие 35–40 долл. в час, были замещены «вчерашними выпускниками» на зарплату в 9 долл. в час, *но в реальности низкая цена за час обходится компании в 80 долл.*, из-за необходимости контроля и многочисленных возвратов заказов поставщикам, в которых нужно исправлять множество ошибок [11].

«Боинг» расширил также центр проектирования в Москве. В 2008 г. во время встречи с главным инженером, ответственным за «Боинг-787», один из сотрудников пожаловался, что 18 раз отправил чертежи команде в Россию, прежде чем они поняли, что детекторы дыма должны быть подключены к электрической системе. Таким образом, аутсорсинг давно стал большим местом для инженеров «Боинга». Многочисленные расследования, в том числе и уголовное, осуществлённое Министерством юстиции США, пытались выяснить, как и когда были приняты критические решения относительно программного обеспечения «737 MAX 8». Инженер-программист Питер Лемм, спроектировавший автопилот для «Боинг-767», отметил, что при разработке системы MCAS был нарушен принцип функциональной избыточности, который учитывает возможность проведения одной и той же работы различными средствами. «По-видимому, никто и никогда не проверял, как программное обеспечение будет реагировать в ситуации проблемы. Это был оглушительный провал. Не один человек, а множество людей должны были подумать об этой проблеме», – сказал он [11].

Деннис Муйленбург, проработавший в компании 35 лет, в 2015 г. занял пост генерального директора (до этого он руководил Департаментом космоса, обороны и безопасности). Он заявил, что планирует вернуть в свои руки большую

часть работы над новейшими самолётами. В ведущей ежедневной американской деловой газете «Уолл-стрит джорнэл» 19 июня 2019 г. была опубликована статья, в которой говорилось о новой проблеме. В середине мая 2019 г. «Боинг» объявил об обновлении на «737 MAX 8» программного обеспечения для системы MCAS. После обновления у лётчиков появилась возможность полностью отключить автоматику в случае сомнений в её корректной работе. Однако, как утверждается в публикации, в случае полного отключения автоматики управлять самолётом может только очень сильный лётчик — кривошипный механизм, используемый в механике стабилизатора (от положения которого зависит угол наклона самолёта), требует огромных физических усилий на ручке управления.

Эта проблема заставила специалистов провести переоценку условий безопасности на «Боинге», поскольку такой механизм управления стабилизаторами был установлен на всех шести с лишним тысячах самолётов серии «Боинг-737 MAX 8». Вопрос в том, отмечало издание, будут ли органы, ответственные за безопасность полётов во всех странах, требовать, чтобы эта проблема была устранена на всех самолётах «737 MAX 8». Дополнительные затраты в этом случае должны были исчисляться десятками миллиардов долларов.

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ ТРУДА

Некоторые сотрудники компании «Боинг» ещё задолго до обеих крупнейших катастроф усиленно привлекали внимание к проблемам качества изготовления. Ветеран военно-морских сил с 30-тилетним стажем, командир эскадрильи Военно-морской авиации Эд Пирсон (*Ed Pierson*) занял пост менеджера на заводе «Боинг» в г. Рентон (штат Вашингтон) в апреле 2015 г. На этом заводе производились самолёты «737 MAX 8». Он был 28 октября 2019 г. приглашён в Конгресс на слушания по делу о двух катастрофах, а за два дня до этого дал эксклюзивное интервью национальной телерадиокомпания Эн-би-си о состоянии дел на этом заводе, где, по его словам, «царил хаос» из-за гонки за повышение выпуска самолётов «737 MAX 8».

Эд Пирсон заявил, что начал ощущать признаки грозящей аварии с конца 2017 г., когда завод решил увеличить ежемесячное производство самолётов с 47 до 52 машин. В результате *резко возросла интенсификация труда*. Началась чехарда с поставками деталей и узлов, дополнительной рабочей силы на заводе не было. Работники трудились посменно по восемь недель без единого выходного. Менее 10% самолётов изготавливались в срок в соответствии с планом выпуска. По состоянию на май 2018 г. ситуация с производством «вышла из-под контроля». Вне зависимости от количества проработанных часов работники не могли собрать больше 50 машин в месяц.

В интервью он заявил, что с лета 2018 г. и до весны 2019, он *буквально «умолял» высших управляющих «Боинга», а также и Национальный совет по безопасности на транспорте (National Transportation Safety Board - NTSB - независимое американское агентство, расследующее происшествия на транспорте, структурное подразделение Министерства транспорта США) обратить внимание на этот завод и хотя бы на время прекратить производство*. В письме (по электронной

почте) на имя генерального директора программы «737 MAX 8» Скотта Кэмпбелла, написанном 9 июня 2018 г., он обращал внимание на то, что измученных и усталых рабочих заставляют трудиться всё больше и быстрее, а это может привести к критическим ошибкам. Чтобы закончить сборку уже находящихся в производстве самолётов, работникам нужна более стабильная обстановка.

Он написал письмо генеральному директору Деннису Муйленбургу и 19 февраля 2019 г. отправил послание Совету директоров компании. В личной беседе со Скоттом Кэмпбеллом 18 июля 2018 г. Эд Пирсон ещё раз предупредил генерального директора программы, что на заводе есть огромные проблемы и снова указал на необходимость остановить производство, но тот сказал, что это невозможно. «Я буквально взбесился и заявил, что в военно-морской авиации бывало останавливали производство из-за куда менее существенных проблем». На это Кэмпбелл ответил: «Ну что ж, военное производство – это же не предприятие, ориентированное на *получение прибыли*».

Убедившись в том, что на заводе в Рентоне *высшее руководство отдавало приоритет скорости изготовления, а не обеспечению безопасности полётов, а его призывы остановить производство никто не слышит*, Эд Пирсон в августе 2018 г. уволился с завода и ушёл на пенсию. «Я чувствовал, что покидаю "Титаник"», – так образно охарактеризовал свои ощущения Эд Пирсон. Через два месяца после этого рухнул в море самолёт «737 MAX 8» в Индонезии. Опознав по бортовому номеру, что это был тот самый новенький лайнер, изготовленный в последнее время и бывший в эксплуатации всего лишь год, Эд Пирсон признался: «Я горько плакал и упрекал себя, так как мне казалось, что я мог сделать больше». А после катастрофы 10 марта 2019 г. самолета «737 MAX 8» в Эфиопии Эд Пирсон признался: «Впервые в моей жизни я стал сомневаться относительно того, стоит ли членам моей семьи летать на самолетах фирмы "Боинг"» [12]. Будущие события показали, что его сомнения были оправданы.

Ведущая корпорация мира в области самолётостроения проиграла в конкурентной борьбе, утратила позиции лидера и попала в ситуацию глубокого кризиса.

РАСПЛАТА ЗА КАТАСТРОФЫ

Компания «Боинг» столкнулась с тотальным недоверием со стороны авиаперевозчиков и пассажиров. Американская авиакомпания «Америкэн эйрлайнз» объявила о покупке 50 самолётов «Эрбас А-321 XLR». Её примеру последовали другие авиакомпании, поскольку новости о технических проблемах «Боинга» стали появляться с пугающей регулярностью.

После катастроф около 20 стран закрыли свою территорию для пролёта самолётов этой модели, многие авиакомпании приостановили эксплуатацию «Боинг-737 MAX 8».

Каждая из авиакомпаний, находившихся в затруднительном положении из-за простоя «737 MAX 8», потребовала от компании «Боинг» компенсации. Норвежская авиакомпания отменила заказ на 92 лайнера «Боинг-737 MAX 8» и на пять самолётов «Boeing-87 Dreamliner» и подала судебный иск, требуя возврата

предоплаты за самолёты и компенсации убытков, связанных с приостановкой эксплуатации «737 MAX 8», проблемами с двигателем на модели самолёта «Боинг-787», а также от связанных с ними соглашений по обслуживанию [13].

Китайские авиакомпании 22 мая 2019 г. потребовали возместить ущерб за простой самолётов «737 MAX 8», а также за просрочку передачи ранее закупленных машин этой серии. В авиапарке китайских авиакомпаний в общей сложности на тот момент эксплуатировалось 96 самолётов этой серии [14].

По данным на конец июня 2019 г. о намерении получить с «Боинга» деньги уже заявили два десятка авиакомпаний [15].

Российская лизинговая компания «Авиакапитал-сервис» в конце августа 2019 г. подала первый иск на корпорацию в связи с проблемами «Боинг-737 MAX 8». Компания потребовала расторгнуть контракт на покупку 35 самолётов «737 MAX 8» и обязать авиастроителя вернуть денежный депозит в 35 млн долл., а также выплатить 75 млн долл. упущенной выгоды. Поводом для расторжения контракта послужили небрежные действия и решения компании при разработке самолёта, а также утаивание критической информации от клиентов и авиавластей США [16].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общие потери перевозчиков по всему миру, которые должен был компенсировать авиапроизводитель, по разным оценкам тогда составили от 115 млн до 170 млн долл. ежемесячного убытка.

Более 400 пилотов в июне 2019 г. подали групповой иск против «Боинг» за беспрецедентное сокрытие известных ей дефектов при конструировании модели «737 MAX 8», за решения, которые заставили их столкнуться с убытками и психологическими проблемами после того, как многие авиакомпании приостановили эксплуатацию этой модели.

Компания выплатила 100 млн долл. родственникам погибших в катастрофах «737 MAX 8» [17].

В суд обращались не только родственники жертв трагедий, но и акционеры. Они считали, что компания ввела их в заблуждение и *«поставила прибыль выше авиационной безопасности и честности»* [18].

С начала 2020 г. авиаконцерн не получил ни одного заказа на новые лайнеры, в результате в январе завод в Рентоне, где собираются самолёты «Боинг-737 MAX 8», остановил производство для оптимизации издержек из-за неопределённости по срокам разрешения их эксплуатации. Рекордный по длительности 20-месячный запрет на эксплуатацию «737 MAX 8» привёл к значительным расходам компании. По информации агентства «Рейтер» (*Reuters*), две катастрофы обошлись «Боингу» в 20 млрд долларов [19].

В конце мая 2020 г. компания «Боинг» возобновила производство лайнеров «737 MAX 8», а в конце июня 2020 г. совместно с Федеральным агентством гражданской авиации США начала сертификационные лётные испытания самолётов этого семейства.

Компания «Боинг» рассчитывала вернуть лайнеры в эксплуатацию в конце 2020 года. Однако этим планам не суждено было сбыться. В ноябре 2019 г. компания начала

тщательное внутреннее расследование. Авиалайнеры проходили скрупулёзную проверку перед тем, как получить разрешение на полёты, и столь тщательная инспекция обернулась новыми проблемами, причины которых требуют особого рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ

1. Speaking Your Language. The refreshed, third edition of QP's Quality Glossary. Quality Progress. August 2018, pp. 16-37.
2. Аксенов П. Boeing 737 Max 8. Что это за самолёт и с чем связаны его проблемы. *BBC News*. 14.03.2019. Available at: <https://www.bbc.com/russian/features-47555796> (accessed 5.07.2022).
3. Каткова Е. Крутое пики: Boeing уже не взлетит. *Газета.ru*. 11.03.2019. Available at: <https://www.gazeta.ru/business/2019/03/11/12236845.shtml> (accessed 27.06.2022).
4. МАК настаивает на разработке рекомендаций по уходу на второй круг после ЧП с Boeing в Сочи. *АвиаПОРТ*. 8.11.2018. Available at: <https://www.aviaport.ru/digest/2018/11/08/562381.html> (accessed 7.07.2022).
5. В Индонезии разбился новый "Boeing-737". *РИА новости*. 29.10.2018. Available at: <https://ria.ru/20181029/1531729874.html> (accessed 15.06.2022).
6. Ольховская Ю. На слушаниях в Конгрессе США неожиданно вскрылись детали скандала с "Boeing-737 MAX 8". *Первый канал: Новости*, 16.05.19 Available at: https://www.1tv.ru/news/2019-05-16/365212-na_slushaniyah_v_kongresse_ssha_neozhidanno_vskrylis_detali_skandala_s_boeing_737_max_8 (accessed 21.05.2022).
7. Лушникова А., Смирнов В. Крушение "Boeing-737": трое россиян стали жертвами авиакатастрофы в Эфиопии. *Телеканал Россия* 24.10.03.2019.
8. Сотрудник Boeing в переписке назвал "737 MAX" «спроектированным клоунами». *РБК*. 10.01.20. Available at: <https://www.rbc.ru/business/10/01/2020/5e180ab19a794778166d3bd8> (accessed 17.06.2022).
9. У "Boeing-737 MAX" обнаружили новые недочёты. Возобновления полётов не предвидится. *BBC News*. 18.01.2020. Available at: <https://www.bbc.com/russian/news-51159658> (accessed 3.06.2022).
10. Барский Р. На чём экономил Boeing? Фатальные последствия дешёвого программного обеспечения. *Наука и техника*. 02.07.2019. Available at: <https://naukatehnika.com/na-chem-ekonomil-boeing-fatalnye-posledstviya-deshevogo-programmnogo-obespecheniya.html> (accessed 10.07.2022).
11. Robinson P. *Boeing's 737 Max Software Outsourced to \$9-an-Hour Engineers*. *Bloomberg*, 28.06.2019. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-06-28/boeing-s-737-max-software-outsourced-to-9-an-hour-engineers> (accessed 23.05.2022).
12. McFadden C., Monahan K., Schapiro R., Schecter A. Former-boeing-manager-says-he-warned-company-problems-prior-737. *NBS News*. 10.12.2019 Available at:

<https://www.nbcnews.com/news/us-news/former-boeing-manager-says-he-warned-company-problems-prior-737-n1098536> (accessed 19.06.2022).

13. *Norwegian Air* отменила заказ на 97 самолётов *Boeing*. *РИА.ру* 30.06.2020. Available at: <https://ria.ru/20200630/1573657625.html> (accessed 19.06.2022).

14. Китайские авиакомпании потребовали от *Boeing* компенсации за простой 737 MAX. *РИА.ру*. 22.05.2019. Available at: <https://ria.ru/20190522/1554783449.html?in=> (accessed 19.06.2022).

15. Нелетательный исход. Вернутся ли самолёты *Boeing* в небо. *Rambler.ru*. 21 июня 2019. Available at: https://finance.rambler.ru/business/42364217/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed 21.07.2022).

16. "Авиакапитал-Сервис" подал судебный иск против *Boeing*. *Aviation Explorer*. 27.08.2019. Available at: <https://www.aex.ru/news/2019/8/27/201322/> (accessed 9.06.2022).

17. Boeing выделил \$100 млн родственникам погибших в катастрофах "737 MAX. *Aviaion Explorer*. 22.10.2020. Available at: <https://www.aex.ru/news/2019/10/22/203700/> (accessed 25.06.2022).

18. MAX. *Aviaion Explorer*. 22.10.2020. Available at: <https://www.aex.ru/news/2019/10/22/203700/> (accessed 17.06.2022).

19. Виноградов И. Власти США сняли запрет на полёты самолётов *Boeing-737 MAX 8*. *Ведомости*. 18 ноября 2020. Available at: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2020/11/18/847503-ssha-boeing> (accessed 3.06.2022).

REFERENCES

Stiglitz J. Globalization and its Discontents. New York: W.W. Norton & Company. 2002; 282 p.

Stiglitz J. Making Globalization Work. New York: W.W. Norton & Company, 2006. 304 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОНАРЕВА Людмила Антоновна, Liudmila A. KONAREVA, Cand. Science кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института США и Канады им. академика Г.А. Арбатова Российской академии наук (ИСКРАН). 2/3 Khlebny per., Moscow 121069, Russian Federation.
Российская Федерация, 123069 Москва, Хлебный пер., д.2/3.

Статья поступила в редакцию / Received 02.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 17.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 20.10.2022.

УДК 75.01, 75.03

DOI: 10.31857/S268667302301008X

EDN: HAKLVW

Пора зрелости американской живописи: образы восьмидесятых годов XX века

М.В. Переверзева

Российский государственный социальный университет.

Российская Федерация, Москва, ул. В. Пика, д. 4/1.

Web of Science: AAZ-5196-2020 Scopus: 57201882586 PИИЦ ID: 923203

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738> e-mail: melissasea@mail.ru

Резюме: В статье изложены результаты искусствоведческого анализа работ американских художников 1980-х годов, выявлены их основные стилевые и композиционные особенности, определены тенденции развития искусства США конца XX века. Основная мысль исследования заключается в том, что в эти годы наступает пора зрелости американской живописи и интеграции национальных черт изобразительного искусства Америки. Именно в работах 1980-х годов ярко отражается ментальность художников США с присущими им патриотизмом, индивидуализмом, культом и одновременно критикой будничной жизни, свободой творческого самовыражения, «буквализмом», с одной стороны, и потребностью укоренить искусство в духовной области - с другой, тяготением к метафорическим пейзажам, чувствительным мазкам густой краски, смешанной технике и жестикуюляционной живописи.

Ключевые слова: живопись США, художник, образ, техника, жестикуюляционная живопись, краска, изобразительное искусство

Для цитирования: Переверзева М.В. Пора зрелости американской живописи: образы восьмидесятых годов XX века. *США & Канада: экономика, политика, культура*. 2023; 53(1): 115-125. DOI: 10.31857/S268667302301008X EDN: HAKLVW

The Coming of Age of American Painting: Images of the Eighties

M.V. Pereverzeva

Russian State Social University,

4/1 Vilgelma Pika st., Moscow, Russian Federation.

Research ID: AAZ-5196-2020

Scopus Author ID: 57201882586 PИИЦ ID: 923203

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4992-2738> e-mail: melissasea@mail.ru

Abstract: The article includes the results of an art history analysis of the American artists' works of the 1980s, reveals their main style and compositional features, defines the trends in the US art development at the end of the twentieth century. The main idea of the study is that the 80s is the time for the maturity of American painting, which integrates the national features of the USA visual arts. In the works of the 1980s there is reflected the mentality of US artists with their inherent patriotism, individualism, cult and at the same time criticism of everyday life, freedom of creative expression, "literalism" on the one hand and the need to root art in the

spiritual field on the other, gravitation to metaphorical landscapes, sensitive strokes of thick paint, mixed technique and gestures painting.

Keywords: US painting, artist, image, technique, gestures painting, paint, fine art

For citation: Pereverzeva M.V. The Coming of Age of American Painting: Images of the Eighties. *USA & Canada: economy, politics, culture*. 2022; 53(1): 115-125.

DOI: 10.31857/S268667302301008X EDN: HAKLVW

ВВЕДЕНИЕ

В конце семидесятых годов XX века, когда американская живопись бросила якорь в третий век своего существования, она, наконец, предстает освободившейся от иностранных моделей и становится движущей силой мирового искусства, а её достигшая зрелости традиция оказывается наделённой двойным наследием: достоянием европейского модернизма и воплощением чисто американского образа мыслей и способа выражения. Синтез двух этих проявлений, проведённый с определённой степенью нового концептуального и технического совершенства, стал главным завоеванием живописи восьмидесятых годов, когда наступает пора зрелости искусства США.

В первые годы развития абстрактного экспрессионизма на первом месте стоял вопрос выразительного содержания и метафорического и символического значения произведения. Но лидеры нью-йоркской школы Джексон Поллок (1912–1956), Виллем де Куннинг (1904–1997), Марк Ротко (1903–1970) и Филипп Гастон (1913–1980) отказались от своих изобразительных корней и перешли исключительно на абстракцию [Куприянова, 2015]. Идея, что сюжет, форма и содержание отныне идентичны и способны быть концептуализированы чисто формально и стилистически, сделала какое-либо иконографическое прочтение американского живописного авангарда неосуществимым. Некоторые европейские критики усмотрели в отказе абстрактными экспрессионистами от сюжета причину официального распространения и утверждения их стиля. Он был лишен общественной и политической критики и, не без высокомерия, выражал трансцендентность и вечность чуждой будничной живописи [Реукова, 2016].

ЖАНРЫ И СТИЛИ АМЕРИКАНСКОЙ ЖИВОПИСИ 1980-х ГОДОВ

Потребность укоренить искусство скорее в духовной области, чем в пределах материального мира, определила один из полюсов американской эстетики середины и второй половины XX века. В 1980-е годы маятник некоторым образом вернулся к традиционным устремлениям, связанным с реализмом: опознаваемые изображения, портрет, жанровая, историческая и пейзажная живопись, одним словом – живопись, прямо и косвенно социально-критическая. Бесспорно, культ образов будничной жизни в поп-арте, значительно способствовавший расширению круга публики, больше интересующейся искусством банальности, чем «элитарными» устремлениями, оставил свой отпечаток. Успех поп-арта убедил новое поколение американских художников в том, что живопись может быть мощным

средством связи. Новые «иллюстраторы», такие как Сьюзан Ротенберг (р. 1945), Роберт Москович (р.1935), Билл Дженсен (р. 1945), черпают вдохновение отнюдь не в унифицированных репродукциях из комиксов или рекламы. Их работы созданы воображением, а не просто «реабилитированными» репродукциями.

Роберт Москович. Мыслитель (1982)

Возврат изобразительности в их творчестве – не синоним «гнёта» или щемящего чувства, а скорее отвержение народной культуры с её распространением изображений в виде репродукций. Он является попыткой примирить изобразительность с пространственно-архитектонической конденсацией структуры картины. Непосредственным прецедентом этого компромисса между абстракцией и определённого типа «семиологически» редуцирующим изображением (в противоположность классическому подходу форм традиционного реализма с рельефом, четкими тенями и фиктивным пространством) является концептуальная живопись Джаспера Джонса (р. 1930), одновременно создавшего и отвергшего иллюзионизм.

Однако «дурной вкус» был столь же характерен для 1980-х годов, как и хороший вкус для 1960-х. Поскольку авангард по своей природе привлекается всем тем, что общество считает «табу», совсем не удивительно, что молодые художники реагируют против утончённости хроматических полей абстракции *hard edge* (картин с устранёнными контурами) и минимализма, столь хорошо подходящих к оформлению интерьера, новому элементу американской мечты о «преlestной обстановке и среде обитания». Конечно, художники снова пишут, но сюжеты и стили яростно отвергаются законодателями вкуса, позиция которых совпадает с отношением художников, когда они уподобляют живопись предыдущего поколения компромиссу с обывательским материализмом.

Выставка «Плохая живопись», устроенная в 1978 г. Марсией Такер в Новом музее современного искусства в Нью-Йорке, показывала оригинальные эксперименты Нила Дженни (р. 1945г.) в стиле, с юношеской наивностью напоминающем любительскую живопись (*hobby art*) и «пальцевую» живопись (*finger painting*). Лишённые какой-либо красоты краски, например, ядовито зелёная и коричневая, как экскременты, давали новое определение авангарда, отличное от матиссовского (французский художник считал, что авангард докучает бизнесмену и вызывает у него чувство фрустрации). Для компенсации этой, порождённой устранением приятных сюжетов, фрустрации (и даже её замены тревожностью сюжетов, подобных скачущим лошадям Сьюзан Ротенберг (р. 1945 г.), подгоняемым экзистенциальной паникой и преследуемым их собственными скелетами, или же странным дикарям Гастона, художники снова ста-

ли подчёркивать наслаждение, которое дают чувствительные и «осязаемые» поверхности картины, запретные в пуританской, абстрактной и исключительно «оптической» живописи [Переверзева, 2022].

Нил Дженни. Мусор и контейнер (1970)

Грегори Аменоф (р. 1948 г.), пастозность и искромсанные формы которого напоминают Марсдена Хартли (1977–1943), Джоан Торн (р. 1943 г.), наэлектризованная иконография которой напоминает своими переплетениями Поллока, и Анна Бьялоброда (р. 1946 г.), чьи экзотические и фантазмагорические пейзажи отдают дань последнему периоду Пикассо, продолжающего оказывать влияние на американскую живопись. Эти молодые художники, дающие индивидуальные и субъективные версии внутренних пейзажей, являющихся гораздо больше метафорами, чем изображениями.

Луиза Чейз. Красный грот (1983)

Другие художники упивались метафорическим упоминанием пейзажа, также настаивая на чувствительном мазке густой краски. Джоан Митчелл (р. 1926 г.), например, принадлежавшая ко второму поколению абстрактных экспрессионистов, всегда использовала в своих работах метафоры пейзажа. Она писала с уверенностью и энергией, вдохновлённая светом и красками французского Ветёя, пейзажи которого запечатлел некогда Клод Моне, обосновавшийся позднее в Живерни.

В своих воображаемых пейзажах Луиза Чейз (р. 1951 г.) сочетает пейзаж и анатомию [Ефремова, 2013]. Среди новых «изобразительных» художников, стремящихся вернуть живописи совокупность её выразительных возможностей (путем взаимодействия сюжета, содержания и формы), Терри Винтерс (р. 1949 г.) обладает палитрой и техникой, напоминающими тёплые тона телесного цвета Филипа Гастона, но его органическая иконография и его липкие и неуловимые пространства подвержены влиянию стиля Аршила Горки и Уильяма Базиота.

Джед Гаррет. Silhouette Valley (1981)

Если произведения Луизы Чейз и Терри Винтерса нельзя назвать сюрреалистическими, то они вдоволь сочетают, как и картины таких художников, как Джед Гаррет (р. 1955 г.), привычное и сновидческое.

Амбициозная живопись 80-х годов обращается к прошлому или к будущему. Малколму Морли (р. 1931 г.) удалось сбить с толка зрителя многочисленными ухищрениями; его на вид сырая и неловкая манера выдаёт то мастерское владение живописью маслом, которое сумело развенчать и затмить пластифицированные картины, дотоле бывшие излюбленными средствами передачи начинавшегося десятилетия.

Играя на словесных и зрительных клише (как свидетельствует название его картины 1984 г. *The sky above, the mud below* – «Вверху – небо, внизу – грязь»), Морли, эмигрировавший в 1958 г. в США англичанин, начал свою карьеру как гиперреалист. Постепенно он смягчает свой стиль в серии картин, показывающих «катастрофы» и выполненных в конце 70-х годов. Морли, изобразительный художник, манера которого скорее экспрессионистская, чем реалистическая, находился под явным влиянием сочных пастозных работ Хайма Сутина. Но его отношение к сюжету не прямое, а косвенно-уклончивое и даже ироническое.

Обучавшийся в престижном высшем лондонском художественном училище – Королевском колледже искусств, Морли явно выполняет «плохую живопись» умышленно, не в силу нехватки знаний, опыта и таланта. От его ярких пейзажей всегда исходит тревожное ощущение, будто что-то «не в тон», «диссоциирует», «не вяжется», словно неуловимое смещение сюжета, содержания и формы на плохих цветных репродукциях. Художник, сочетающий любовь к живописи с моральным осуждением того, что видит, пишет батальные сцены (представление о бывших колониальных империях, какое может быть только у туристов) и гипотетические буколические пейзажи, воспроизведённые с помощью густых текстур, пастозность которых напоминает грязь заброшенных фабрик и первичные фрейдовские процессы, хотя художник и не прибегает к буквальности иллюстрации. Необходимо отметить, что Морли – большой мастер создавать иллюзию света, исходящего изнутри его картин, что можно интерпретировать как искупительную силу художественного творчества.

Повествовательная же живопись Ларри Риверса (р. 1925 г.) всегда свидетельствовала о его поразительном навыке рисовальщика и художника. Риверс, предтеча поп-арта, писал в 1950-е годы народные сюжеты, портреты, обнажённую натуру и жанровые сцены. Как и творчество Сэма Фрэнсиса, Джоан Митчелл, Эла

Хелда, Джека Юнгермана, Альфреда Лесли и многих других художников так называемого «второго поколения» нью-йоркской школы, живопись Риверса продолжала развиваться в восьмидесятые годы в ритме инноваций молодого поколения.

Прибегая к технике вырезывания, чтобы по-настоящему освободить своих персонажей от заднего плана, Риверс подчинил изобразительную живопись «буквалистскому» требованию реальных форм, вписанных в реальное пространство, первыми ласточками которого стали лишённые фона картины Фрэнка Стелла [Авдеев, 2021]. Следующий логический ход Стелла привёл его к выплеску антииллюзионистских форм вперед, в плоскость зрителя, выдалбливая формы изнутри и создавая рельефы с помощью различных элементов. Под влиянием металлических рельефов скульптора Джона Чемберлена (1927–2011 гг.) Стелла использовал различные средства и методы для достижения новых поразительных эффектов сверкания, в полном соответствии со вкусом «панк» 1980-х годов ко «всеми, что блестит».

Гарри Стефан. Без названия (1985)

В работах маслом Элизабет Мюрре (р. 1940 г.) чувствуется более строгий подход к лишённой фона картине. Тщательность композиции, краски и формы выбраны не произвольно, а умышленно – так, чтобы создавалось впечатление человеческого масштаба. Мюрре использует словарь органических форм, намекая на аналогии с анатомией и растительным миром, а иногда и на процессы роста и эволюции, впервые исследованные Горки. Как и Элизабет Мюрре, Гарри Стефан (р. 1942 г.) пишет абстракции, сильно напоминающие органический и анатомический мир.

Американская живопись 1980-х годов в целом является изобразительной, либо метафорически представляющей пейзаж или фигуру. Однако продолжает существовать и определённый энергичный и решительный абстракционизм, творимый сорокалетними художниками, черпающими вдохновение в наследии абстрактного экспрессионизма, таким образом они реагируют на холодные, редуccionистские и механические стили поп-арт и минимализм. Говард Бухвальд (р. 1943 г.) и Деннис Ашбауг (р. 1946 г.) многим обязаны жестикюляционной живописи Джексона Поллока и Виллема де Куннинга. Но в обоих случаях потенциально яркий жест подавляется концептуальной обдуманностью, свидетельствующей об остром чувстве связи изображения с полем картины.

Вырезая дыры в своих картинах, одни – по вертикали, другие – наклонно относительно плоскости картины, Бухвальд создаёт иллюзию, противоречащую самой себе, но совместимую с требованиями модернистской эстетики, для кото-

рой картина прежде всего и неизбежно представляет собой плоскую поверхность. Линии (скорее надрезанные, чем нарисованные) в правой части картины позволяют считать её предметом и нарисованной иллюзией. Вместе с тем центростремительная сила взрывов красок, направленных словно стрелы к углам картины, вводит физическое ощущение возбуждённости.

Так же как и Бухвальд, Деннис Эшбо решительно утверждает осязаемость своих поверхностей с помощью текстур, придающих и даже навязывающих её плоскости картины, обеспечивая при этом более широкий спектр иллюзий. Для создания живописного пространства Эшбо, как и Гофман, больше использует контрасты красок, чем контрасты оттенков. Его живопись отличается также и ироническим намёком на ярко окрашенные тени и эффектным введением чёрно-белых тонов, предстающих как цвет. Агрессивный вынос форм вперёд, напоминающий городскую обстановку грубости и насилия, в которой живёт художник, названия картин которого, например, «Большое облегчение от сильной мигрени», заимствованы из рекламных объявлений в медицинских журналах, наделяет абстракцию физической энергией, близкой к той, что обычно сопровождает жестикую живопись. Но совершенно ясно, что он тоже действует предумышленно. Интеллектуальный анализ концептуальной живописи оставил свой отпечаток.

Другие художники, например, Мел Бохнер (р. 1940 г.) и Джереми Гилберт-Рольф (р. 1945 г.), стали писать геометрические абстракции. Этот концептуальный подход выражается в подавлении спонтанности жеста. Такая интеллектуальная манера рассматривать и предполагать последствия жеста может также пониматься как моральная позиция, а у таких художников, как Бухвальд и Эшбо, как свидетельство об американском скептицизме в отношении идеала спонтанности 50-х годов [Лебедева, 2011]. Оба эти художника дают в высшей степени организованных конфигурациях шанс непредвиденному и производят переоценку результата жестикую живописи, пристально контролируя случайность. Таким образом, спонтанность и случайность у них уже не служит просто предлогом к произвольным позициям. Вводятся значения, позволяющие воспринимать монументальность в человеческом масштабе.

Грубость и насилие, скорее психологические, чем физические, также способствуют ощущению дискомфорта, порождаемого выполненными в смешанной технике картинами Дэвида Салле (р. 1952 г.). Он «буквалист», использующий куски цветной набивной ткани, вдохновляется эротизмом, распространяемым в Америке рекламными роликами, коммерческими телефильмами и находящейся в апогее отрасли «секс-шоу». Передавая воспринимаемые им смутные сигналы, Салле куда больше отражает окружающую обстановку, чем критикует её. В этом он проявляет себя преемником мастеров невыразительного отражения деградировавшего социального пейзажа, которое практиковал Энди Уорхол, и накалённой, бесмасштабной обстановки Стелла, где краска, жест и промышленные материалы использованы для создания сильного театрального эффекта.

Среди художников 1980-х годов Дэвид Салле и Джулиан Шнабель (р. 1951 г.), примечательны многообразием своих талантов, близки к Уорхолу цинизмом, с

которым они отвергают такие базовые технические требования, как рисунок и живописный навык, и явным стремлением привлечь внимание неожиданной, «шоковой», тактикой. В обстановке постсексуального раскрепощения, где больше нет никаких табу, которые можно было бы нарушить, эти похожие на дадаизм стратегии кажутся нам несколько смехотворными.

Как Шнабель, также применяющий наложения изображений, кажущихся скорее проецированием диапозитивов, Салле очевидно вдохновляется исполненными в духе намеренно упаднического и декадентского дадаизма последними диапозитивами Франсиса Пикабиа. В них художник накладывает на персонажей и фигуры линейный рисунок. Выбор Салле образов с неприкрыто сексуальным содержанием, а также его неспособность или нежелание использовать «навык» хорошего художника, возможно, означают, что он тоже умышленно выполняет «плохие картины». Так он вызывает чувство фрустрации у мещанской публики, ожидающей от живописи традиционно приносимого ею удовлетворения.

Йон Борофски.

2,841,777 Sing (1978/1983)

логическим преемником Роберта Раушенберга (1925–2008 гг.). Однако упор на выполняемые вручную живопись и рисунок, твердо укореняют его в 80-х годах, характеризующихся решительно субъективной живописью.

Каламбур, представляющий собой профиль певца, выполненный из металлической ленты, соединяющей стену с полом, повторяется в картине в автопортрете художника, несущего стереопроигрыватель, из которого выходит комиксный, словно взятый из рекламы, «пузырёк» со словом *sing*. Результат – изображение, одновременно напоминающее и хаос, и жизненную силу городской цивилизации, но без уступки низменным инстинктам масс.

Такие художники, как Салле, Борофски, работающий в Чикаго Эд Пашке (1939–2004) и пишущий в Остине и Техасе Петер Сол (р. 1934 г.), становятся в 80-е годы аналогами американских жанровых художников 1930-х. Совершенно не-

удивительно, что живопись Петера Сола родилась в художественном горниле Чикаго, где изобразительный экспрессионизм и критика общества были хорошо развиты в эпоху, когда господствовавшая нью-йоркская школа уже считала эти концепции абсолютно отжившими.

Восьмидесятые годы отмечены возвратом регионализма, чему способствовали правительственные субсидии художникам из Национального фонда искусств (*National Endowment for the Arts*), чтобы демократизировать живопись и децентрализовать художественную сцену. Крупные региональные центры развиваются в Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Хьюстоне, Бостоне и других городах; они появились благодаря помощи местных органов управления художественным объединениям, информацией в специализированной прессе и других средствах массовой информации и ростом местного меценатства. В результате появились новые темы и стили, несовместимые с «главным» модернистским течением [Ярцева, 2010].

Петер Сол, пионер умышленно агрессивных сюжетов и стилистических искажений вкуче с вопиющим «дурным вкусом», предстает как маститый и основательный художник последних лет, в частности в силу яростно критических сюжетов, как, например, в его картине *Custer's last stand* («Последнее сопротивление Кустера»), которая увековечила не столько победу белого человека над краснокожими, сколько геноцид американских индейцев, позволивший европейцам колонизировать этот континент.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Если поп-арт и первая региональная живопись восхваляли воплощения «американской мечты», то нынешние версии исторической живописи делают совершенно обратное, опираясь на оборотную сторону мечты. «Визуальные» художники больше других критикуют американские ценности, играя роль «расовой совести», которая, по мнению Джеймса Джойса, определяет ответственного перед обществом художника. В 1980-е годы молодые американские художники умели рисовать и писать убедительным образом; так они вновь придали живописи престиж и значимость, утерянные в день, когда Энди Уорхол заявил, что искусство легко выполнимо и его ещё легче понимать [Мельникова, 2018]. Способность создавать иллюзию пространства и света подвергается переоценке поколением художников, которым диктаты, требования однотонных полос и сложный и вычурный демарш модернизма кажутся слишком ограничительными, чтобы служить амбициям их высокого представления об искусстве.

Американская живопись конца XX века перевернула отношения авангарда и академизма в том виде, в каком он определялся в начале столетия. В то время как средние классы приходят к авангарду, как пришли к наркотикам и сексуальному раскрепощению, некогда расцениваемые как академические, занимают привилегированное место в творчестве художников, которые, по примеру Сезанна, хотят создавать «музейное искусство». Для такой позиции показательно, что самые честолюбивые молодые художники поглощены изучением

старых мастеров и отвергают недавнее прошлое, которое считают поверхностным. Американцы стремятся переосмыслить свое культурное наследие.

Борьба между статической, безжизненной, инертной и тёмной живописью и живописью, стремящейся передать ощущение энергии, деятельности и исполненного метафор иллюзионизма, является отражением двусмысленного момента истории: она резюмирует кризис американских ценностей, мужество критически выступить против которых первыми возымели художники. С самого начала 1980-х живописное содержание снова стало главным и суверенным, как некогда для основателей нью-йоркской школы, начавших свою деятельность, отвергая пуристскую абстракцию как лишённую значения и не способную выразить экзистенциальную реальность беспокойного и смутного момента истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдеев В.А. Дж. Стелла – родоначальник американской урбанистической и индустриальной живописи. *Вестник Академии Русского балета им. В.Я. Вагановой*. 2021. № 2 (73). С. 100–109.

Ефремова Т.В. Эволюция концепта “nature” в названиях произведений американской живописи XX–XXI века. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*. 2013. Т. 15. № 2-4. С. 1004–1007.

Куприянова В.С. Живопись цветового поля Марка Ротко. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*. 2015. № 33-2. С. 64–70.

Лебедева И.В. Геометрическая абстракция в американской живописи 1940–1950-х годов: от Пита Мондриана к Барнету Ньюмену: автореф. дисс. ... канд. иск. М.: Российская академия художеств, 2011. 24 с.

Мельникова А.А. Изобразительный феномен пустоты в живописи США 1930–1960-х годов: предпосылки появления. *Молодёжный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры*. 2018. № 1 (9). С. 184–186.

Переверзева М.В. Жанр портрета в творчестве фотохудожников США. *США & Канада: экономика, политика и культура*. 2022. № 6. С. 108–122. DOI: 10.31857/S2686673022060074

Реукова А.А. Отражение культурных и социально-политических реалий США в творчестве американских художников 20 века. *Культура. Духовность. Общество*. 2016. № 23. С. 29–34.

Ярцева О.А. Американский регионализм, мексиканский мурализм в творчестве Джексона Поллока. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2010. № 3. С. 223–226.

REFERENCES

Avdeev V.A. J. Stella is the founder of American urban and industrial painting. *Bulletin of the Academy of Russian Ballet named after V.Ya. Vaganov*. 2021. No. 2 (73). P. 100–109.

Efremova T.V. Evolution of the concept "nature" in the titles of works of American painting of the 20th-21st centuries. *Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2013. Vol. 15. No. 2-4. P. 1004-1007.

Kupriyanova V.S. Color field painting Mark Rothko. *Bulletin of Kemerovo State University of Culture and Arts*. 2015. No. 33-2. P. 64-70.

Lebedeva I.V. Geometric abstraction in American painting from the 1940s and 1950s: from Pete Mondrian to Barnett Newman: thesis. Moscow: Russian Academy of Arts, 2011. 24 p.

Melnikova A.A. The pictorial phenomenon of emptiness in painting in the USA of the 1930s-1960s: prerequisites for the appearance. *Youth Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture*. 2018. No. 1 (9). P. 184-186.

Pereverzeva M.V. Portrait genre in the work of photo artists of the USA. *USA & Canada: economics, politics, culture*. 2022. No. 6. P. 108-122. DOI: 10.31857/S2686673022060074

Reukova A.A. Reflection of the cultural and socio-political realities of the United States in the work of American artists of the 20th century. *Culture. Spirituality. Society*. 2016. No. 23. P. 29-34.

Yartseva O.A. American regionalism, Mexican muralism in the work of Jackson Pollock. *Bulletin of Adygea State University*. Series 2: Philology and Art History. 2010. No. 3. P. 223-226.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПЕРЕВЕРЗЕВА Марина Викторовна, Marina V. PEREVERZEVA, Doctor of Arts, associate professor, professor of Arts and folk creativity Department, Russian State Social University
4/1 Vilghelm Piek, Moscow, Russian Federation

Российская Федерация, Москва, ул. В.

Пика, д. 4/1

Статья поступила в редакцию / Received 05.10.2022.

Статья поступила после рецензирования / Revised 20.10.2022.

Статья принята к публикации / Accepted 22.10.2022.

Светлана Николаевна БАБИЧ

(9 декабря 1976 – 1 января 2023)

1 января 2023 г. на 47 году жизни после тяжёлой и продолжительной болезни скончалась Светлана Николаевна Бабич, проработавшая в Институте больше 25 лет.

В 1998 г. С.Н. Бабич окончила с отличием Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова по направлению «менеджмент», в 2000 г. окончила с отличием магистратуру Финансовой академии при Правительстве РФ с присуждением степени магистра экономики по направлению «экономика».

В 2004 г. окончила аспирантуру Института США и Канады РАН. В 2010 г. защитила диссертацию на соискание учёной степени кандидата экономических наук на тему «Экономическое значение налоговых реформ в США в конце XX – начале XXI века».

Вся трудовая деятельность Светланы Николаевны была связана с ИСКРАН. Она пришла в Институт в 1996 г. на должность лаборанта-исследователя и за эти годы прошла путь до заместителя директора. В этой должности она курировала образовательные и научные проекты, работу аспирантуры и диссертационных советов.

Научная деятельность С.Н. Бабич была сосредоточена на важнейших проблемах мировой экономики, экономики США и России, налоговой системы США, Канады и России, финансовой, социальной и экономической безопасности. Своими научными публикациями она внесла существенный вклад в разработку проблематики налогового регулирования в условиях возрастания роли финансовой сферы.

Светлана Николаевна стремилась передать свои знания новым поколениям международных. С 2003 г. она стала преподавать на факультете мировой политики Государственного академического университета гуманитарных наук. Её лекции вызывали неподдельный интерес и находили положительный отклик у студентов.

За время работы в ИСКРАН принимала активное участие в работе конференций и семинаров различного уровня, в том числе международных, зачастую являясь организатором многих из них.

Светлану Николаевну отличали высокий профессионализм и принципиальность. Она неизменно демонстрировала стремление к самосовершенствованию, трудолюбие и ответственность, организованность и инициативность. Все эти качества находили отклик коллектива ИСКРАН, а сама она пользовалась неизменным уважением студентов и коллег по работе.

Мы выражаем искреннее соболезнование родным и близким этой замечательной женщины.

Светлая память о Светлане Николаевне сохранится в наших сердцах.

Сотрудники Института

Информация для авторов

Редакция принимает материалы, соответствующие тематическому профилю журнала, отвечающие международным стандартам научных публикаций и оформленные в соответствии с установленными правилами. Рукопись должна представлять результаты оригинального авторского исследования, изложенные в научном стиле. Объём принимаемых к рассмотрению статей до 45 тыс. знаков, рецензий – до 15 тыс. знаков.

К статье должны прилагаться: информативная аннотация (200–250 слов), ключевые слова и подробные данные об авторе (полностью фамилия, имя, отчество, степень, учёное звание, должность и полное название места работы, адрес организации с индексом, e-mail). При этом аннотация представляет собой резюме, подробный пересказ содержания и выводов статьи. В аннотации следует избегать использования словосочетаний вроде «в статье рассматривается», «автор считает» и пр. Под ключевыми словами подразумеваются наиболее часто упоминающиеся в работе понятия и термины.

Вся прилагаемая информация должна быть продублирована на академическом английском языке. *Бумажная версия* печатается на одной стороне листа (шрифт *Arial*, кегль 12, интервал полуторный, поля слева и справа по 3 см). Автор индексирует свою статью по Универсальной десятичной классификации (УДК). Обязательно наличие у автора цифрового идентификатора ORCID. Его можно оформить на сайте <http://orcid.org/>.

Электронная версия представляется в форматах *doc*, *docx* или *rtf*. Текст статьи и вся сопровождающая информация представляется в одном файле в следующем порядке: название статьи (русс., англ.), аннотация (русс., англ.), ключевые слова (русс., англ.), полная информация об авторе (русс., англ.), текст статьи, библиографический список.

Отсутствие библиографического списка может стать причиной отказа в регистрации статьи. Материалы для рубрик "Размышляя над прочитанным" и "Книжная полка" могут не содержать библиографический список. На каждый источник из списка обязательна ссылка в тексте.

Полные библиографические описания даются в списке литературы, размещённом после текста статьи. В список включаются ссылки на статьи из научных периодических изданий и монографии. Этот список состоит из двух частей: на русском и английском языках ("Список литературы" и "References" соответственно). Англоязычная часть содержит перевод и транслитерацию названий русскоязычных источников на английский язык (см. сайт: <http://translit.net/>). Транслитерация производится по системе Библиотеки Конгресса США (ALA-LC).

Отсылки в тексте заключаются в квадратные скобки и содержат фамилию автора (авторов), год издания, номера цитируемых страниц; допускается частичная замена длинных заглавий многоточием.

1. При описании книг указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, год издания, название (*курсивом*), город издания, издательство, количество страниц.

2. Если книга написана коллективом авторов, на первое место выносится её название, после года издания в круглых скобках указывается редактор, редактор-составитель и т.п.

3. При описании переводной книги следует указать сначала ссылку на оригинальное издание, а затем – на издание русского перевода (если русское издание не является оригинальным составным сборником трудов иностранного автора).

4. Ссылки на информационные, официальные и прочие источники, в том числе на интернет-ресурсы, не являющиеся научно-аналитическими материалами (законы, материалы слушаний, выступления и обращения официальных лиц, статистические источники, материалы прессы), следует приводить в разделе "Источники", который размещается после текста статьи перед списком литературы. Ссылки в этом разделе нумеруются, отсылки к ним в тексте имеют вид номера публикации в квадратных скобках.

5. Публикации в разделах "Источники" и "Список литературы/References" приводятся в алфавитном порядке.

Примеры отсылок в тексте статьи: [1] – на публикацию в разделе "Источники", [Иванов И.И. 2001: 25] – на публикацию в разделе "Список литературы".

Все таблицы и рисунки должны быть пронумерованы, иметь заголовки и ссылки в тексте. Данные, заимствованные из другого источника, сопровождаются библиографической ссылкой. Весь графический материал принимается только в редактируемом виде (не картинками!).

Все присланные в Редакцию материалы отдаются на рецензирование.

Плата за публикацию не взимается.

Дополнительные варианты оформления ссылок и библиографии авторы могут найти на страницах журнала и на сайте <http://www.iskran.ru/journal.php>.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Все статьи журнала размещаются в базе данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК). С декабря 2015 г. журнал входит в базу *Russian Science Citation Index (RSCI)* на платформе *Web of Science*.